

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Институт иностранных языков

*220-летию
Российского государственного
педагогического университета
имени А.И. Герцена
посвящается*

STUDIA LINGUISTICA

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ**

XXVI

220 лет

РГПУ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

Санкт-Петербург
Политехника-принт
2017

Печатается по рекомендации Ученого совета Института
иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор Е.Г. Хомякова (СПбГУ);
кандидат филологических наук, профессор И.Г. Серова (ЛГУ
им. А.С. Пушкина)

Редакторы:

доктор филологических наук, профессор И.А. Щирова (ответ-
ственный редактор);
кандидат филологических наук, доцент Ю.В. Сергаева

Редактор английских текстов:

доктор филологических наук, профессор О.Е. Филимонова

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, профессор Л.А. Становая
кандидат филологических наук, профессор И.П. Шишкина

Технический редактор:

инженер II категории Д.Д. Браим

STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVI. Актуальные пробле-
мы современной филологии. Сб. научных трудов. СПб.: По-
литехника-сервис, 2017. 256 с.

ISBN 978-5-906931-35-1

Выход 26-го выпуска серии STUDIA LINGUISTICA приурочен к зна-
менательной дате – 220-летию РГПУ им. А.И. Герцена, а его первый раз-
дел посвящен ученым-герценовцам, чьи юбилеи отмечаются в 2017 году:
А.И. Домашневу, Н.О. Гучинской, З.Я. Тураевой и А.Г. Гурочкиной. Свет-
лой памяти профессора И.К. Архипова, ушедшего от нас в 2016 г., посвя-
щается последняя статья раздела.

Основное внимание в сборнике уделяется вопросам семантики и лекси-
кологии, фразеологии и лексикографии, прагматики и межкультурной ком-
муникации, теории текста и лингвостилистики. Слово и текст рассматрива-
ются авторами с точки зрения различных подходов и принципов описания.

Сборник представляет интерес для научных работников, преподавате-
лей, аспирантов, студентов языковых вузов, а также для широкого круга
читателей, интересующихся проблемами современной филологии.

ISBN 978-5-906931-35-1

220-летию РГПУ имени А.И. Герцена посвящается

220 лет

РГПУ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

УЧЕНЫХ СЛАВНЫЕ ДЕЛА

26-й выпуск серии *STUDIA LINGUISTICA* выходит в юбилейный год – 220 лет назад, 13(2) мая 1797 года, Петербургский воспитательный дом, основанный известным просветителем И.И. Бецким, получил по указу Павла I статус образовательного учреждения. История института иностранных языков начинается с 1808 года, когда при императрице Марии Федоровне в Воспитательном доме были основаны первые классы французского, немецкого и латинского языков.

Статус самостоятельного структурного подразделения факультет получил 9 мая 1919 г. В это время в III Петроградском педагогическом институте (позднее реорганизованном в ЛГПИ, а затем – РГПУ им. А.И. Герцена) принимается решение о формировании факультета новых языков. Первым деканом открывшегося 18 июня 1919 г. факультета становится профессор А.А. Брок. На факультете начинает реализовываться программа подготовки учителей иностранных языков. Далее происходит реорганизация в нефилологический факультет, в факультет новых языков, в секцию иностранных языков отделения языка и литературы и, наконец, в отделение иностранных языков.

В 1934 г. на отделении формируется факультет иностранных языков. После Великой Отечественной войны, 1 сентября 1948 г., факультет иностранных языков ЛГПИ им. А.И. Герцена возобновляет свою работу в составе 2-х отделений: английского языка и романских языков. Как и Герценовский институт, факультет претерпевает ещё целый ряд структурных изменений и

слияний с 30-х гг. прошлого века до 2014 г, став Институтом иностранных языков¹.

История научной жизни института иностранных языков неразрывно связана с целой плеядой выдающихся ученых, стоявших у истоков его формирования и заложивших основы для создания научных школ. Не одно поколение молодых исследователей выросло на трудах Б.А. Кржевского, В.М. Жирмунского, Б.А. Ильиша, В.Г. Адмони, И.В. Арнольд, М.В. Никитина, С.Ф. Шатилова, А.И. Домашнева, Н.А. Кобриной, Р.Г. Пиотровского, Н.О. Гучинской, Л.М. Скрединой, Е.Г. Эткинды, В.Г. Вилюмана, И.К. Архипова, В.Я. Шабеса и др. В память об этих ученых выпускаются сборники научных статей, проводятся конференции, круглые столы и семинары межвузовского, всероссийского и международных уровней. Мероприятиями, широко известными научной общественности, стали Круглый стол Никитинские чтения, Школа-семинар им. И.В. Арнольд, Школа-семинар имени Л.М. Скрединой, Круглый стол памяти Н.А. Кобриной, международная научная конференция «Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики и оптимизация преподавания иностранных языков» памяти профессора Р.Г. Пиотровского. 13–14 апреля 2017 состоялась всероссийская научная конференция с международным участием «Герценовские чтения. Иностранные языки», посвященная памяти профессоров И.К. Архипова, Н.О. Гучинской и А.И. Домашнева.

Сегодня институт иностранных языков насчитывает 10 кафедр, каждая из которых имеет свои уникальные научно-педагогические традиции и вносит вклад в формирование научного наследия института, в том числе, благодаря известным ученым-лингвистам. В этот юбилейный год мы с благодарностью чувствуем ученых, чьими именами гордится институт иностранных языков Герценовского университета, и чьи знаменательные даты мы отмечаем в 2017 году. Информация о них представлена ниже.

¹ Подробнее об истории РГПУ им. А.И. Герцена и Института иностранных языков читайте на страницах сайта университета – 1) <https://www.herzen.spb.ru/main/activity/museum/1248876827/>

2) <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/injaz/1410533315/>

3) <https://www.herzen.spb.ru/main/structure/inst/injaz/1410533555/1410533837/1410732057/>

21 марта 2017 года исполнилось 90 лет со дня рождения одного из крупнейших ученых нашей страны в области германистики и теоретического языкознания Анатолия Ивановича Домашнева.

**Анатолий Иванович ДОМАШНЕВ
(1927–2001)**

Более 30 лет жизни и научной деятельности А.И. Домашнева связано с факультетом иностранных языков и кафедрой германской филологии РГПУ им. А.И. Герцена. В течение этого периода он успешно совмещал педагогическую и научно-исследовательскую деятельность с руководящей административно-педагогической работой в должности декана факультета иностранных языков и заведующего кафедрой.

Возглавляя с 1976 года Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР, Анатолий Иванович продолжал работать на кафедре германской филологии, читал теоретические и специальные курсы для аспирантов, под его руководством было подготовлено более 30 кандидатских диссертаций и 3 докторских диссертации.

В нашей стране и за ее пределами А. И. Домашнев – прежде всего один из основоположников теории национально-негомогенных (поливариантных) языков как системы национальных вариантов, его имя стоит в одном ряду с именами Г.В. Степанова, А.Д. Швейцера, Л.Б. Никольского, В.Н. Ярцевой, В.Г. Гака, продолжателей того направления отечественной лингвистической науки, теоретический фундамент которого в 20–30-е годы прошлого века был заложен Л.П. Якубинским, Б.А. Лариным, В.М. Жирмунским. Труды А.И. Домашнева отличают актуальность

проблематики, смелость и оригинальность научной мысли, тщательно выверенная аргументация. Его труды оказывали, оказывают и будут оказывать чрезвычайно плодотворное влияние на развитие целого ряда направлений современной лингвистики.

16 мая 2017 года исполнилось 80 лет со дня рождения одного из ведущих специалистов в области стилистики немецкого языка и немецкоязычной поэзии, автора теории филологической герменевтики Нины Олеговны Гучинской.

**Нина Олеговна ГУЧИНСКАЯ
(1937–2001)**

Вся жизнь Нины Олеговны Гучинской была тесно связана с ЛГПИ, а затем РГПУ им. А.И. Герцена. В 1954 г. она поступила во 2-й Ленинградский государственный институт иностранных языков и в 1959 г. окончила ЛГПИ по специальности немецкий и английский языки. Нина Олеговна вела практические занятия по немецкому языку, семинары по стилистике и художественному переводу, руководила хором немецкого отделения. С 1970 года она начала читать курс лекций по истории немецкой литературы. Любовь Нины Олеговны к немецкой литературе и ее талант исследователя соединились в кандидатской диссертации «Народно-песенная основа поэтического синтаксиса ранней лирики Г. Гейне» (н. рук. д. ф. н., профессор Т.И. Сильман), а затем и в докторской диссертации «Стихотворная речь в стилевой системе художественной речи (на материале немецкоязычной поэзии)». В 1988 г. Н.О. Гучинской было присвоено звание профессора, а с 1992 г. и до конца своих дней она руководила кафедрой немецкой филологии.

Н.О. Гучинская была одним из ведущих специалистов в области стилистики немецкого языка и немецкоязычной поэзии, ученым с широким научным и культурным кру-

гозором. Она открыла и последовательно развивала в собственных трудах и работах своих учеников новое не только для кафедры, но и в целом для отечественной германистики направление в интерпретации художественного текста – филологическую герменевтику, построенную на синтезе философского, поэтологического и лингвистического толкований системы произведения словесного искусства. Однако круг интересов Нины Олеговны не ограничивался только научной деятельностью. Она была талантливым поэтом и переводчиком, познакомившим русскоязычных читателей с произведениями Мастера Экхарта, Ф. Гёльдерлина, Р.М. Рильке, Ст. Георге, Э. Юнгера, М. Хайдеггера.

11 октября 2017 года исполняется 95 лет со дня рождения крупнейшего специалиста в области теории текста и лингвистики текста Зинаиды Яковлевны Тураевой.

Зинаида Яковлевна ТУРАЕВА

Судьба Зинаиды Яковлевны Тураевой всегда была тесно связана с судьбой Ленинграда (Петербурга). Окончив с отличием школу перед Великой Отечественной войной, она перенесла первую блокадную зиму, покинула Ленинград по «дороге Жизни» через Ладожское озеро, в мае 1942 г. пошла добровольцем в действующую армию. Среди военных наград Зинаиды Яковлевны – орден Отечественной Войны II степени.

То удивительно многое, что удалось ей сделать в науке и преподавательской деятельности, заставляет вспомнить слова академика П.А. Капицы: «Иметь учеников и работать с молодежью – это самое верное средство для ученого сохранить молодость и не отставать от прогресса в науке». Доктор филологических наук, профессор Тураева, вырастила целую плеяду молодых ученых и отдала молодежи около полувека работы в РГПУ им. А.И. Герцена, из них – 27 в должности заведующего кафедрой английского языка.

Перу Зинаиды Яковлевны принадлежат свыше 140 научных трудов, в том числе учебники и учебные пособия, многочисленные научные статьи, а также давно ставшие научной классикой и означающие концептуальный прорыв в филологии монографии «Лингвистика текста» и «Категория времени: Время грамматическое и время художественное». Научное наследие З.Я. Тураевой сохраняет свое

значение для современных специалистов. В аннотации к новой монографии «От мастерства писателя к открытиям читателя. В поисках сущности текста» З.Я. Тураева ограничивает предмет исследования «некоторыми актуальными вопросами гуманитарного знания на рубеже тысячелетий». Как убеждается читатель, круг этих вопросов оказывается чрезвычайно широким, а ответы на них, представленные в 12 главах книги, демонстрируют не только целостность авторских взглядов на текст, но и эволюцию исследовательской позиции автора, который никогда не утрачивал живой связи с наукой.

В этом году Зинаида Яковлевна празднует свое 95-летие и, хотя в настоящее время она проживает в Германии, профессор Тураева сохраняет тесные научные и научно-творческие контакты с нашим вузом и кафедрами института иностранных языков. От души поздравляем юбиляра и желаем крепкого здоровья и новых творческих успехов!

4 декабря 2017 года исполняется 85 лет со дня рождения одного из ведущих отечественных специалистов в области прагматики и теории коммуникации Аллы Георгиевны Гурочкиной.

Алла Георгиевна ГУРОЧКИНА

Блестящий образец служения науке и преданности профессии учителя, Алла Георгиевна Гурочкина отмечает в этом году очередной славный юбилей.

Научная деятельность Аллы Георгиевны многогранна и результативна: тематика читаемых ею курсов охватывают широкий спектр областей лингвистики от готского языка и истории английского языка до прагмалингвистики и когнитивной семантики. Неординарный

исследовательский потенциал профессора Гурочкиной реализовал себя в свыше, чем 180 научных трудах. Её книги, развивающие идеи когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике, пользуются известностью среди коллег и обучающейся молодежи. Алла Георгиевна сформировала научные судьбы более 45 учеников и продолжает щедро делиться с молодыми исследователями знаниями и жизненной мудростью, оставаясь вдохновляющим примером профессионала высокого уровня.

Многие годы А.Г. Гурочкина отданы усовершенствованию работы Диссертационного Совета Д 212.199.05 по защите диссертаций на соискание учёной степени доктора наук в РГПУ, в должности его ученого секретаря. Коллеги

ценят Аллу Георгиевну за активную жизненную позицию, профессионализм и ответственное отношение к делу.

Педагогические и научные достижения Аллы Георгиевны Гурочкиной отмечены высшей университетской наградой – медалью РГПУ им. А.И. Герцена “За заслуги в образовании и науке”.

От души поздравляем юбиляра и желаем здоровья, счастья, новых профессиональных успехов и научного вдохновения!

*И.А. Щирова, Ю.В. Сергаева (редакторы сборника)
Л.Б. Копчук, Н.В. Пигина*

В 2016 году не стало Игоря Константиновича Архипова, блестящего ученого, одного из ведущих отечественных ученых в области когнитивистики, разносторонне одаренного, искрометного человека. Светлой памяти профессора Архипова посвящается эта статья.

УДК 81.0

И.А. Каргаполова (Санкт-Петербург, Россия)

*Памяти профессора
Игоря Константиновича Архипова*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МИФЫ КАК ОБЪЕКТ БИОСЕМИОТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена памяти профессора Игоря Константиновича Архипова, вся жизнь которого отмечена стремлением гуманизировать лингвистику, т.е. изменить традиционалистские представления о языке как «вещи в себе», избавить метаязык науки от мифов и фикций и переместить фокус исследования на языковую личность и ее «жизнь в языке».

Ключевые слова: сознание, языковая личность, биокогнитивизм, новая эпистемология, лингвистический миф, постнеклассическая наука, наблюдатель, знак, структурно-детерминированная реальность.

Трудно писать об Игоре Константиновиче Архипове – ученом, учителе и человеке, не обращаясь к цитатам из его работ. Их содержание, стиль, ключевые идеи неотделимы от личности автора, его мировоззрения, жизненного опыта, этических и эстетических принципов. Невозможно, без риска упрощения, воспроизвести логику его рассуждений о сущности языка, языковых реальностях и лингвистических мифах. Но в сознании всплывают афористичные формулировки, яркие метафоры и сравнения: *черный ящик человеческого сознания, смысловой двойник мира, состояния «несуществования», одиночество познающего сознания* и др.

Отличительными чертами Архипова-ученого, очевидными для всех, знавших его, являются:

- удивительная, с годами не угасающая способность к восприятию новых идей – как правило, дискуссионных, – и умение отличать истинную новизну от веяний моды или конъюнктуры;

- научная честность, правила которой предписывают не лгать себе и другим: он часто повторял, что ученому не может быть безразлично, какую картину мира он представляет своей аудитории;

- восхищение объектом своего исследования, т.е. человеческим языком, его динамической природой, независимо от того, как и в чем она проявляется, и, в конечном итоге – восхищение человеком, в котором этот язык воплощен;

- неприятие идеи исследования языка в статике, языка как склада гетерогенных единиц-вместилищ готовых смыслов;

- принципиальное нежелание ограничивать себя рамками авторитетных мнений и направлений: в каком бы из них он не работал и какие бы общие установки не разделял, он всегда оставался верен себе, полагаясь на свою лингвистическую интуицию. У него всегда было свое особое мнение, в той или иной степени отличное от общепринятого. Так, вопреки распространенному в 70-80 годы синтаксическому уклону, И.К. Архипов продолжал заниматься «словом», считая его основной единицей языка, и в одной из своих статей выдвинул идею «лексической грамматики» в противовес грамматикам хомскианского толка [Архипов, 2010, с. 75]. В период, когда особой популярностью пользовались исследования механизмов дефиниционного словообразования, утверждавшего примат синтаксиса в формировании семантики производного слова, Игорь Константинович исследовал механизмы импликации, лежащие в основе развития регулярной полисемии [Архипов, 1984]. В последнее десятилетие его особый взгляд и антитрадиционалистские установки проявились в отношении к биокогнитивной теории восприятия У. Матураны – оригинального представителя постнеклассической науки, принципы которой разделяют далеко не все члены ученого сообщества. Следует отметить, что не только противники, но и адепты этой теории признают за ее автором способность вызывать некоторое раздражение сложностью философских аргументаций и обилием нейрофизиологических терминов, не совсем привычных для «филоло-

гического» слуха. Примечательно, что И.К. Архипову этот язык был абсолютно понятен.

Молодое поколение ученых знает Игоря Константиновича, прежде всего, как убежденного биокогнитивиста. Но людям постарше известно, что в науку он вошел как семасиолог, исследующий словообразовательную семантику лексических единиц в синхронии и диахронии [Архипов, 1975, 1985]. «Семасиологический» период его научной деятельности, на который пришлось защита кандидатской и докторской диссертаций, совпал с периодом расцвета структурной семантики, очень плодотворной, но логоцентрически ориентированной дисциплины. Это было время активного построения субстанциалистских теорий языка, или «что-теорий» [Кибрик, 2002], и распространения методов, которые помогали открыть в языке то, о чем раньше и не подозревали (в частности, скрытые категории). Но в постструктуралистский период стали востребованы «как-теории», призванные объяснять, для чего и как устроен язык, а также выявлять «несистемное в системе, неструктурное в структуре».

Функционалистский этап научной деятельности И.К. Архипова ознаменовался отходом от логоцентризма, став периодом критического переосмысления общепринятой аксиоматики и развенчания лингвистических мифов. Осознавая необходимость говорить о реальностях языка на языке, понятном для других, он разделял неофункционалистский постулат «о простоте языка» [Кибрик, 1987, с. 37], утверждающий, что язык устроен просто, но сложны и неадекватны наши представления о нем. Соответственно, «мера нашего непонимания языка измеряется мерой сложности его описания» [Там же]. Таким образом, задача лингвиста состоит в сокращении разрыва между тем, как устроен язык и как он описывается. Эту задачу И.К. Архипов решал на протяжении всей жизни, но особую актуальность она приобрела в биокогнитивный период его научной карьеры. Он понимал, что когнитивизм, если он претендует на создание общей теории языка, которая должна стать частью общей теории человека, не может в своих объяснительных схемах ограничиваться типовым набором расхожих понятий и не апеллировать, например, к данным нейробиологии. Для И.К. Архипова привлекательность «новой эпистемологии» У. Матураны состояла в

том, что была построена «исходя из понимания того, что язык как динамическая система самым тесным образом связан и взаимодействует с другими динамическими системами человека» [Кравченко, 2015, с. 158]. Следовательно, с научными данными о последних необходимо согласовывать и все лингвистические построения. Иными словами, нужно было представить «новый рассказ» [Архипов, 2009, с. 147] о том, что ранее подвергалось многократному, но часто неточному или предвзятому описанию, результату которого, по мнению И.К. Архипова, никак не соотносились ни с жизненным и языковым опытом человека, ни с современными знаниями о работе мозга, нервной системе и т.п. Поэтому нужно было осваивать новые термины, «вживаться в них» и в то же время осознавать риски, связанные с отказом от традиционной лингвистической терминологии. И.К. Архипов писал, что полный отказ от нее «может не только быть не понят современниками, но и способствовать разрушению связей с предыдущим научным опытом и тем самым способствовать разрушению самой науки, ибо наука есть всего лишь определенное состояние сознания людей, интересующихся ею» [Там же, с. 148].

В поисках ответа на вопрос о том, как лингвисту следует говорить о мире и языке, И.К. Архипов прибегал к процедуре, которую называл «анализом с позиций онтологии», проводимом «исключительно в терминах прямого смысла» [Архипов, 2008, с. 208]. Аналогичный метод использовался в лингвистической философии, где был известен как «терапевтический анализ языка» с целью устранения его «дезориентирующего влияния на мышление» [ФЭС, 1989, с. 313]. Подобно философам-аналитикам, предлагающим путем логико-семантического анализа усомниться в объективности смысла «эмпирических предложений» типа *Солнце встает на востоке и заходит на западе*, И.К. Архипов считал необходимым «расставлять точки над *i*» во фразах типа «текст рассказывает нам о ...». Что в действительности следует понимать как: «текст содержит материальные средства, на основании которых в сознании читателя воссоздается содержание, которое представляет автор текста» [Архипов, 2008, с. 190–191]. Можно составить длинный список неточных формулировок и лингвистических клише, которые, привлекая внимание И.К. Архипова, стали поводом для написания блестящих, полемически

заостренных статей, философских обобщений, сократических диалогов «с собственным сознанием». Приведем наиболее частотные из них, автоматически воспроизводящиеся и обладающие почти хрестоматийным статусом.

Знак есть материально-идеальное образование:

Для И.К. Архипова, всегда последовательно разделявшего идеальное и физическое, такое соединение невозможно, поскольку знак есть, прежде всего, «определенное состояние сознания индивидуальной языковой личности» [Архипов, 2008, с. 35]. В нем «идеальное» (содержание слова) генерируется, в нем же остается, и в нем же соединяется с другим «идеальным» – т. е. *образом* материальной формы слова. Соответственно, знак «представляет собой единство образов содержания и формы слова». Материальная же форма сама по себе не может передавать какого-либо содержания, «если не находится в фокусе активного внимания языковой личности» [Там же, с. 34]. Мысль, будучи свойством нервной ткани и неотделимой от нее, «не может пройти сквозь толщу оболочек человеческого тела» и «может быть только *представлена* в мире материальных предметов *одним из них*, а именно звуковой формой» [Архипов, 2009, с. 108], способной перемещаться в реальном пространстве. Данное утверждение поразительным образом совпадает с экзистенциалистской трактовкой личностного бытия как «внутреннего», которое постоянно переходит во внешнее, предметное бытие [СЗФ, 1991, с. 388]. Сходством экзистенциалистских трактовок личностного бытия и биосемиотического понимания языка подчеркивается не только органичная связь соответствующих объектов рассмотрения, но и их тождество, означающее: быть человеком – значит существовать в языке, «язык человека – не его *alter ego*, а само это *ego*» [Архипов, 2008, с. 41].

Человеческий фактор в языке:

Из двух значений латинского слова *factor* – а) движущая сила, причина какого-либо процесса, явления; б) существенное обстоятельство в каком-либо процессе, явлении – в лингвистике в большей степени закрепилось второе, утверждающее вторичность человека по отношению к языку. Последний же самоорганизуется, развивается по своим законам, в нем действует «невидимая рука изменений», а некоторые его элементы испытывают

на себе «давление системы». Представляя возможную реакцию на это «носителя языка» (что также является весьма странным обозначением говорящего и мыслящего субъекта), И.К. Архипов иронично замечал: «Я думал, что язык – неотъемлемая часть меня самого, но, оказывается, я являюсь лишь одним из его факторов».

Контекстно-независимое значение:

Из этой формулировки следует, что «фон» важнее «фигуры», поскольку контекст (< лат. *contextus* – сплетение, соединение, часть текста, тесная связь) наделяется творческой силой, способной породить, изменять, предопределять значение слова. Он, как и язык, предстает «некой имманентной сущностью в духе Платона», действующей по своим собственным законам. Ему, как и языку, приписываются действия, которые могут выполняться только языковой личностью. Она осуществляет «формирование задуманного смысла с учетом конкретных условий ситуации общения» [Архипов, 2008, с. 37]. Ей же приходится адаптировать свое высказывание в соответствии с речевым контекстом, который, «как правило, от нее не зависит». «Словесное же окружение какой-либо единицы языка всегда является результатом решения говорящего» [Там же]. В ранний период своей научной деятельности И.К. Архипов утверждал, что «новые (словесные) контексты языковых единиц являются следствием развития их собственной полисемии, обусловленной возможностями их семантического потенциала и потребностями коммуникации [Архипов, 1985, с. 21]. Исследуя тогда механизмы и закономерности имплицитного словообразования (*если слово имеет значение типа А, то оно может быть употреблено в значении типа В*), он доказывал, что семантика деривата включает в себя первичное значение в качестве фонового. Впоследствии идея фонового значения оформилась у И.К. Архипова в теорию лексического прототипа.

Коллективное языковое сознание:

Это еще одно понятие, которому, как и многим другим в лингвистике, дается «характеристическое определение» [Филлмор, 1983], т.е. попытка выявить сущность понятия в отрыве от значений слов, его именующих. За «коллективным языковым сознанием» стоит не «сумма индивидуальных сознаний говорящих

субъектов», [Архипов, 2008, с. 196], а схема общих представлений большинства о своем языке, о том, кто и как на нем говорит. Роль большинства сводится к участию в формировании языковой нормы, к одобрению/неодобрению и тиражированию того, что возникает только в индивидуальном сознании. Вполне очевидно, что «система языка в одной голове несколько отличается от системы в другой, несмотря на принадлежность говорящих голов к одному языковому коллективу» [Там же]. Обнажая сугубо условный характер понятия путем его деконструкции, И.К. Архипов объясняет и оправдывает его широкое использование некоторыми особенностями когнитивной деятельности человека, а именно желанием и готовностью познавать истину в первом приближении, осваивать, прежде всего, то, что «зримо и массовидно». «Общую схему легче создать и проще пропагандировать ... Гораздо проще, чем разбираться в индивидуальной человеческой душе ...». [Архипов, 2008, с. 28–29]. Не будет преувеличением сказать, что работы И.К. Архипова конца XX – начала XXI века стали апологией человеческой личности, уникальности ее познающего сознания, обреченного на эпистемологическое одиночество в полифоничном мире.

Порождение речи начинается с синтаксиса:

– т. е. с конечного набора правил, способных на выходе порождать правильные/приемлемые высказывания. С момента ее появления эта гипотеза, трудно доказуемая, как и многие другие, связанные с речепроизводством, остается популярной, несмотря на многолетнюю дискуссию о сильных и слабых сторонах генеративизма. Но для И.К. Архипова, убежденного в творческом, свободном, телеологическом характере языковой деятельности и считавшего языковую личность генератором и интерпретатором всех структур знания, была неприемлема идея готовых конструкций, предназначенных для обязательного или факультативного заполнения лексическими единицами. Он говорил, что не может представить себе А.П. Чехова или Л.Н. Толстого, да и всех тех, кто профессионально работает со словом, воплощающими свой замысел подобным образом. «Выбор слов и актуальных значений, а также синтаксической последовательности слов определяются не жесткими синтаксическими правилами, а их оптимальным, по мнению говорящего, соответствием когнитив-

ному и прагматическому содержанию высказывания» [Архипов, 2008, с. 37]. Синтаксические последовательности возникают в результате постепенного «нанизывания слов». В свое время об этом же писал О. Есперсен: «Предложение ... не возникает в сознании говорящего сразу, а создается постепенно. Правда, это не всегда бывает наглядно ...» [Есперсен, 1958, с. 46]. Именно для объяснения того, как осуществляется процесс нанизывания компонентов высказывания (лексическико-семантических, морфолого-синтаксических, функционально-коммуникативных), И.К. Архипову была необходима ранее упомянутая «теория лексической грамматики».

Язык отражает действительность, соответственно, значение есть отражение [Архипов, 2008, с. 13]:

Этот хрестоматийный тезис, в соответствии с материалистической теорией отражения, означает, что знак «может обладать вполне самостоятельным и ни от чего не зависящим свойством обобщения» и что звуковая форма может осуществлять фиксацию понятия. Таким образом, «мертвой материи языкового знака приписывается обобщающая сила, которая на самом деле является функцией лишь человеческого мозга» [Там же]. Поступающую извне информацию сознание превращает в *образ* предмета, размытый и редуцированный, который не может совпадать непосредственно с самим этим предметом. Ни одно слово, обозначающее какой-либо предмет, не может отражать всей совокупности признаков, ему присущих, т.е. быть его зеркальным подобием. «Но если нет подобия, значит, нет и отражения» [Архипов, 2008, с. 15]. Необходимо подчеркнуть, что для биосемиотики как «новой эпистемологии» принципиален вопрос не столько о природе знака и его способности «отражать» реальность, сколько вопрос о самой этой реальности. По замечанию В.П. Руднева, в конце XX–начале XXI века «основной вопрос философии» (философии постнеклассической) сводится не к отношению бытия к сознанию в терминах первичности-вторичности, а к отношению языка к действительности и определению того, с какой действительностью мы имеем дело [Руднев, 1999]. Можно ли, в полном смысле, считать ее «объективной»? Как убежденный сторонник новой эпистемологии И. К. Архипов разделял принятый в ней постулат о человеческой реальности как структурно-детермини-

рованной, поскольку ее восприятие человеком обусловлено внутренней, структурной динамикой его сознания. Для человека мир предстает как «продукт описательной области», в которой сам он выступает в роли наблюдающей и описывающей системы. Таким образом, объективный мир, существующий независимо от нас, в результате описания («оязыковлениа») делается «доступным и выразимым» [Имото, 2006, с. 18]. С марксистской точки зрения такой взгляд на «объективную действительность» является чистым идеализмом. Но те, кто признает структурно-зависимый характер человеческой реальности, в свой черед, небезосновательно полагают, что большим идеализмом – идеализмом эпистемическим – является непоколебимая уверенность в том, что «объективные вещи существуют именно такими, какими мы их знаем» [Там же, с. 16]. Истинный реализм состоит не в безоговорочном признании материалистической теории отражения, а в отказе от любых идеализаций. И.К. Архипов хорошо это понимал и прилагал немало усилий для разграничения языковых реальностей и лингвистических мифов и теорий, «построенных на несуществующих явлениях языка» [Архипов, 2008, с. 217].

Сознание помещается в мозг:

Так утверждают сторонники «когнитивного централизма», которому в работах И.К. Архипова, его предшественников и единомышленников противопоставляется постулат о «когнитивном рассеивании» [Коули, 2009, с. 199] или распределенности сознания. Поскольку язык воплощен в его носителе и не может существовать вне связи со своим субстратом – нервной ткани, «в семиозисе принимают участие все отделы нервной системы, рецепторы которых получают сигналы извне. Из этого естественно следует, что сознание может быть распределенным во всем организме и не быть ограниченным пространством головного мозга. Об этом свидетельствует растущее количество эмпирических данных» [Архипов, 2009, с. 116]. Такого рода данные были получены и в ходе нейролингвистического эксперимента, описанного в [Кошелев 2015: 123–154] и подтвердившего, в частности, сенсоромоторный характер восприятия слов-соматизмов (*схватить, пнуть, лизнуть, поднять* и т.п.). Выяснилось, что как только человек слышит или читает эти слова, в его мозгу мгновенно активизируется зона моторного представительства соответству-

ющей части тела, причем в 2–3 раза быстрее того времени, за которое человек успевает осознать значение воспринятого слова.

Вводя биокогнитивную терминологию в метаязык современной лингвистики, что не всегда находило понимание в научных кругах разного уровня, Игорь Константинович искренне недоумевал, почему такие общенаучные понятия, как «наблюдатель», «среда», «приспособление организма к среде», «область описания», «описывающая система» и др. часто воспринимаются аудиторией как сложные и радикально новые. Известно, например, что еще в начале 80-х годов А.В. Бондарко ставил вопрос о необходимости введения понятия «среда» в современную лингвистику. «Обращение к понятию ‘среда’ имеет принципиальное значение для объяснения языковых систем ... Исследование приобретает необходимую объяснительную силу лишь в том случае, когда изучение внутрисистемных отношений дополняется анализом отношений между системой и ее средой» [Бондарко, 1984, с. 56]. Что касается категории наблюдателя как субъекта познания, она является ключевым элементом современной постнеклассической науки и считается одним из наиболее значительных интеллектуальных открытий XX века. Понятие «наблюдатель» стало одним из ключевых в аналитической философии. Оно органично вписывается и в эпистемологию У. Матураны, известную также как учение о живых системах. Но описание живых систем возможно тоже только с помощью живой системы, которая в данной теории обозначена как «наблюдатель».

И.К. Архипов, несомненно, был идеальным Наблюдателем – в высоком, научном смысле этого слова, многое познавшим и многое понявшим – не только о языке. В этом качестве он обнаруживает себя в каждой из его книг и статей. Светлый человек. Талантливый преподаватель и просветитель. Ученый-гуманист XXI века. Он вошел в науку как лингвист, а остался в ней и в нашей памяти как философ, чьи размышления о «языковых реальностях» выходят далеко за рамки лингвистики и заставляют задуматься о смысле, форме, способах человеческого существования внутри «структурно-детерминированной» и «объективной» реальностей.

Список литературы

Архипов И.К. Словообразовательная валентность непроизводных основ прилагательных (на материале древне-, среднеанглийского и современного английского языка). АКД. – Л., 1975.

Архипов И.К. Семантика производного слова английского языка. – М.: Просвещение, 1984.

Архипов И.К. Семантика и номинативно-коммуникативные функции производных слов (на материале современного английского языка). АДД. – Л., 1985.

Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 157–171.

Архипов И.К. Язык и языковая личность – СПб.: ООО «Книжный дом», 2008.

Архипов И.К. Язык и его функция: смена парадигм научного знания. // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 100–152.

Архипов И.К. Слова и синтаксические конструкции // Слово в предложении. Коллективная монография. – Иркутск: Иркутск. гос. лингв. ун-т, 2010. – С. 64–82.

Архипов И.К. Биосемиотическая парадигма знания и практика преподавания иностранного языка // *Studia linguistica cognitive*/ Вып. 3. Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – С. 156–167.

Бондарко А.В. Функциональная грамматика. – Ленинград: НАУКА, 1984.

Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.

Имото С. Философское основание теории восприятия У. Матураны // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 8–19.

Кибрик А.Е. (ред.). Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М.: Наука, 1987.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. – М., 2002.

Кошелев А.Д. На пороге эволюционно-синтетической теории языка // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 123–154.

Коули С.Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 192–227.

Кравченко А.В. О предметной области языкознания // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 155–172.

Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999.

Современная западная философия: Словарь / Под ред. В.А. Лекторского. М.: Политиздат, 1991.

Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.14. Проблемы и методы лексикографии. – М.: Прогресс, 1983.

Философский энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева и др. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Irina Aleksandrovna Kargapolova (Saint Petersburg, Russia)

In Memoriam Prof. I.K. Arkhipov

LANGUAGE MYTHS AS AN AREA OF BIOSEMIOTIC RESEARCH

The author pays tribute to Professor I.K. Arkhipov who dedicated his life to implementing the idea of linguistics “going human”. It implied changing the orthodox “thing-in-itself” approach to language by rejecting language myths, outdated concepts and inadequacies, and by making an individual speaker’s consciousness/language the focus of linguistic research.

Keywords: *consciousness, the languaging self, biocognitivism, new epistemology, language myth, sign, observer, structure determined reality*

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ПАРАДИГМАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 821.111

Ф.Ш. Бекмурзаева (Санкт-Петербург, Россия)

ДИАХРОНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ

Статья посвящена изучению категории полимодальности в диахроническом аспекте. Основное внимание уделяется симбиозу слова и изображения как элементов дифференциальных семиосистем в структуре рекламных текстов.

Ключевые слова: полимодальность, протореклама, вербальный компонент, невербальный компонент, каллиграфия, живопись.

Язык – зеркальное отражение общества на любом этапе его становления. Все изменения, которые когда-либо затрагивали общество, в обязательном порядке затрагивали и язык.

Конsumerизм современного общества, которое также называют «потребительским обществом», позволил рекламе настолько глубоко «пустить свои корни» в нашу жизнь, что переоценить ее важность не представляется возможным до сих пор: общество перешло на визуально-превалирующий тип мышления и, как следствие такого перехода, – на преимущественно визуальный модус коммуникации. Лингвистика, в свою очередь, изменила вектор своего исследования в сторону разностороннего, всеобъемлющего изучения проблемы коммуникации с охватом уже неязыковых, невербальных средств общения наряду с вербальными, языковыми. Этим определяется актуальность всестороннего изучения категории полимодальности.

Под полимодальностью понимается «способность человека вмещать в процессе познания и коммуникации несколько способов (модусов) освоения мира и общения – вербальный, визуальный, кинетический (жестовый) и др.» [Kress, 2010].

Великий древнеримский оратор, философ и политик М.Т. Цицерон говорил, что история «есть свидетель прошлого, свет истины, ... и вестник старины» [Афоризмы великих людей, <http://>

www.wisdoms.ru/66.html]. Французский поэт и философ XX века Поль Валерí изрек, что «в будущее мы входим, оглядываясь на прошлое» [Афоризмы великих, <http://www.aphorisme.ru/>]. Эти два афоризма заставляют нас взглянуть на рекламу как тип полимодального текста, в первую очередь, под историческим углом зрения. Важно осознавать, что симбиоз вербалики и невербалики имеет давнюю историческую традицию. Еще Р. О. Якобсон, крупнейший российско-американский лингвист XX века, отмечал, что «синкретизм поэзии и музыки, вероятно, первичен по отношению и к поэзии, и к музыке – так же как визуальные сигналы кинесики органически связаны с теми или иными аудиальными знаковыми системами» [Якобсон, 1985, с. 327].

Современный «фенотип» реклама приобрела благодаря своей многовековой эволюции и тому, что «письменность генетически связана с изобразительным искусством» [Бернацкая, 2000, с. 107].

Будучи основным и единственным средством коммуникации далекой древности, звуковая речь стала прародительницей иного способа трансляции информации в человеческом коллективе. Новый способ общения был просто находкой. Благодаря письму (а именно, визуальной коммуникации) люди научились накапливать знания и передавать их от поколения к поколению, появилась возможность прямого общения на расстоянии, а самое главное, оно дало надежду на будущее, стало двигателем прогресса.

Изначально письменная коммуникация носила исключительно изобразительный характер (была представлена наскальной живописью), иными словами, представляла собой «изобразительную речь» [там же].

Пиктограммный письменный знак передавал конкретный, реальный объект действительности. Однако, с развитием отвлеченного, абстрактного мышления, пиктографическое письмо больше не могло удовлетворять всем потребностям письма, и на свет появляется идеографическое письмо, чей письменный знак заключал в себе уже определённый смысл. Таким образом, появилась возможность обозначать не только предметы и действия, но также сложные отвлеченные понятия, признаки предметов и признаки действий.

«К примеру, для обозначения понятия «зоркость», которое нарисовать невозможно, изображали тот орган, через который оно

проявляется, то есть – глаз. Таким образом, рисунок глаза как пиктограмма означает «глаз», а как идеограмма – «зоркость» [Реформатский, 2006, с. 352]. Другими словами, рисунок мог иметь денотативное и коннотативное (переносное) значения.

Учеными было установлено, что пиктографическое письмо имеет схожие черты с невербальной системой коммуникации, однако не идентично ей: занимаясь изучением идеографических систем письма (в частности, китайского) ученым удалось установить влияние «языка жестов» – как средства межплеменного общения на развитие идеограммы из пиктограммы. «Поскольку жест, то есть зрительный знак не графический, приобретает в этой форме общения отвлеченное значение, становится сигналом отвлеченного понятия, ясно, что здесь намечается путь для отыскания графических знаков для выражения отвлеченных значений. Графическое изображение символического жеста становится графическим изображением отвлеченного понятия, им выражаемого» [Шор, Каринский, 1929–39, с. 699–721].

Невербальная (рисунчатая) система коммуникации недолго была господствующей. А. А. Бернацкая в своем научном труде постулирует, что «уже иероглиф стал, параллельно звуковой оболочке слова, планом выражения единого плана содержания» [Бернацкая, 2000, с. 104–110]. Так ознаменовалось появление последнего протописьменного этапа, исторически именуемого иероглифическим. Он послужил пусковым механизмом для зарождения зачатков фонетического письма – современного письма, современной письменной (буквенно-звуковой) речи. Выражаясь простыми словами, письмо стало графическим соответствием транслируемого устного сообщения.

С течением времени граница разделения средств визуальной коммуникации на абстрактный шрифт, и конкретное изображение становится все четче. Ученые обнаружили на наскальных рисунках (проторекламе) не только изображения обитавших на тот момент животных, но и многочисленные знаки, представленные точками, линиями или, например, геометрическими символами. «Перед нами пример «соседства» абстрактных символов и конкретных изображений, который свидетельствует о том, что в произведениях первобытного искусства решались задачи более широкого плана, нежели графическое воспроизведение объектов

предметного мира. Происходило осознанное построение визуальной коммуникации» [Белько, Длясин, 2010, с. 237].

Время шло, изобразительные знаки все больше и больше отдалялись от предметов, сходство с которыми они когда-то имели. «В Египте рано возникло алфавитно-слоговое письмо. Когда ученые взялись за его расшифровку, их сбивало с толку то обстоятельство, что среди схематических «букв» то и дело встречаются изображения не схематические – людей, животных, птиц, различных предметов, очень тонко и точно нарисованные, очень похожие на те, которые встречаются в самих изобразительных композициях. Когда знаменитый французский ученый Шампольон их расшифровал, оказалось, что изображения лишь присоединены к слоговому письму в качестве «детерминативных знаков», определителей. То есть, если писалось слово со значением «плыть», то перед ним помещали рисунок корабля; если речь шла о плясках – помещали изображение танцовщицы, и т.д. По существу, надобности в этих дополнительных знаках не было – слово и так можно было прочесть. Сохраняя знак-образ, письменность сохраняла родство с искусством. Искусство же в свою очередь сохраняло свою родственность с пиктограммой – и внешнюю и внутреннюю» [Дмитриева, Виноградова, 1989, с. 44].

Античность – один из самых длительных периодов человеческого существования. В эту пору происходит активное появление и развитие многих видов современного искусства, в том числе искусства рекламы, которую потом позаимствует европейская цивилизация.

Период знаменуется появлением первой письменной рекламы, именуемой граффити, также появляются вариативные жанры рекламы, например, афиши, сообщавшие о зрелищах или собраниях. В обществе наблюдается осознанный переход от проторекламы, понимаемой как первобытная, к рекламе.

Ярким примером сосуществования знаков разных семиосистем данной эпохи является, например, афиша, написанная профессионалом античной рекламы Эмилием Целерой; в ней граффити – имя мирмилона Марка Атилия (Marcus Atilius), который одержал четырнадцать побед, и имя Луция Реция Феликса (Lucius Raecius Felix), который одержал двенадцать побед, сопровождается их изображениями.

Еще один, не менее яркий, пример античного разносемного соедства элементов был обнаружен в III в. до н. э. в египетском городе Мемфисе. Это самая древняя реклама на современный лад, где вербальный компонент представлен надписью, которая приглашает посетить гадалея по имени Рино с острова Крит, а невербальный – изображением священного быка Аписа, которое усиливает убедительность и выразительность рекламного сообщения.

Изобразительное искусство начинает подвергаться градуальной бифуркации. Ю. А. Герчук отмечает: «антагонизм слова и изображения возникает лишь на стадии формирования феномена «чистой эстетичности»» [Герчук, 1986, с. 123]. Примером этому может служить Кносский дворец, фасадные фигуры которого построены на манер древнеегипетских, где лицо и ноги были даны в профиль, а остальные части тела – в анфас. «Более того, изображаемые объекты лишены каких-либо текстовых пояснений. У критян была своя оригинальная письменность, но в настенных росписях знак полностью исключен из пространства изображения. Возможно, именно здесь впервые в истории происходит осознанное освобождение изобразительного искусства от утилитарных коммуникативных целей. Изображение не поясняется, оно не рассказывает, а показывает. Опускается все символическое и абстрактное» [Белько, Длясин, 2010, с. 238].

Эпоха Средневековья характеризуется чередой научных, географических и иных открытий, появляются рукописные книги и книгопечатание. По мнению исследователей, эта пора является наиболее показательной для симбиоза слова и изображения. Происходит процесс взаимосвязи и взаимообогащения искусства слова и изображения.

«Истолковывать каллиграфию – все равно что вести беседу; смотреть на каллиграфию – все равно что видеть самого человека» написал Сян Му в трактате «Просвещенные речения о методе каллиграфии».

Так, в средневековом Китае были найдены работы, представляющие собой органическое художественное единство каллиграфии и живописи. «Способ письма тушью с помощью кисточки открывал огромные возможности перед китайскими художниками. По этой причине с глубокой древности китайцы рассматривали каллиграфию в тесной связи с живописью, считая, что

у обоих видов творчества имеется общий источник» [Своеобразие искусства Китая: триединство каллиграфии, поэзии и живописи, <http://ancona-arte.ru/stati/svoeobrazie-iskusstva-kitaya-triedinstvo-kalligrafii-poezii-i-zhivopisi/>].

Выдающийся древнекитайский живописец и литератор Су Ши (1036–1101) выступал за то, чтобы «в стихах была образность живописи, а в живописи присутствовала поэзия».

В данном примере изображение олицетворяет каллиграфию, а каллиграфия – живопись. Изображение и стихотворная надпись вступают в равноправные отношения друг с другом; надпись, дополняя образное содержание картины, делает все произведение искусства гармоничным и выразительным. Красный цвет печати – знак авторства, геральдика, контрастируя с черно-белым и цветным фоном картины, наделяет ее законченностью.

«Каллиграфия выступает и как зеркало душевного состояния: настроения радости, гнева, печали или умиротворенности – все это отражается на написании иероглифа, который может быть соответственно либо спокойным, либо тревожным, либо придавленным, либо отмеченным грациозностью и красотой. Более того, каллиграфия способна передавать не только внутренний, но и внешний облик человека, она выдает его характер и темперамент. Для характеристики каллиграфического подчерка художники подыскивали аналогии в естественной жестикуляции» [Малинина, 2000, http://old.nsu.ru/education/japanart/1_12.htm].

Известный историк и культуролог И. Хейзинга подчеркивает, что «основная особенность культуры позднего Средневековья – ее чрезмерно визуальный характер» [Хейзинга, 1998, с. 318]. Изобразительные средства рекламной деятельности в этот период все больше и больше расширяют свои возможности воздействия на целевую аудиторию. Начертания букв постепенно начинают дополнять красочные фигуры вывесок. Письменное слово расширяет сферу своего действия, и на вывесках все большее место начинает занимать их вербальная часть.

«Письменные формы культуры, все настойчивее проникали в общественный быт, тем самым усиливая спрос на образованных людей, рукописные книги. Свидетельством этого является рукописный каталог имеющихся в продаже манускриптов, относящийся к 1447 году» [Ученова, Старых, 2002].

«Поднялся спрос на письменную продукцию различных жанров: памфлеты, листовки, книги и др. Спрос повлек за собой изобретения печатного способа их тиражирования и становления нового этапа рекламной деятельности» [там же, с. 318].

Развитие техники «толкает» рекламу на несколько иной путь дальнейшего развития, на передний план выдвигается техногенное рекламное производство. В 1472 году появляется первая печатная реклама.

Качественно новый виток в своей истории реклама переживает с развитием массового производства и обострения конкуренции. Благодаря потребности людей в прибыльности и в дальнейшем стабильном процветании производства возрастает роль профессионально модифицированных рекламных технологий. В 1839 году начинается происходить переход от слов к фоторекламе, а затем и к радио, и к видеорекламе – к видам современных полимодальных текстов, представляющих гетеросемиосистемный симбиоз: константный вербальный компонент и лабильный невербальный.

Таким образом, соседство слова и изображения, а значит и категория полимодальности, является самым древним способом и фундаментом современной визуальной коммуникации: анализ примеров симбиоза слова и изображения в структуре рекламных текстов позволяет установить преемственность между традиционной, мономодальной и современной полимодальной структурой (разные невербальные знаковые единицы в рекламе). Кроме того, в статье прослеживается корреляция слова и изображения с живописью и каллиграфией, их давняя и современная взаимосвязь.

Список литературы

Белько Т. В. Длясин Д. Г. Шрифт и изображение в истории визуальных коммуникаций // Известия Самарского научного центра РАН. Т. 12, № 3, 2010. С. 236–241.

Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. Гос. ун-т; Под редакцией А. П. Сквородникова. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000. С. 104–110.

Герчук Ю. Я. Художественная структура книги. М., 1986. С. 123.

Дмитриева Н. А., Виноградова Н. А. Искусство древнего мира. М., 1989.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М., 2006. С. 352–353.

Смирнов С.И. Шрифт в наглядной агитации, изд. 3-е, испр. и доп. М., 1990. 192 с. ил.

Ученова В.В. Старых Н.В. История рекламы. 2-е изд. СПб., 2002. Хейзинга И. Осень Средневековья. М., 1988.

Шор Р.О., Каринский Н.М. Графика // Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929-1939. Т.2. – М., 1929. С. 699-721.

Якобсон Р.О. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Р.О. Якобсон. Избранные работы. М., 1985.

Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. – London: Routledge, 2010.

Афоризмы великих: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aphorisme.ru/> (дата обращения: 20.01.17).

Афоризмы великих людей: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wisdoms.ru/66.html> (дата обращения: 20.01.17).

Малинина Е. Е. Синкретизм дальневосточного искусства. Взаимодействие литературы, каллиграфии, живописи. Философско-мировоззренческая основа дальневосточной живописи. Поэтика жанров, 2000: [Электронный ресурс]. URL: http://old.nsu.ru/education/japanart/1_12.htm (дата обращения: 02.02.17).

Своеобразие искусства Китая: триединство каллиграфии, поэзии и живописи: [Электронный ресурс]. URL: <http://ancona-arte.ru/stati/svoeobrazie-iskusstva-kitaya-triedinstvo-kalligrafii-poezii-i-zhivopisi/> (дата обращения: 25.01.17).

Bekmurzaeva Feruza Shukhratovna (Saint Petersburg, Russia)

DIACHRONIC ASPECTS OF STUDYING THE CATEGORY OF POLYMODALITY

The article provides an insight into the category of polymodality in diachronic aspect. Considerable attention is paid to the word-image symbiosis as elements of different semiotic systems within the advertisement structure.

Keywords: *polymodality, verbal component, non-verbal component, primitive advert, calligraphy, painting.*

Е.С. Борисенко (Санкт-Петербург, Россия)

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «АЛЛЮЗИЯ» И «ФРАЗЕОЛОГИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Статья посвящена вопросу рассмотрения фразеологизма как прецедентного микротекста, аллюзивного фразеологизма как фразеологизированного прецедентного феномена, а также связанным с ними типами аллюзий.

Ключевые слова: фразеологизм, аллюзия, прецедентный текст, микротекст, интертекстема.

Аллюзия, как сложное и многоаспектное явление, рассматривается в рамках семиотики, прагматики, стилистики текста, риторики, поэтики, лингвострановедения и прочих языковедческих дисциплин, а также является одним из центральных объектов изучения в теории интертекстуальности. Фразеология не стала исключением в данном ряду, приняв в свой арсенал понятие «фразеологическая аллюзия».

В «Очерках по стилистике английского языка» (1958) И.Р. Гальперин описывает стилистический прием фразеологической ссылки (аллюзии), который заключается в употреблении выражения в виде отдельных слов или сочетаний слов без разложения (восстановления значения компонентов) фразеологической единицы, что позволяет достигнуть максимальной сжатости высказывания [Гальперин, 1958, с. 172–173]. Обзор примеров, которыми автор иллюстрирует данное явление, позволяет сделать вывод, что Гальперин достаточно широко понимает фразеологическую аллюзию. Подобный подход позволяет включить в ее состав такие приемы, как фразеологическая контаминация, эллипсис или же наоборот расширение, обыгрывание структурно-семантической модели, а также замену компонентов фразеологизма.

Иная трактовка фразеологической аллюзии представлена в исследованиях Л.И. Ройзензона, который в качестве особого типа эллипсиса выделяет «фразеологический намек» как «упомина-

ние какой-то фразеологической единицы, иногда ее названия одним словом, намек на известность носителям языка» [Ройзензон, 1973, с. 116]. При этом как эллипсис, так и намек (аллюзия) строятся на принципе фразеологической антиципации, т.е. предвосхищения полного устойчивого выражения по детерминирующему фрагменту (ядерному компоненту), представляющему смысловое равенство части целому. В русле данного подхода фразеологическая аллюзия рассматривались в большинстве последующих исследований, где, в числе прочих стилистических приемов, включалась в ряд фразеологических контекстуальных трансформаций или сложных окказиональных преобразований.

Более критичное понимание данного явления представлено в исследовании И.С. Гнатюка, который понимает фразеологический намек (аллюзию) как указание на известный носителям языка фразеологизм посредством использования в определенном контексте лексических средств, намекающих на устойчивое выражение, которое могло бы быть употреблено в этих условиях. Но в отличие от эллипсиса фразеологический намек не является даже самой короткой частью фразеологизма [Хороз, 2011, с. 179].

В итоге, своеобразным обобщением и дополнением результатов исследований предшественников стала классификация Н.С. Хороза, который выделяет четыре типа фразеологических аллюзий: свободный пересказ фразеологизма в тексте, использование в контексте образа фразеологической единицы, выделение в контексте семантически опорного компонента фразеологизма и образование окказионализма по аналогичной синтаксической схеме узуального фразеологизма [Хороз, 2011, с. 179–180].

Новый виток в изучении фразеологической аллюзии уже в когнитивно-дискурсивном пространстве связан с работами А. Начисчионе «Phraseological Units in Discourse: towards Applied Stylistics» (2001) и «Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse» (2010). В последней монографии исследовательница определяет фразеологическую аллюзию как имплицитную вербальную или визуальную отсылку к образу фразеологической единицы посредством представленных в дискурсе одного или нескольких эксплицитных образосодержащих компонентов, как окказиональную связь, намекающую на образ [Naciscione,

Stylistic Use..., 2010, p. 110]. Автор отмечает, что фразеологическая аллюзия призвана вызвать необходимую ассоциацию у читателя или слушателя и сконцентрировать его внимание на значимом компоненте содержания текста. Ее успешность возможна лишь в случае полного понимания скрытой семантико-стилистической информации, что, в свою очередь, зависит от компетенции адресата.

Важным фактом является также то, что А. Начисчионе первой из фразеологов стала рассматривать окказионально преобразованные фразеологические единицы как полноценное лингвистическое явление, как норму, а не разрушение, разложение или деформацию устойчивого выражения [Федуленкова, 2012, с. 126].

Приведенные выше трактовки понятия фразеологической аллюзии, да и само по себе существование данного явления, позволяют говорить о формальном соответствии фразеологизма всем трем основным признакам прецедентного текста (пре-текста): значимость для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; обладание сверхличностным характером, т.е. известность широкому окружению данной личности, и неоднократное обращение в дискурсе данной языковой личности [Караулов, 2010, с. 216]. Однако сложно поставить знак равенства между какой-либо отдельно взятой фразеологической единицей и, например, популярным произведением классической литературы или культовым кинофильмом.

При этом ряд исследователей (А.В. Кунин, В.М. Мокиенко, М.Л. Ковшова, В.Н. Телия и др.), рассматривая не только паремии, но и фразеологизмы в целом с точки зрения лингвокультурологического и когнитивного подходов, указывают на «микротекстовую» природу устойчивых выражений. Возможно, в таком случае следует говорить о фразеологизме как о прецедентном микротексте (микро-пре-тексте)? И если это так, то может ли фразеологизм-микротекст быть не только тем, к чему дается отсылка, но тем, что само служит отсылкой, средством создания аллюзии, иначе говоря, интертекстемой?

Многочисленные исследования, посвященные национально-культурной специфике во фразеологии, доказали возможность накопления и дальнейшей трансляции фрагментов культуры в

рамках фразеологической единицы, в том числе и потому, что значительное количество устойчивых выражений своим происхождением связаны с определенными национальными обычаями, традициями, ритуалами, литературными произведениями, историческими событиями, фактами и т.д. Все вышеперечисленные явления можно отнести к разряду прецедентных текстов или феноменов (в их расширенном понимании), которые в процессе фразеологизации становятся единицами фразеологического фонда и, соответственно, единицами языка, одновременно оставаясь прецедентными феноменами как единицами дискурса [Моисеев, 2011, с. 262–263]. Подобного рода фразеологизированные прецедентные феномены М. Heinz называет «аллюзивными фразеологизмами» (*allusive Phraseologismen*). Следовательно, существует возможность включения аллюзивного фразеологизма в определенный контекст и создания тем самым отсылки к прецедентному тексту (феномену), т.е. использования фразеологизма как интертексты. В этой связи следует отметить недавнее исследование Л.С. Великоредчаниной, посвященное интертекстуальному потенциалу фразеологизмов в художественном тексте.

Таким образом, феномен аллюзии относительно фразеологии языка обладает двойственной природой: с одной стороны, это может быть аллюзия на фразеологизм, а с другой стороны, через фразеологизм.

Чтобы проиллюстрировать оба явления приведем три случая употребления немецкого фразеологизма *nach Canossa gehen* – букв. идти в Каноссу «принять обусловленное ситуацией вынужденное унижение, извиниться». Этимологически данное выражение связано с общеизвестным фактом из истории Германии: походом отлученного от церкви императора Генриха IV зимой 1076 года в североитальянский замок Каносса, где находился папа римский Григорий VII. По легенде, босому императору пришлось три дня простоять у стен крепости в ожидании прощения папы.

В статье газеты «Die Welt», посвященной издателю Акселью Шпрингеру, повествуется о его неудачной поездке в Москву: «Dort erlebt er sein *Canossa*, kehrt gedemütigt und wütend zurück...» (Там он переживает свою *Каноссу* и возвращается обратно униженным и рассерженным). В тексте представлена фра-

зеологическая аллюзия посредством использования лишь одного детерминирующего компонента *Canossa*. Кроме того, усиление аллюзии происходит за счет семантически связанного с фразеологизмом причастия *gedemütigt* – «униженный».

Другой вид аллюзии уже через фразеологизм можно наблюдать в заголовке из газеты «*Handelsblatt*»: «*Kritiker Beckenbauer leistet Abbitte: Der Kaiser geht nach Canossa*» (Критик Беккенбауер приносит извинения: Император идет в Каноссу). Статья рассказывает о том, что известный немецкий футболист Франц Беккенбауэр, изначально нелестно отзывавшийся о национальной сборной, после успехов команды на чемпионате мира в Японии вынужден был публично извиниться. Фразеологизм *nach Canossa gehen* использован в полном виде и в непосредственно узуальном значении, которое, как и в предыдущем примере, дополнительно усиливается словосочетанием *Abbitte leisten* – «приносить извинения». Однако употребленное слово *der Kaiser* – «император» (прозвище Беккенбауэра) в контексте с данным фразеологизмом позволяет создать отсылку на прецедентный феномен – именно император оправился в 1076 году в Каноссу.

В качестве третьего примера нами была взята карикатура Хейко Сакураи (*Heiko Sakurai*) вместе с подписью автора.

«*Der Papst umgeht sein Canossa nicht*»
(Папе не избежать своей Каноссы)

Надпись на воротах: «Извинение перед жертвами педофилии».

Подпись под карикатурой выстраивает фразеологическую аллюзию по тому же принципу, что и в первом примере. Усиление происходит за счет надписи на воротах: *Entschuldigung* – «извинение». Дополнительно фразеологическая аллюзия возникает за счет «визуальной репрезентации фразеологического образа» [Naciscione, *Visual representation...*, 2010], которая позволяет выстроить ассоциативный ряд «стена крепости – зима – замок в горах – Каносса». Не стоит забывать также, что перед нами поликодовый текст, как интертекстема ссылающийся на так называемый «скандал вокруг сексуальных домогательств в католической церкви» (прецедентный феномен), а центральным персонажем рисунка является папа Бенедикт XVI, которому, по мнению автора карикатуры, рано или поздно придется извиниться за действия своих «подчиненных» перед потерпевшими. При этом тот же самый поликодовый текст эксплицитно и имплицитно отсылает нас к прецедентному феномену (где папа римский был по ту сторону стены) и создает уже аллюзию непосредственно через фразеологизм. В итоге перед нами выстраивается сложная интертекстуальная схема, где совмещены и аллюзия на фразеологизм, и аллюзия через фразеологизм, а также два сопоставляемых прецедентных текста.

Последний пример в буквальном и переносном смысле наглядно показывает всю сложность и многогранность взаимоотношений «аллюзии» и «фразеологизма» в дискурсе. Однако само по себе формальное описание включений фразеологизма в интертекст и выявление межтекстовых аллюзивных связей недостаточно для полного раскрытия функционирования подобного феномена. Следующим этапом должен стать выход в область прагматики и рассмотрение роли языковой личности в контексте обсуждаемой проблемы.

Список литературы

Великоредчанина Л.С. Фразеологизм как интертекстема в современном англоязычном художественном тексте. Автореф. дис. ... кандид. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2016.

Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., 2010.

Моисеев М.В. Фразеологизация прецедентных феноменов в английском языке // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 262–268.

Проблемы русской фразеологии. Республиканский сборник. Тула, 1978.

Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.

Федуленкова Т.Н., Воронин Р.А. Окказиональное преобразование фразеологических единиц как лингвистическое явление // ВЕСТНИК СВФУ, том 9, № 3. Якутск, 2012. С. 126–130.

Хороз Н.С. Фразеологічна алюзія у хорватських газетних текстах // Компаративні дослідження слов'янських мов і літератур. Збірник наукових праць. Випуск 16. Київ, 2011. С. 177–184.

Heinz M. Typologie der bildlichen Redewendungen aus lexikographischer Sicht, dargestellt am Beispiel des Petit Robert // EUROPHRAS 92. Tendenzen der Phraseologieforschung. Studien zur Phraseologie und Parцmiologie. Bochum, 1994. S. 281–301.

Naciscione A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse. Amsterdam / Philadelphia, 2010.

Naciscione A. Visual representation of phraseological image // Yearbook of Phraseology. Volume 2010. P. 19–44.

Die Welt «Oberdiva unter lauter Diven»: [сайт]. URL: https://www.welt.de/print/die_welt/politik/article13045787/Oberdiva-unter-lauter-Diven.html (дата обращения 15.02.2017).

Handelsblatt «Kritiker Beckenbauer leistet Abbitte: Der Kaiser geht nach Canossa»: [сайт]. URL: <http://www.handelsblatt.com/archiv/kritiker-beckenbauer-leistet-abbitte-der-kaiser-geht-nach-canossa/2178354.html> (дата обращения 15.02.2017).

Карикатура Хейко Сакураи: [сайт]. URL: http://www.sakurai-cartoons.de/cart_ord.php5?gross=2324 (дата обращения 15.02.2017).

Borisenko Evgeni Sergeevich (Saint Petersburg, Russia)

**THE CORRELATION OF THE NOTIONS OF «ALLUSION»
AND «PHRASEOLOGICAL UNIT» IN CONTEMPORARY
LINGUISTICS**

The article focuses on the research of phraseological units as precedent microtexts, allusive phraseological units as phraseologised precedent phenomena and on related types of allusions.

Keywords: phraseological unit, allusion, precedent text, microtext, intertextem.

В.А. Данилова (Москва, Россия)

Г.И. Данилова (Санкт-Петербург, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КЛЮЧЕВОЙ ЛЕКСЕМОЙ «MÖNCH» В НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье с позиции лингвокультурологического подхода рассматривается корпус фразеологических единиц немецкого языка, имеющих в своём составе стержневой компонент *Mönch*.

Ключевые слова: лингвокультурологический анализ, фразеологический фонд, языковая картина мира.

Современный междисциплинарный подход к изучению собственно языковых явлений предполагает широкое привлечение экстралингвистического материала. Это позволяет рассматривать фрагменты национальной языковой картины мира через призму исторического пути народа, устанавливать взаимосвязь между средствами языка и зафиксированными в них специфическими социально-культурными установками, значимыми событиями, природными условиями жизни конкретной этнической общности. Наиболее благодатным материалом исследования является фразеологический фонд языка, так как он характеризуется чрезвычайной устойчивостью на протяжении веков, выпуклостью метафорических образов, скрупулезной фиксацией в лексикографических источниках, наличием ценных лингвострановедческих комментариев.

К тематическим группам фразеологических единиц (далее ФЕ), которые представляют интерес с позиции лингвокультурологии, относится корпус ФЕ немецкого языка, ключевой лексемой которых является *Mönch*. Фразеологический словарь К.Ф.В. Вандера содержит более трехсот таких идиом, что, на первый взгляд, удивляет русскоговорящего исследователя: словарь В.И. Даля включает в себя в десять раз меньше устойчивых словесных комплексов с аналогичным стержневым компонентом. При этом немецкие ФЕ отличаются превалирующей негативной окраской, что может быть объяснено при помощи исторической

информации о католическом монашестве в немецкоязычных странах.

В период средневековья Европа пережила немало переломных политических моментов. Одним из ключевых событий общей западноевропейской истории стала Реформация – социально-политическое и идеологическое движение начала XVI в., принявшее форму борьбы против католической церкви и имевшее в своей основе антифеодальный характер. В Германии общественное движение за реформирование католической церкви приобрело особенно активный характер.

В конце XV в. католическая церковь в Европе достигла кульминационного пункта своего могущества, стала крупным землевладельцем и накопила огромные богатства. Католицизм как христианская религия являлся господствующей формой идеологии. Под всеобъемлющим контролем католической церкви находилась духовная жизнь общества. Высшее католическое духовенство, используя своё привилегированное положение в обществе, высказывало политические претензии на подчинение себе светской власти. Исповедь и проповедь были в его руках орудием вмешательства в политические и общественные дела, что вызывало неудовольствие светских феодалов и жителей городов, в которых зарождалась новая, буржуазная идеология.

Особое возмущение в народе вызывал образ жизни и поведение представителей церкви: корыстные побуждения, жизнь в роскоши, праздности и разврате, всякого рода злоупотребления. Справедливые нарекания звучали также в адрес монахов. Ушли в прошлое времена, когда жизнь в монастырях протекала в строгом соответствии с монастырским уставом, когда монахам предписывалось строгое соблюдение обетов нестяжания, целомудрия, повиновения и обета постоянства (пожизненное пребывание в том монастыре, куда они вступили послушниками), когда монахи проводили долгие часы в молитвах, переписывали манускрипты, собирали библиотеки, занимались тяжёлым физическим трудом. С изменением исторических условий видоизменилась организация и формы деятельности монашества: оно утратило пассивный, созерцательный характер, приобрело практические цели. Так, в эпоху крестовых походов (XI–XIII вв.) возникают монашеские ордены и женские монастыри, посвящающие себя всецело де-

лам милосердия – уходу за страждущими. Однако монашество не уступало белому духовенству: за быстрым расцветом каждого ордена следовал столь же быстрый упадок, что означало отход от первоначальных идеалов. В среде монашества царили лень, расточительность, пьянство, обжорство, разврат. Католической церкви было не под силу предотвратить надвигающийся кризис.

В обстановке подъёма общественного движения в Германии, направленного на реформирование католической церкви, выступил христианский богослов, профессор теологии Виттенбергского университета Мартин Лютер (1483–1546) в октябре 1517 г. с 95 тезисами против продажи служителями церкви индульгенций, отпускавших любые человеческие грехи без исповеди и покаяния. Тезисы М. Лютера содержали основные положения его нового религиозного учения, отвергавшего авторитет папских декретов и посланий (Священное Предание) и провозглашавшего высшим авторитетом Библию (Священное Писание). С момента опубликования «95 тезисов» начинается Реформация – образование в Западной Европе самостоятельных христианских церквей, не подчиняющихся папе. В 1521 г. папа Лев X отлучил М. Лютера от церкви. В ответ М. Лютер публично сжег буллу об отречении.

К тому времени М. Лютер отказался от авторитета иерархов в толковании Библии и высказал революционную мысль, что каждый может толковать Писание, руководствуясь личным религиозным опытом. Чтобы облегчить чтение Писания, Лютер с учениками перевел Библию на родной язык. Стараясь сделать Писание доступным «даже для верующей дочери мельника», М. Лютер черпал слова из народного языка, взяв за основу один из саксонских диалектов. Перевод разошелся невиданным тиражом 100 тыс. экземпляров за 30 лет. Язык Библии Лютера стал общенемецким литературным языком.

Реформация уничтожила господство римского престола в половине государств Западной Европы, лишила монашество громадного числа монастырей и земель в Северной Германии, Голландии, Швейцарии, Скандинавии, Дании и Англии. Так, в ходе Реформации в Германии у протестантов сохранились всего два лютеранских монастыря в Нижней Саксонии. Имущество десятков и сотен упразднённых монастырей конфисковалось, обращалось на обще-

государственные надобности, тратилось на учебные и благотворительные учреждения. Созданная Реформацией необходимость принять меры к исправлению католической церкви вызвала критическое отношение к монашеству и в среде самого католичества. Монашество стало возрождаться лишь начиная с XIX в.

Рассмотрим ФЕ с ключевой лексемой *Mönch* и зафиксированный в них фрагмент концептуальной картины мира немецкого народа с позиции лингвокультурологического анализа.

Тема благочестия монашествующих выражена во фразеологическом фонде в негативном ключе. Жизнь в монастыре не означает благочестивого бытия, об этом свидетельствует, например, ФЕ *Ich habe zwanzig Mönche, sagte der Abt, als man ihn nach der Zahl der Geistlichen im Kloster fragte; wie viel davon Geistliche sind, mag Gott wissen* (У меня двадцать монахов, сказал настоятель, когда его спросили о количестве духовных лиц в монастыре. Сколько же из них духовных лиц, то один Бог знает). Прилагательное «*fromm*» встречается также в таких высказываниях, как *Gemalte Mönche sind die frömmsten* (Нарисованные монахи – самые благочестивые), *Der Mönch ist im Chor am frömmsten, wenn er auf dem Rücken liegt* (Монах в хоре благочестивей всего, когда лежит на спине, т.е. когда он мертв), *Ein frommer Mönch, ein ehrlicher Strauchdieb und ein keuscher Hurenjäger sind drei seltsame Ding* (Благочестивый монах, честный разбойник и целомудренный развратник – три редко встречающиеся вещи). ФЕ *Wären die Mönch fromm gewest, so hätten sie keines Luthers bedurft* (Если бы монахи были благочестивы, им не понадобился бы Лютер) прямо указывает на недостойный образ жизни монахов как на одну из причин Реформации.

Лексема *Bibel* зафиксирована нами в двух идиомах: *Die Mönche lieben die Bibel wie die Juden das Schweinefleisch* (Монахи любят Библию, как иудеи – свинину) и *Mönche und Pfaffen trinken lieber aus vollem Kübel, als dass sie sich blind sollten lesen in der Bibel* (Монахи и попы охотнее пьют полными ковшами, чем слепнут за чтением Библии). Данные идиомы подчёркивают неуважение духовных лиц к своей, казалось бы, настольной книге, нравственному ориентиру любого христианина.

Множество ФЕ отражают представление о монахах как о существах никчемных и даже опасных как для страны в целом,

так и для каждого христианина. Призванные служить церкви Христовой, они представляют собой насмешку над первоначальным божественным замыслом (*Die Mönche sind ein Gespött wider das Wort Gottes auf Erden.* – Монахи – это насмешка над словом Божиим на земле). Тему гротеска продолжают слова, приписываемые М. Лютеру: *Die Mönche ziehen unserm Herrngott eine Narrenkappe an* (Монахи натягивают Господу нашему шутовской колпак). В некоторых фразеологизмах данной тематической группы встречается глагол *verderben* (портить): монахи наносят вред стране (*Mönche sind ein Verderben des Landes*), наряду с другими священнослужителями причиняют вред церкви и миру (*Münch und Pfaffen sind die besten, die Welt und Kirche Christi zu verderben*). Если б монах питался золотом, то его организм превратил бы драгоценный металл в гальку (*Der Mönch verdirbt alles, fräss' er Gold, so schiss er Kieselsteine*). ФЕ *Mönche sind wie die See allzeit voll Schaum und Unreinigkeit; und obschon alle Wasser in dieselbe lauffen, werden sie doch nicht gesättigt und voll* сравнивает монахов с морями нечистот и пены, которые остаются таковыми, несмотря на все впадающие в них водные потоки.

Представляет интерес ряд идиом, в которых при перечислении особенно досаждающих человеку насекомых (вшей, блох), животных (обезьян, летучих мышей) и даже распутных женщин в один ряд с ними ставят монахов (*Mönch vnd pfaffen, geys vnd alt affen, huren, buben vnd filtzleuss, fliechen, flöhe vnd fledermeuss, wo die nemen iberhandt, verderben sie ein gantz land*). Подобные ФЕ могут иметь форму частичной тавтограммы, например, *Mönche, Motten, Meuss, Maden scheiden selten ohne Schaden* (Монахи, моль, мыши, личинки редко пропадают бесследно, не напакотив людям).

Народная традиция предостерегает от общения с монахами (*Mönche soll man sich tausend Schritt vom Leibe halten.* – От монаха следует держаться на расстоянии тысячи шагов.), учитывая неприятности которые одинаково несут с собой как дружба, так и вражда со служителями церкви (*Weder einen guten Mönch zum Freunde, noch einen schlechten zum Feinde.* – Лучше не иметь ни хорошего монаха в друзьях, ни плохого – среди своих врагов). Возможно, данная ФЕ намекает на хитрость и вкрадчивость монахов, на их умение находить для себя выгоду во всём (*Lass den*

Mönch ins Haus, so kommt er in die Stube; lass ihn in die Stube, so kommt er ins Bett. – Пусти монаха в дом – зайдёт в комнату, пусти в комнату – залезет в постель).

Темой некоторых средневековых идиом стала казнь монаха. Уж если вешать плохого монаха, то на суку сухого дерева, а зеленого он не достоин. (*Einen schlechten Mönch soll man an einen dürren Baum henken, die weil er des grünen nicht werth ist*).

Замечено также, что монахам присущи такие качества как неблагодарность и мстительность, им ничего не стоит отплатить злом людям, проявившим к ним милосердие (*Wer einen Mönch vom Galgen erlöst, den hängt er danach selber dran* – Того, кто спасет монаха от виселицы, он на ней потом сам и повесит).

Монахам небезосновательно приписывалась исключительная жадность. Ненасытность служителей церкви в шутливой ФЕ приравнивается к ненасытности молодых кур (*Die Mönche, die Pfaffen und die jungen Hühner sind nie zufrieden*). Вымышленное местечко Nimmsheim (от глагола nehmen (брать) в повелительном наклонении), но отнюдь не выдуманная деревня Gebersdorf (от глагола geben – давать) являются родиной монахов (*Die Mönche sind von Nimmsheim, aber nicht von Gebersdorf*).

Нищенский посох – неизменный атрибут сборщика подаяния – обеспечивал достойное существование своему хозяину (*München trug jhr Bettelstab viel mehr, denn zehn frommen Haussvätern jhr ehrliche Narung*. – Нищенский посох принес монахам много более пропитания, нежели его честно заработали десять благочестивых отцов семейств). Подобно нищим, монахи никогда не удовлетворялись милостыней (*Mönch und Bettler haben einerlei Säckel, die nimmer voll werden*. – У монаха и у нищего мешки одинаково бездонны – никогда полными не бывают. Жертвователям полагалось не только суму наполнять, но и деньги подавать просящему милостыню монаху, об этом напоминает идиома *Wer einen Mönch gefüttert hat, der muss ihm auch noch die Taschen füllen* (Кто монаха накормил, тот должен ему ещё и карманы наполнить).

Ненасытная жадность и скупость монахов нашли отражение в таких идиомах, как *Die Mönch sind allzeit voll Bubenstück und Bosheit und was man ihnen gibt, ist nimmer genug* (Монахи навсегда останутся подлыми и злыми, им всегда будет мало того, что им подадут), *Es gibt kein Mönch das Opfer mehr zurück* (Ни один

монах не вернёт пожертвование), *Ein Mönch, dessen Regel gut ist, nimmt von allen und gibt niemand* (Монах, живущий по правильному уставу, у всех берет и никому не подает). Жадность не оставит монаха даже у врат преисподней, и пусть адский огонь коснётся его ног и волос, он не перестанет брать (*Ein Mönch nimmt bis an die Hölle; und wenn ihm Haare und Bein brennt, so nähme er doch noch*).

Вероятно, нежелание ограничивать свою жизнь монастырём, чутьё наживы породили повышенный интерес монахов ко всему происходящему вокруг них. Без участия монахов не обходится ни одна затея (*Es ist ein Mönch im Spiel, es mag geschehen, was da will*. – Монах в игре, а там будь что будет), притом наряду со священниками они поспевают первыми (*Ist auch was in der Welt zu schaffen, da nit die ersten seyn die Mönchen und Pfaffen?* – Если где-то что-то происходит, разве не монахи и попы появляются там первыми?).

Лицемерие (*Heuchelei*) является основным способом достижения желаемого, монахи нарекаются обителью лицемерия (*Mönche sind Wohnhäuser der Heuchelei*), истинный монах непременно должен уметь лгать (*Die rechten Mönche sind alle aufs Lügen erzogen*). ФЕ *Ein Mönch und ein Schelm ist einer so gut als der andere* приравнивает монаха к мошеннику, причем к мошеннику высокой пробы, способному одурачивать любого человека (*Von einem Mönch kommt niemand unbeschissen weg*). Противостоять монаху может лишь тот, кто превосходит его в лицемерии (*Nur der wird einen Mönch betrügen, der noch besser heucheln kann*). При этом основным инструментом воздействия на собеседника служит цветистая речь, а не грубая сила (*Der Mönch greift den Raub nicht mit groben Krallen, sondern mit verblühten Worten an*. – Монах захватывает добычу не грубыми когтями, а цветистыми словами). Некоторые ФЕ содержат зоосемические сравнения монаха с угрем, зайцем и лисой: *Der Mönch ist Fuchs und Hase, je nachdem die Jagd ist* (Монах – заяц и лиса, в зависимости от того, на кого идёт охота), *Mönche sind wie Aale, drückt (schliesst) man, so wischen (glitschen) sie aus* (Монахи подобны угрям – если их прижать, они ускользают).

Помимо хитрости монахам приписывалась склонность к воровству, идущая вразрез с заповедями, которые они проповедо-

вали своей пастве. В идиоме *Der Mönch predigt, man soll nicht stehlen, und er selber hat eine Gans im Scapulier* (Монах проповедует: не воруй, а у самого гусь под скапулярием) упоминается скапулярий – существующий и в наше время элемент облачения членов многих монашеских орденов, представляющий собой длинную широкую ленту с прорезью для головы. Один конец скапулярия располагается на груди, а другой на спине, иногда поверх него завязывается веревочный пояс; изначально скапулярий служил фартуком, защищавшим орденское облачение во время сельскохозяйственных работ.

В эпоху позднего Средневековья уходит в прошлое общественно полезная деятельность большинства монашеских орденов, на смену ей приходит вошедшая в пословицы праздность (*Mancher wdre kein Mönch geworden, wenn er sollte arbeiten im Orden*. – Кое-кто не сделался бы монахом, если б знал, что в ордене ему предстоит трудиться). Лень и отвращение к труду, приписываемые монахам, сравниваются со страхом, который черт испытывает при виде креста (*Der Mönch scheut die Arbeit wie der Teufel das Kreuz*), а ленивая собака – при виде воды (*Der Mönch scheut die Arbeit wie ein fauler Hund das Wasser*). Рвение, которое должно было бы сопровождать физический труд, у монахов направлено на вкушение пищи (*Mönche arbeiten, dass sie frieren, und essen, dass sie schwitzen*. – Монахи работают так, что им холодно становится, а едят так, что пот прошибает).

Сравнительно небольшое количество ФЕ посвящено роли европейского монашества в распространении знаний и культуры. Идиомы, вошедшие в словарь К.Ф.В. Вандера, рассматривают монашескую ученость как нечто редкое (напр., *Gelehrter Mönch und weisser Spatz sind ein seltner Schatz*. – Ученый монах и белый воробей – редкие сокровища). К.Ф. Вандер ссылается на изданные в 1857 году в Брюсселе *Mémoires de Scipion de Ricci* и приводит обращенные к епископу слова некоего монаха: «Если вы спросите меня про мебель, про сосуды, которые служат для пользы или для удовольствия, то я дам вам о них сведения. Из книг же мы знаем тут лишь календарь, метрические книги да поваренную книгу». Автор мемуаров упоминает также несколько исторических анекдотов, почерпнутых им из книг 18 века. Словарь К.Ф.В. Вандера приводит один из них. Некий настоя-

тель монастыря тщетно искал место, чтобы припрятать копченое мясо: монахи повсюду его находили. В конце концов его выбор пал на монастырскую библиотеку, где мясо с тех пор пребывало в полной безопасности. Вероятно, подобный же настоятель, не питающий иллюзий по поводу образованности своих собратьев, в беседе с послушниками сравнил мудрого монаха с чудищем морским (*Ein gelehrter (weiser) Mönch ist ein ungestalt Meerwunder, sagte der Abt zu den Novizen*). На созвучии множественного числа лексем *Becher* (кубок) и *Buch* (книга) строится эффект идиомы *Mönche studieren mehr in den Bechern als in den Büchern* (Монахи больше знаний черпают из кубков, нежели из книг).

С образом католического средневекового монаха непременно ассоциируются такие грехи, как пьянство и обжорство. К типичным монашеским качествам относится помимо жадного вороньего рта и крепкой ослиной спины всеядное брюхо (*Eines Mönches gute Eigenschaften sind: ein allmächtiger Bauch, ein Eselsrücken und ein Rabenmaul*). При этом монахи не только всеядны (*Mönche lieben alles, was gut ist auf der Zunge*. – Монахи любят всё, что приятно на вкус), но и пекутся о сытости более, чем о духовных благах (*Mönche beten mehr für volle Kehlen als für arme Seelen*. – Монахи молятся больше о сытых глотках, чем о бедных душах страждущих). Сакральное значение, которое монахи придают пище, отражает идиома, сравнивающая трепетное отношение монаха к миске с отношением янычара к походному котлу, у которого этот свирепый воин стоит в почетном карауле (*Dem Mönch ist die Schüssel so heilig als dem Janitschar der Feldkessel, der stets eine Ehrenwache hat*).

Неумеренное употребление монахами алкоголя нашло отражение в таких ФЕ, как *Einem Mönch ist nur mit dem Schnepfer beizukommen; die Adern laufen in Weinstein* (К монаху следует приступать только с ланцетом, его сосуды превратились в винный камень), *Die Mönche führen strenge Regel, dass sie mit Durst ins Bett gehen und wieder aufstehen* (У монахов такой строгий устав, что им приходится отходить ко сну и вставать наутро с ощущением жажды), *Mönche sind die besten Weinfässer, sie werden alt ohne Reifen* (Монахи – лучшие винные бочки, для выдержки им и обручи не надобны).

В ироничной идиоме *Der ist ein schlechter Mönch, so nicht Ritter des Ordens vom Ldgelfass des heiligen Othmar ist* (Плох тот

монах, который не является рыцарем ордена бочонка святого Отмара) упоминается имя почитаемого святого католической церкви VIII века, первого аббата монастыря Сент-Галлен. Этот христианский подвижник, оклеветанный одним из насельников монастыря, закончил свои дни в изгнании на острове Верд у города Штайн-ам-Райн в Швейцарии. Впоследствии его мощи были с почетом перенесены в монастырь. Преподобный Отмар часто изображается с Евангелием, епископским посохом и флягой либо с бочонком вина. По преданию, монахи, перевозившие мощи в монастырь, взяли в дорогу бочонок с вином, который чудесным образом оставался наполненным, сколько бы из него ни пили.

Воздержание и усмирение порывов плоти отнюдь не являлось украшением средневекового католического духовенства (*Ein mñch wollust vil lieber ist, dan das er volg dem Herren Christ.* – Монаху намного приятнее предаваться сластолюбию, чем следовать за Господом Иисусом Христом). М. Лютер в проповедях указывал на злоупотребление священнослужителями таинством исповеди: «*Mñche und Pfaffen fñhren die Weiber in der Beichte, wo sie hin wollen*» .

Обет целомудрия не препятствовал монахам в поисках подруг, при этом их вниманием пользовались женщины вне зависимости от их внешней привлекательности (*Mñche brauchen die schñnen Weiber am Tage, die hässlichen bei Nacht.* – Монахам красивые женщины нужны днем, а уродливые – ночью; *Ein Mñch geht jede Geiss an, die einen Schleier trägt.* – Монаха заинтересует любая коза, если она носит покрывало). Ради знакомства с женщиной монахи якобы были способны сломать ворота, приняв висящий на них коровий хвост за женское покрывало (*Mñche brechen ein Thor auf, da ein Kuhschwanz vorhängt (den sie für einen Schleier halten und darum ein Weib darin vermuthen).* Помимо лексемы *Schleier* (покрывало, накидка) с женщинами ассоциировалась лексема *Schürze* (фартук, передник): *Es ist kein Mñch, er hat eine Schürze zur Freundin* (Нет ни одного монаха, у которого не было бы подружки), *Die Mñche müssen den Becher mit beiden Händen halten, damit sie unter dem Tische nach keiner Schürze greifen* (Монахи должны держаться за кубок обеими руками, чтобы под столом не схватиться за чей-нибудь фартук). Следующая шутливая идиома опирается на случай из жития свя-

того Бенедикта: «*Nicht jeder Mönch, der bei einer Frau schläft, will sich dadurch in der Keuschheit üben, wie der heilige Benedict that, und dann, wenn ihn der Teufel versuchte, nackt in eine Dornhecke sprang*» (Не каждый монах, спящий с женщиной, упражняется в целомудрии, как святой Бенедикт, который, когда дьявол искушал его, прыгнул обнажённым в колючую изгородь).

В некоторых ФЕ встречаются сравнения монаха и женщины (в том числе монахини) с огнем и соломой (*Wenn der Mönch mit Weibern umgeht, so geht's ihm wie dem Stroh, das zum Feuer kommt, sagte der Kapuziner*), с воробьем и воробьиной (*Mönch und Nonnen gehören zusammen wie Spätzin und Spatz*), с солдатом и маркитанткой (*Mönche haben Nonnen so nöthig wie Soldaten Marketenderinnen*), с бочкой и затычкой (*Der Mönch passt zur Nonne, wie der Spund zum Fass*). При этом залогом целомудрия не является даже почтенный возраст служителей церкви, так как и в этом случае между ними, как между двумя холодными камнями, если их тереть друг о друга, может проскочить искра (*Alte Mönch' und Nonnen soll man nicht zusammen lassen, denn wenn man zween kalte Stein wider einander reibet, so geben sie auch Feuer*).

Фразеологизмы, включающие две ключевых лексемы *Mönch* и *Abt*, нейтральны по своей окраске. Они строятся на иерархических отношениях «начальник-подчиненный» и не отражают негативные личностные качества или порицаемый образ жизни служителей католической церкви. Так, подчиненные подстраиваются под вкусы начальника (*Die Mönche werden bald heiser, wenn der Abt das Singen nicht liebt*. – Монахи быстро хрипнут, если настоятель не любит пение), ориентируются на моральный облик настоятеля (*Wie soll der Mönch die Regel ehren, wenn der Abt sie selber bricht*. – Как монаху уважать устав, если настоятель сам его нарушает), соотносят свое мнение с мнением начальника (*Der Mönch antwortet, wie der Abt singt*. – Монах говорит с голоса настоятеля). Некоторые ФЕ отражают честолюбивое желание подчиненного продвинуться по карьерной лестнице (*Es ist kein Mönch, er meint, es steck' ein Abt in ihm*. – Нет такого монаха, который бы ни мнил себя настоятелем). При этом умение руководить характеризует отнюдь не каждого его рядового члена (*Nicht aus jedem Mönche kann ein Abt werden*. – Не всякому мона-

ху быть настоятелем). Опасность представляет также нарушение привычных отношений, когда начальник полностью оказывается под влиянием подчиненного (*Der Mönch regiert hier den Abt*).

Не менее многочисленны ФЕ с ключевыми словами *Mönch* и *Teufel*. Их воздействие строится на соединении, казалось бы, несоединимых полярных понятий, символов добра и зла. Образ жизни большинства монахов сделал их скорее приспешниками дьявола, чем посланцами Бога (*Seit es Mönche gab, ist das Reich Gottes fast ein Reich des Teufels worden*. – С тех пор, как появились монахи, Царство Небесное стало почти что царством сатаны). ФЕ *Mönche sind des Teufels täglich Brot* (Монахи – это для дьявола хлеб насущный) и *Mönche sind des Teufels Mastschwein* (Монахи – свиньи у дьявола на откорме) свидетельствуют о неразрывной в глазах народа связи служителей католической церкви и сил зла. При этом монаху приписывается злонамеренность, превосходящая козни дьявола (*Ein Mönch wagt mehr als der Teufel*. – Монах решается на большее, чем черт), и с возрастом только усиливающаяся (*Ein junger Mönch, ein alter Teufel*. – Молодой монах – старый черт).

Таким образом, в ФЕ с ключевым компонентом *Mönch* отражен образ католического монашества времен Реформации и более ранней эпохи. Привлечение исторических данных полностью объясняет ярко выраженную негативную коннотацию большинства идиом, зафиксировавших критическое отношение к поведению, моральному облику и образу жизни служителей церкви.

Список литературы

Frank K. C. Geschichte des christlichen Mönchtums. – Darmstadt, 1993.

Harnack A. von. Das Mönchtum, sein Ideal und seine Geschichte. Gießen, 1921.

Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. – 4 Bde. – Leipzig, 1867–1881 [Электронный ресурс] URL: <http://woerterbuchnetz.de/Wander/> (дата обращения: 15.02.2017).

Danilova Victoria Anatolievna (Moscow, Russia)
Danilova Galina Ivanovna (Saint-Petersburg, Russia)

**THE IDIOMS WITH THE KEY COMPONENT MÖNCH
IN THE GERMAN PICTURE OF THE WORLD**

The article discusses German idioms containing lexeme *Mönch* from ancient times to the present day. As a subject of the linguaculturological analysis, they make a reconstruction of the German picture of the world possible.

Keywords: linguaculturological analysis, idioms, picture of the world.

С.М. Еникеева (Запорожье, Украина)

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕЛЕСКОПИЗМОВ НА ОСНОВЕ ИМЁН СОБСТВЕННЫХ: АНАЛИЗ ЛЕКСИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию особенностей создания телескопизмов от имён собственных. В результате анализа сложносокращённых неологизмов, исходными единицами для которых служили антропонимы или топонимы, выявлены некоторые тенденции телескопного словообразования в современном английском языке.

Ключевые слова: антропоним, дериват, имя собственное, телескопия, телескопизм, оним, топоним.

Главной движущей силой развития языка является мыслительная деятельность его носителей. Общественное сознание в целом и индивидуальное мышление в частности отражают новые явления объективного мира, выявляют и устанавливают между ними более глубокие и существенные связи. Как отмечают ученые, через мышление на развитие языка и речи влияют многочисленные обстоятельства жизни человеческого сообщества, общественные процессы, экстралингвистические факторы [Попова, Стернин 2007, с. 95–96]. Расширение мыслительного кругозора связано не только с количественным ростом образов действительности, отраженных в картине мира представителей определенной лингвокультуры, но и с развитием словаря соответствующего языка. Деятельность человеческого сознания, таким образом, направлена не только на концептуализацию новых квантов знания, которые обогащают картину мира, но и на формирование соответствующих коммуникативно-информативных лингвальных знаков, которые пополняют лексикон соответствующего языка.

Одним из способов формирования новой лексики, который в последнее время демонстрирует достаточно высокую продуктивность является телескопия – способ словообразования, заключающийся в слиянии двух (или более) сокращенных основ или сли-

янии полной основы с сокращенной формой слова, в результате которого образуется новая лексема, полностью или частично сочетающаяся в себе значения всех структурных элементов, которые входят в её состав [Заботкина 1989, с. 11]. Относительная новизна, растущая «производительность» и «популярность» этого способа словообразования обуславливают актуальность исследования различных механизмов формирования телескопных единиц, изучения их семантических особенностей, установления сфер их функционирования.

Производящей основой для формирования телескопных лексем в английском языке обычно служат имена нарицательные, однако среди лексических инноваций встречаются и дериваты, созданные в результате «слияния» имён собственных, или онимов. Онимом является собственное имя, которое «служит для выделения названного им объекта среди прочих объектов, его индивидуализаций и идентификаций» [Селиванова 2006, с. 426]. Среди онимов самыми многочисленными являются антропонимы – имена, фамилии, прозвища людей, и топонимы – названия географических объектов. Особенности создания дериватов от имён собственных способом телескопии – недостаточно изученная проблема, поскольку указанные лексические инновации еще не были объектом специального анализа, что, кстати, и обуславливает **актуальность** нашего научного исследования.

Целью нашего поиска является выявление особенностей формирования дериватов на базе онимов в современном английском языке. Для выполнения поставленной цели предусматривается выполнение следующих **задач**:

- рассмотреть механизмы и модели создания телескопных единиц в современном английском языке;
- выявить тенденции формирования телескопизмов на базе антропонимов и топонимов;
- охарактеризовать структурно-семантические свойства телескопизмов, созданных при участии онимов;
- определить продуктивные модели телескопной деривации на основе антропонимов и топонимов.

Объектом непосредственного анализа стали телескопизмы современного английского языка, созданные на базе имён собственных, которые были отобраны нами из словарей неологиз-

мов и печатных средств массовой информации Великобритании и США. Предметом изучения стали механизмы создания и структурно-семантические особенности «отонимных» телескопизмов английского языка.

В современном английском языке выделяют разные структурные типы телескопизмов. В результате исследования механизмов образования производных телескопных лексем ученым удалось выделить ряд моделей. Так, например, сложносокращённые слова, которые образуются путем соединения апокопы (начального фрагмента) одного слова с аферезой (конечным фрагментом) другого слова, то есть по модели **ab + cd** → **ad**, называют полными телескопизмами [Бортничук 1988, с. 176]. По этой модели образуются лексические инновации как окказионального, так и узуального характера, например: *adid* < *adult* + *kid*, *beautifect* < *beautiful* + *perfect*, *cosmeceutical* < *cosmetic* + *pharmaceutical*, *greige* < *grey* + *beige*, *intermercial* < *internet* + *commercial*, *teleputer* < *television* + *computer*, *televangelist* < *television* + *evangelist*, *Wintel* < *Windows* + *Intel*.

Другие сложносокращённые слова образуются путем соединения начальных элементов – апокоп, исходных слов, то есть по модели **ab + cd** → **ac**, например, *hi-fi* < *high fidelity*, *hi-tech* < *high technology*, *sci-fi* < *science fiction*, *modem* < *modulator-demodulator*, *romcom* < *romantic* + *comedy*. Многие неологизмы были созданы по модели **ab + cd** → **abd**, то есть путем «слияния» полной формы первого слова с аферезой второго, например, *aquaerobics* < *aqua* + *aerobics*, *carfast* < *car* + *breakfast*, *deskfast* < *desk* + *breakfast*, *kidult* < *kid* + *adult*, *mockney* < *mock* + *cockney*, *seacopter* < *sea* + *helicopter*. Среди новых телескопизмов, зафиксированных словарями, есть и дериваты, созданные путем присоединения апокопы первого слова к полной форме второй лексемы, по модели **ab + cd** → **acd**, например, *Amerasian* < *American* + *Asian*, *Amerindian* < *American* + *Indian*, *Afrocaribbean* < *African* + *Caribbean*, *robolawyer* < *robot* + *lawyer*, *emoticon* < *emotion* + *icon*. Словарями неологизмов зафиксировано несколько лексических инноваций, созданных путем объединения аферез двух слов, по модели **ab + cd** → **bd**, которая считалась в предыдущие годы непродуктивной: *netiquette* < *Internet* + *etiquette*, *netizen* < *Internet* + *citizen*, *netpreneur* < *Internet* + *entrepreneur*.

По рассмотренным нами моделям образуется большинство телескопных лексических инноваций, однако можно выделить и другие, менее продуктивные, модели. Так, например, телескопизмы *adorkable* < *adorable* + *dork*, *autopathography* < *autobiography* + *pathology*, *cewebriety* < *celebrity* + *web* были созданы путем «рассечения» первого базового слова и включение в его состав полной формы (как правило, односложной) или «обломка» второй базовой лексемы. Схематично это можно представить так: **ab + cd** → **acb**.

Как свидетельствуют приведенные выше примеры, большинство телескопизмов формируется на базе имен нарицательных, однако в последнее время среди телескопных лексических инноваций английского языка было зафиксировано немало единиц, созданных от имен собственных, главным образом антропонимов и топонимов. Среди таких телескопных дериватов, широко известных лексемы ***Bennifer***, ***Brangelina***, ***TomKat***.

Примерами функционирования телескопизмов, созданных на основе антропонимов, в средствах массовой информации могут служить такие предложения: *Despite an awkward moment when the camera flashed to **Brangelina** while Aniston presented an award, she was all smiles as she clung to Mayer throughout the night and stole a few kisses on the red carpet.* [USA Today 2009, March 6]; *These two outside backs can provide the pace «n width for the whipped in crosses that LennyTM and WondoR thrive on. I think another problem is that we have not come with a decent combo-nickname for our strikers Steven Lenhart and Chris Wondolowsky: you know like **Bennifer**, **TomKat** or **Brangelina**.* [The Guardian 2012, May 25]; *Brad and Angelina have one (**Brangelina** obviously) even Jennifer Aniston and Justin Theroux have one (**Anthrax**, pleasingly), so what about Obama and Cameron? My suggestion is **Oberon**. Next!* [The Guardian 2012, March 13]; *Arguably, given their surnames and McAvoy's recent appearance in «Macbeth», if we must have **Brangelina**, perhaps we can now adopt **MacDuff** as a composite name for the couple* [The Guardian 2013, March 17].

“Составные имена” (composite names) или “комбинированные прозвища” (combo-nicknames) всемирно известных кинозвезд образуются путем объединения фрагментов исходных имен или в результате слияния сокращенного имени с полной формой антро-

понимов. Так, телескопизм *Bennifer* является сращением полной формы имени первого референта с аферезой второго антропонима (*Ben Affleck + Jennifer Lopez*), то есть лексемой, созданной по модели $ab + cd \rightarrow abd$. Достаточно часто употребляемым, благодаря популярности обозначаемым этим словом пары референтов, является телескопизм *Brangelina*, созданный в результате сращения апокопы первого имени с полной формой второго (*Brad Pitt + Angelina Jolie*), что соответствует модели телескопной вербокреации $ab + cd \rightarrow acd$. Телескопизм *TomKat* сформировался на базе двух имен *Tom Cruise + Katie Holmes*, то есть путем объединения полной формы первого имени с апокопой второго, по модели $ab + cd \rightarrow abc$. «Отантропонимный» телескопизм *Anthrax* – это сращение апокопы фамилии кинозвезды *Jennifer Aniston* и фонологически и графически трансформированной фамилии ее мужа *Justin Theroux*, известного голливудского актера и режиссера. Интересен также телескопизм *MacDuff* (*James McAvoy + Anne-Marie Duff*), который был создан в результате слияния фрагмента-апокопы фамилии актера с полной формой фамилии актрисы, то есть по модели $ab + cd \rightarrow acd$.

Рассматривая семантическую специфику телескопных лексем, следует отметить, что в процессе их создания, как правило, происходит универбация значений исходных лексических единиц, на базе фрагментов (или «обломков» и полных форм) которых формируются телескопизмы. Проанализированные нами телескопные слова, сформированные путём стяжения фрагментов антропонимов, были созданы для номинации супружеских пар и влюбленных людей, которые являются известными и популярными кинодеятелями. Выбор телескопии для обозначения таких альянсов, на наш взгляд, является не случайным, ведь «отантропонимные» телескопизмы символизируют нерушимое единство, абсолютную «валентность» лиц, составляющих любовный и профессиональный союз.

Следует отметить, что телескопия позволяет выражать понятия, какими бы сложными они ни были, в пределах одного слова. Однако прагматическая значимость этого способа словообразования определяется не только формальным удобством, но и экспрессивностью производных телескопизмов. Фонологическая необычность формы телескопизмов, насыщенность содержания

этих новообразований делают их экспрессивными, эмоционально окрашенными. А это, в свою очередь, придаёт оригинальности, выразительности, яркости высказываниям говорящего, который их употребляет.

В 90-х годах XX века в словарь американского варианта английского языка вошел телескопизм *Billary* (*Bill* + *Hillary*), который обозначал не только супругов Билла и Хиллари Клинтон – президента и первой леди США, но и политический альянс этих лиц. В то время этот телескопизм имел несколько ироническую коннотацию, поскольку намекал на активное вмешательство Хиллари Клинтон в управление страной, поскольку она была не только первой леди, но и определенное время возглавляла комитет по реформе системы здравоохранения. После окончания срока правления президента Клинтон этот телескопизм потерял свою актуальность и на время вышел из употребления, однако вновь был «реанимирован» после назначения Хиллари Клинтон госсекретарем США: *Contrary to popular belief, it was actually Billary that ran America from 1992 to 2000 under the auspices of Bill. And should fellow pinko Muslim Christian Barrack Hussein Obama and reformed Republican bad-boy John McCain fail to conquer Billary, another eight years will arrive, this time served by.* Поскольку члены этого семейного и политического союза в начале XXI века, так сказать, поменялись ролями – государственную должность занимала жена, а муж-бывший президент, фактически стал ее советником, был даже создан новый телескопизм, который отразил эту «рокировку» политических фигур *Hillbilly* (*Hillary* + *Billy*): *Back when Bill was President and Hillary was first lady, we called them «Billary». Now I guess we'll have to call them «Hillbilly»* [HttpDee Feb. 04, 2008].

Для номинации политических альянсов лидеров государств в последнее время было создано немало лексических инноваций, которые по способу вербокреации являются телескопизмами, созданными на базе онимов. Механизмы формирования таких телескопных лексем схематично можно представить следующим образом: *Merkozy* < *Merkel* + *Sarkozy*, *Merde* < *Merkel* + *Hollande*, *Moron* < *Monti* + *Cameron* *Oberon* < *Obama* + *Cameron*. Эти «отонимные» телескопизмы образовались в результате слияния начальных и конечных фрагментов фамилий политических

деятелей. Формирование таких слов, символизирующих альянсы глав государств, на наш взгляд, вполне символично, учитывая тесное сотрудничество ведущих мировых лидеров, которые действуют солидарно и слаженно, как единое целое, откликаясь на острые политические и экономические вызовы.

Вышеупомянутые лексемы широко представлены в различных средствах массовой информации, например: *On Monday, she stepped up her efforts to avoid any appearance of a strained relationship with the new French leader after working so closely with Mr. Sarkozy that their collaboration became known as «Merkozy»*. [New York Times 2012, May 7]; *This combination is almost impossible to resist. It took only a smirk between Mrs Merkel and the French president, Nicolas Sarkozy, to doom Italy's prime minister, Silvio Berlusconi. The Greek prime minister, George Papandreou, was also replaced under pressure from «Merkozy»*. [The Economist 2012, Feb. 4]; *Hold on. Is not «measures to improve European competitiveness» just another term for austerity? Pretty much, yep. That'd be why the French are saying «Merde!»*. Do say: «Merkel + Hollande = Merde ...» Do not say: «... so does Monti + Cameron = Moron?» [The Guardian 2012, May 13]; *My suggestion is Oberon. Next!* [The Guardian 2012, March 13].

Как уже подчеркивалось, телескопизмы, созданные на базе онимов, отличаются образностью и экспрессивностью, они могут формироваться путем слияния казалось бы нерелевантных друг другу имен, например, антропонима и мифонима. Так, неологизм *Hugoliath* был создан путём слияния имени покойного президента Венесуэлы *Hugo Chávez* и имени мифического героя *Goliath*. Интересно, что этот телескопный дериват появился в результате так называемой гапологии – наложение имен, ведь афереза первого имени-антропонима фонетически и графически совпадает с апокопой второго имени-мифонима. Образ-сравнение, вербализированный с помощью этого телескопизма, представлен в таком контексте: *Henrique and Hugoliath: No wonder that Henrique Capriles, the opposition candidate calls the contest between himself and Hugo Chávez, who rules Venezuela for almost 14 years, one of David against Goliath, and that one of his allies says that election will be «free but not fair»*. [The Economist 2012 Sept. 29].

Учитывая характер производящих основ, на базе которых формируются «отонимные» телескопизмы, производные лексемы можно разделить на два типа – гомогенные телескопизмы, то есть лексемы, которые образовались исключительно от имен собственных (их мы рассмотрели выше), и гетерогенные сложносокращённые слова, которые появились в результате слияния собственного имени с именем нарицательным. Примером телескопизмов второго типа может служить слово *Billanthropy* < *Bill* + *philanthropy*, которое образовалось от имени всемирно известного мультимиллиардера и филантропа Билла Гейтса и имени нарицательного, которое называет характер его деятельности. Например: *That example has been followed by others, most notably Soros, Turner and Buffett. Indeed, this new form of philanthropy, where retired elite businessmen try to change the world, has even been dubbed by «Billanthropy» after Gates. Another description is «philantro-capitalism* [The Guardian 2009, May 31].

Примерами отонимных телескопизмов гетерогенного типа могут служить такие лексемы, как *Romneality* (*Romney* + *reality*) и *Romniverse* (*Romney* + *universe*), которые функционируют в следующем предложении: *Because according to the latest theories, «Mitt Romney» who seems poised to be the Republican nominee is but one of countless Mitt Romney, each occupying his own cosmos, each supporting a different platform, each being compared to a different beloved children’s toy, all of them equally valid and all of them running for president at the same time, in their own alternative Romnealities, somewhere in the vast Romniverse* [New York Times 2012 March 31].

Фамилия Митта Ромни, кандидата в президенты США на выборах 2012 года от Республиканской партии, также послужила исходной основой для создания телескопизма *Romneycare*, которое обозначало программу реформы системы медицинского обслуживания, разработанную этим политиком. Механизмом для формирования этого телескопизма было соединение полной формы фамилии (или имени) политического деятеля с аферезой слова *Medicare*. Аналогичный алгоритм формирования “отантропонимных” телескопизмов был использован для создания лексических единиц, называющих программы реформ системы здравоохранения, предложенные различными политическими деятелями:

Clintoncare (*Clinton + medicare*), *Hillarycare* (*Hillary + medicare*), *Obamacare* (*Obama + medicare*). Примерами функционирования этих лексем могут служить такие предложения: *Obamacare is Clintoncare with a little more liberalism*. [Time 2009, August 17]; *Health care now consumes one quarter of all federal dollars, rapidly rising toward one third – and that’s without considering the cost of Obamacare*. [Newweek 2012, November 19]; *Romney says he understands the conservative reluctance about him, and he names its source: Romneycare* [Newsweek 2012, Feb. 6].

Следует отметить, что фамилия президента США Барака Обамы послужила производной основой для формирования дериватов различных типов, в том числе телескопизмов *Obamacare*, *Obamacon*, *Obamanomics*. Так, “отантропонимный” телескопизм *Obamacon* был создан в результате слияния полной формы фамилии президента Обамы и апокопы субстантивированного существительного *conservative*, например: *In 2008, Barack Obama boasted the support of more than 40 prominent Republicans and conservatives. These «Obamacons» were offered as a barometer of Obama’s crossover appeal, evidence of his ability to unite the nation*. [Newsweek 2012, Sept. 10].

Благодаря своей выразительности, содержательной ёмкости и компактности формы телескопизмы, созданные на базе антропонимов, служат стилистически маркированными средствами образной номинации различных референтов и часто употребляются в текстах публицистического дискурса, например: *Even so, too much has been made of the “uncertainty” consequent on the death of his self-indulgent and ruthless father, Kim-Jong-il. Uncertainty is a constant of dealing with the hermit Kim-dom* [Newsweek 2012 January 9]. “Отантропонимный” телескопизм *Kim-dom*, который образовался в результате слияния апокопы фамилий двух лидеров Кореической народной демократической республики, которые руководили и передавали власть фактически по монархическим принципам, с аферезой слова *kingdom*: *Kim-dom* <*Kim-Il-sung + kingdom*, *Kim-Jong-il + kingdom*. Телескопизм употребляется здесь для иронической номинации Северной Кореи как “королевства Кимов”.

Примером еще одного телескопизма, созданного с участием антропонима, может служить лексема *Viktator* (*Viktor Orbán +*

dictator), используемая для иронического наименования премьер-министра Венгрии Виктора Орбана, который стал принимать волевые и авторитарные решения в управлении государством, без согласования их с руководством Евросоюза: *Political put-down of the week: "Viktator" chanted by crowds in Budapest protesting the increasingly obnoxious government of Prime Minister Viktor Orbán* [Newsweek 2012 Jan. 23].

Телескопия, как способ словообразования, не только способствует обогащению словарного состава современного английского языка новыми лексическими единицами, но и создает условия для формирования новых словообразовательных элементов. По аналогии с телескопизмом *Nixonomics* (*Nixon* + *economics*), который пополнил лексикон английского языка в 70-е годы прошлого века, был создан целый ряд новых лексем, обозначающих экономические стратегии, экономическую политику или экономический аспект деятельности политических лидеров, например *Abenomics*, *Bushonomics*, *Cameronomics*, *Clintonomics*, *Gorbanomics*, *Kerrynomics*, *Obamanomics*, *Putinomics*, *Reaganomics*, *Rogernomics*, *Rubinomics*, *Tarzanomics*. Участие фрагмента телескопизма *-nomics* в формировании не отдельного деривата, а целого ряда производных единиц, дает основание для рассмотрения его как словообразовательного суффикса. Процесс трансформации фрагмента телескопизма в словообразовательные морфему является постепенным и длительным. Увеличение количества производных, созданных с участием этого фрагмента, регулярность его вербокреативного функционирования, способствует типизации его семантики и закреплению словообразовательного статуса. Таким образом, телескопия создаёт условия для аффиксализации фрагментов лексем.

Важную роль в формировании новых словообразовательных элементов играет словообразование по аналогии с конкретным словом. Так, по аналогии с телескопизмом *Nixonomics*, в результате слияния фамилии президента Рональда Рейгана с аферезой слова *economics* в 80-е годы XX века был создан неологизм *Reaganomics*, именующий экономическую политику президента Рейгана, которая основывалась на теории стимулирования роста производства за счет снижения налогового бремени. Этот телескопизм был и остается часто применяемым в публицистических

статьях, посвященных экономическим проблемам, например: *While Americans were arguing about Reaganomics in the 1980s, Swedish households were enjoying a negative tax rate on capital income, once generous deductions and adjustments for inflation were taken into account* [The Economist 2004, April 3].

Другие дериваты, созданные по аналогии с телескопизмом *Nixonomics*, также часто встречаются в публицистических статьях экономической направленности, например: *It has become conventional wisdom in Washington, DC, that Kerrynomics is a reincarnation of Clintonomics, the catch-all label for Bill Clinton's brand of business-friendly fiscally prudent, globally oriented economic policy.* [The Economist 2004]; *For years, the dominant economic strain within the party has been Rubinomics – budget discipline, an embrace of globalization, competence rather than ideology.* [The Economist 2005, June 11]; *The intervention by Osborne is likely to be seized on by Gordon Brown, who believes that "Cameronomics" masks a rightwing agenda of tax and public spending cuts. Labour attacked the Tories earlier this year when a shadow minister likened tax credits – Brown's main tool for tackling poverty – to subsidies to nationalized industries in the 1970s.* [The Guardian 2008]; *Still, presumably because investors bet that Mr Abe's views may prevail upon the Bank of Japan, on the day after the election the stock-market hit its highest level in more than eight months. A strong yen has reacted to "Abenomics" by skidding to 20-month low of nearly ¥ 85 to the dollar.* [The Economist 2012]; *However, even if you accept that Romneynomics, may be more numerate in practice than it is in theory, it is far harder to imagine that he will reverse course entirely.* [The Economist 2012 Nov. 3]; *Tarzan, a wild child raised in the jungle, came back to polite society and hurled around uncouth ideas. It is fitting then that Lord Heseltine, the blond-mopped former Conservative cabinet minister who on October 31st published a report demanding a new industrial policy, bears the nickname. His recipe for restoring growth links together localism, economic interventionism, and radical white-hall reforms. Call it Tarzanomics* [The Economist 2012 Nov. 3].

Формирование "отонимных" дериватов осуществляется не только на базе антропонимов, но и топонимов. Среди неологизмов, созданных способом телескопии, можно выделить целую

группу лексических единиц, которые являются неофициальными названиями различных географических объектов, среди них: *Mexifornia* < *Mexico* + *California*, *Calexico* < *California* + *Mexico*, *Chindia* < *China* + *India*, *Chindonesia* < *China* + *Indonesia*, *Eurabia* < *Europe* + *Arabia*, *Minnewisowa* < *Minnesota* + *Wisconsin* + *Iowa*, *Taxachusetts* < *Texas* + *Masachusetts*.

Такие телескопизмы создаются для образной номинации мнимых географических объектов, которые объединяют территории реальных государств, регионов, континентов. В сознании носителей английского языка эти географические объекты ассоциируются с огромными территориями, единство которых подчеркивается “диффузной” структурой телескопных единиц, предназначенных для их номинации. Так, для номинации ареала проживания испаноязычного населения штата Калифорния и приграничных регионов Мексики, был создан телескопизм *Mexifornia* < *Mexico* + *California*. Примерами функционирования этого слова могут служить такие предложения: *Many whites worry that the state is becoming Mexifornia (there is already a border town called Calexico) that the great Californian melting pot cannot absorb the number of immigrants now washing in.* (The Economist, May 1, 2004); *Besides, what kind of Spanish would a Mexifornia speak?* (The Economist 2004, May 14).

Воображаемые общие территории стран юго-восточной Азии, которые в последнее время отмечаются весомым экономическим ростом и повышением политического влияния на другие страны региона, также именуются телескопизмами *Chindia* (*China* + *India*), *Chindonesia* (*China* + *Indonesia*), например: *Indonesia's exports to Chindia made up 14% of its total export last year, more than those to America (10%).* (The Economist, Sept. 12, 2009); *Nick Cashmore of the Jakarta office of CLSA, an investment bank, has coined a new term to describe this symbolic relationship: "Chindonesia".* (The Economist, Sept. 12, 2009). Такие “мнимые топонимы» создаются для наименования не только объединений отдельных стран, но и целых континентов, например *Australasia* (*Australia* + *Asia*), например: *Between the late 18th and the early 19th centuries four very different types of British empire had begun to emerge. The first were the self-governed colonies in North America, the Caribbean and Australasia* (The Economist 2012 Sept. 15). Сле-

дует отметить, что при формировании этих телескопизмов происходит гаплоглозия – наложение конечного сегмента апокопы первого топонима на начальный сегмент второго топонима (или его аферезу) вследствие фонологического и графического совпадения фрагментов сокращенных основ.

Необходимо также подчеркнуть, что телескопизмы, созданные на базе топонимов или антропонимов, отличаются образностью и экспрессивностью. Так, например, сложносокращенный дериват *Eurabia* (*Europe* + *Arabia*) в предложении *Why the United States is fairer to Muslims than “Eurabia” is*. (The Economist, Sept. 1, 2007) иронически именуется территорию Европы, заселенную выходцами из мусульманских, прежде всего арабских, стран.

Базой для образования телескопизмов как правило служат два исходных слова, однако есть случаи, когда телескопные единицы создаются путем объединения частей трех и более слов. Например, телескопизм *Minnewisowa* был создан путем соединения апокоп двух исходных слов *Minnesota*, *Wisconsin* и аферезы третьего *Iowa*. Модель образования такого телескопизма можно представить так: $ab + cd + eg \rightarrow acg$. Например: *Republicans will convene in Minneapolis, the largest city in “Minnewisowa”*. *That neologism refers to the contiguous states of Minnesota, Wisconsin and Iowa, which have 27 electoral votes* (Washington Post, Nov. 5, 2006).

Итак, отонимная телескопия – это процесс и результат формирования сложносокращенных слов на базе имен собственных, главным образом антропонимов и топонимов. Хотя количество таких телескопизмов является не настолько большим, как реестр аффиксальных неологизмов, тем не менее телескопию тоже можно считать весьма продуктивным способом словообразования на базе имен собственных. По своей типологии отонимные дериваты могут быть гомогенными, то есть созданными исключительно путем слияния фрагментов двух или более онимов, и гетерогенными, образующимися в результате соединения фрагмента собственного имени с редуцированной формой имени нарицательного. Самыми продуктивными моделями создания телескопизмов на базе имён собственных в современном английском языке являются $ab + cd \rightarrow ad$, $ab + cd \rightarrow ac$, $ab + cd \rightarrow abd$.

Следует отметить, что телескопия является относительно «молодым» способом словообразования и механизмы создания

телескопизмов продолжают свое формирование и совершенствование. Выявление новых закономерностей создания лексических единиц способом телескопии может стать перспективой дальнейших исследований.

Список литературы

Бортничук Е.Н., Василенко И.В., Пастушенко Л.П. Словообразование в современном английском языке. Киев, 1988.

Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М., 1989.

Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2007.

Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія. Полтава, 2006.

Yenikeyeva Saniya Maratovna (Zaporozhye, Ukraine)

BLEND WORDS FORMED FROM PROPER NAMES (BASED ON THE ANALYSIS OF MODERN ENGLISH LEXICAL INNOVATIONS)

The article deals with problem of proper names blending as a way of word-formation. In virtue of analyses of neologisms formed by anthroponyms or toponyms blending some trends of English word derivation have been revealed.

Keywords: anthroponym, derivative, blending, blend (blend word), proper name, onym, toponym.

Е.Е. Киреевкова (Санкт-Петербург, Россия)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ В ТЕРМИНОЛОГИИ СПЕЦИАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ

В статье рассматриваются термины-эвфемизмы предметной области инклюзивного образования и приводятся основные примеры, которые активно употребляются в научной литературе и при коммуникации специалистов.

Ключевые слова: терминология, терминосистема, эвфемизмы, политкорректность, специальная педагогика, инклюзивное образование.

С распространением новых отраслей знаний и видов деятельности человека появляются новые терминологические единицы. Находясь в тесном взаимодействии друг с другом и активно пополняя свой состав, термины разных областей знания формируют свою определенную терминологию. На сегодняшний день наблюдаются востребованность в систематизации терминологии инклюзивного образования.

Процесс появления и формирования инклюзивного образования начался в США и Великобритании в рамках национальной образовательной программы 1970-х годов XX века. Инклюзивное образование – междисциплинарная предметная область, которая возникла на стыке медицины, специальной педагогики и психологии. В основу инклюзивного образования положена идеология, которая исключает любую дискриминацию детей, обеспечивает равное отношение ко всем людям и создает особые условия для детей, имеющих особые образовательные потребности [Акатов, 2003].

Появление большого количества эвфемизмов свидетельствует об изменении общественных ориентиров в определенной сфере. Они отражают уже произошедшие изменения общественного сознания и способствуют распространению и закреплению в обществе новых идей. Употребление эвфемизмов в современном обществе может быть вызвано не только требованиями речевого этикета, цензуры, но и правовыми нормами.

Эвфемизмы педагогической области знания не были еще предметом отдельного изучения. В литературе инклюзивного образования речь идет о детях, имеющих трудности в усвоении учебного материала. В коммуникативном пространстве «учитель – ученик» отражаются эвфемизмы, продиктованные человеческими отношениями между взрослым и ребенком. Кроме того, специалисты в области образования также прибегают к использованию эвфемизмов, чтобы сгладить неприятные характеристики и факты, избежать коммуникативных конфликтов и неудач. Эффективность педагогического взаимодействия напрямую зависит от уровня владения педагогом языковыми средствами, которые соответствуют установке на речевой контакт, способствуют поддержанию и регулированию речевых и социальных отношений [Ежова, 2009].

На протяжении последних двадцати лет ученые и журналисты западных стран предпринимают попытки трансформировать язык недееспособности (the language of disability), ведь именно его правильное использование влияет на отношение к людям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), которые иногда подвергаются дискриминации со стороны общества. Термины инклюзивного образования, используемые при общении, в учебной литературе и СМИ играют важную роль, смягчая и нейтрализуя положение и диагнозы лиц с ОВЗ.

В состав исследуемой терминосистемы инклюзивного образования входят политкорректные терминологические единицы. Они закреплены и используются в правовых документах и законодательных актах об образовании. Стоит отметить, что в последнее время в текстах, посвященных инклюзивному образованию, все реже стали встречаться такие термины как *disadvantaged*, *handicapped* или *defective*. Они заменяются на *challenged* или *differently-abled*. Термин *handicapped* может использоваться, чтобы показать, как что-то препятствует выполнению действия ребенка с ОВЗ: «My student was handicapped by the inability to enter the theater due to lack of an accessible entry». Мой ученик бы ограничен возможностью зайти в театр из-за отсутствия предусмотренного для инвалидов входа» [Ямбург, 1997].

Кроме того, ограничивается употребление таких терминов, как «*confined to a wheelchair*» (инвалид-колясочник) or

«*disabled toilet or parking space*» (туалет или парковка для инвалидов). Вместо этого следует использовать *the student in a wheel chair or the student who uses a wheelchair, the accessible toilet or accessible parking space* (ребенок в (инвалидной) коляске или ребенок, который использует коляску как средство передвижения, доступный для всех туалет или парковка) [Ainscow, 1997].

Для характеристики терминосистемы инклюзивного образования используются эвфемизмы с ключевым элементом *able: learning-disabled / sensory-disabled children; reading (mathematical) disability / reading disorder*. Возможен и эвфемистический перифраз: *students who are at risk for school failure; students with limited English proficiency; low achievers*. Ключевыми словами для детей, у которых проблемы с поведением, становятся *difficult / problem: behavior-problem students, difficult / tough children, problem behavior*. Одним из способов образования эвфемизма может быть использование отрицательных префиксов: *disorganized children, undesirable / unacceptable / unwanted / ungoverned (rule-ungoverned) behavior* [Allan, 1997].

Ребенку, которому трудно адаптироваться в коллективе и который не может работать одновременно с классом, присваивается термин *slow-to-warm-up child*. Для скромных школьников используется термин *mild-mannered*, а тех, для кого характерны эмоциональные перепады – *with abnormal mood swings*. Детей, которым не хватает внимания дома или они избалованы родителями, называют *attention-starved / attention-addicted children*.

В профессиональной педагогической деятельности для характеристики одаренных школьников, используются такие термины, как *exceptional children, children with exceptionalities, twice-exceptional children*. Эвфемизм *special* также употребляется для описания проблем педагогической деятельности, учебных заведений для детей, нуждающихся в особом внимании: *special schools, special edteachers, special needs* [Booth, 1996].

Анализируя англоязычные источники и составленные тематические глоссарии, отметим, что некоторая не так давно использовавшаяся терминология сейчас рассматривается как негативная, и полностью заменяется другими терминами, которые не носят оскорбительный характер:

- *afflicted with* (пораженный) – отражает трагический или негативный взгляд на недееспособность;
 - *suffering from* (страдающий от) – сравнивает недееспособность с болезнью и рассматривает недееспособность как тяжелая ношу;
 - *victim of* (жертва) – рассматривает недееспособность как трагедию;
 - *cripple or crippled, spastic, handicapped, dumb, mad, subnormal* (калека, идиот, инвалид, тупой, сумасшедший, ненормальный) – старая терминология, которая используется некомпетентными людьми старшего поколения;
 - *wheelchair bound* (прикованный к инвалидной коляске) – люди с ОВЗ не прикованы к инвалидной коляске;
 - *invalid* – данный термин означает *not valid* (не имеющий возможности);
 - *able-bodied* – заменяется на «non-disabled» (без ОВЗ).
- [цит. по Webster's New World Medical Dictionary, 2008].

Рассмотрим терминологические единицы области инклюзивного образования, которые выделяются в исследовании как предпочитаемые для употребления, и как некорректные на основании правовых документов и медико-педагогических глоссариев, в которых зафиксированы политкорректные термины для описания детей с ОВЗ. Обратимся к примерам в таблице 1.

Таблица 1. Политкорректные термины инклюзивного образования

Preferred (Предпочитаемые)	Instead of (Вместо)
Accessible toilet	Disabled toilet
Visually impaired	The blind
Cognitive impairment	Slow, retarded
Hearing impaired, hard of hearing people	The deaf
People with a disability	Disabled person
Dual sensory impairment, deafblind	Deaf and dumb
Family members, relatives and friends	Carers
Living with mental health needs	Mental illness/mental health problems

Non Disabled	Able Bodied
Non-disabled person/people	Able bodied person/people
Parking for disabled people	Disabled parking
People with learning difficulties	Mentally handicapped
Person with epilepsy, dyslexia or schizophrenia	Epileptic, dyslexic, schizophrenic
Person with mental health difficulties/issues	Mentally ill
Personal assistants, sighted guide, support worker	Carers (meaning paid home carers)
Physical disability	Physically handicapped
Wheelchair user For wheelchair users	Wheelchair bound For wheelchairs

Выделение эвфемизмов и обучение политкорректности учителей и медиков в инклюзивной школе путем формирования медико-педагогической культуры в школе данного типа, т.к. эвфемизмы являются точкой пересечения основных отраслей профессиональных знаний будущего педагога: риторики, психологии, конфликтологии, лексики, профессиональной этики. Использование политкорректных терминов может противостоять обидному общению и предупредить ответную негативную реакцию: грубость, неповиновение, желание отомстить за резкие слова, гармонизируя общение между «инклюзивными» детьми, их сверстниками, педагогами и администрацией.

Список литературы

Акатов, Л.И. Социальная реабилитация детей с ограниченными возможностями здоровья. Психологические основы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2003.

Ежова, Т. В. Проектирование педагогического дискурса в высшем профессиональном образовании будущего учителя: автореф. дис. ... докт. педаг. наук: 13.00.08. Оренбург, 2009.

Ямбург, Е.А. Компенсирующее, или коррекционно-развивающее обучение в адаптивной школе. Школа для всех. М., 1997.

Ainscow, M. Towards inclusive schooling. *British Journal of Special Education*, 24, 1997. pp. 3–6.

Allan, J. 1999. *Actively Seeking Inclusion: Pupils with Special Needs in Mainstream Schools*. London: Falmer Press. pp. 13–24.

Booth, T., A Perspective on Inclusion from England. *Cambridge Journal of Education*. 26, 1996. pp. 87–99.

Webster's New World Medical Dictionary, Fully Revised and Updated, 3rd Edition. Hoboken, New Jersey, Wiley Publishing, May 2008.

Kireenkova Ekaterina Yevgenjevna (Saint Petersburg, Russia)

THE USE OF EUPHEMISMS IN THE SPECIAL EDUCATION TERMINOLOGY

The article focuses on the group of terms which are described as euphemisms of the special education. The article shows the main examples of such terms widely used in scientific research and communication.

Keywords: terminology, term system, euphemisms, political correctness, special education, inclusive education.

Т.С. Нифанова (Северодвинск, Россия)

**ОЦЕНКА СВОЙСТВ ПРИРОДНЫХ ЯВЛЕНИЙ
И ПРОЯВЛЕНИЕ К НИМ ЭМОЦИЙ СО СТОРОНЫ
КОЛЛЕКТИВНОГО СУБЪЕКТА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО
И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье излагается один из возможных подходов к сопоставительному анализу аксиологического своеобразия денотативно связанных единиц английского и французского языков и интерпретации полученных результатов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, оценка, эмоция, аксиологическое своеобразие, сенсорная оценка, утилитарная оценка, эстетическая оценка, семантическая избирательность, сходство, отличие.

В современной лингвистике существуют огромные различия в интерпретации оценки, эмоции и сходных с ними явлений [Горвердовский, 1977; Шаховский, 1983; Телия, 1986; Вострякова, 1998].

В свете когнитивного подхода к фактам языка, который подразумевает, что познание человека носит концептуально-оценочный характер, преобладающей становится точка зрения, в соответствии с которой категория оценки понимается как «... компонент универсальной естественно-семиотической системы, каковой и является язык. Данная категория выступает, как семиотический коррелят некоторой ментальной операции и признака элементом интеллектуальной активности человека» [Лернер, Куперман, 1998, с. 89]. Поскольку любые типы оценок сопровождаются эмоциональными переживаниями личности [Солодуб, 1997, с. 58], то в нашей работе оценка и эмоция рассматриваются как неразрывное единство.

Сопоставительные исследования аксиологического своеобразия языков немногочисленны [Лысенко, 1969; Ольховская, 1995; Базылев, 2000 и др.]. Имеющиеся работы основываются на постулате об универсальности языковой категории оценки

и одновременно на признании своеобразия оценочной шкалы в каждом из языков. Об универсальном характере языковой категории оценки образно писал еще Б. Спиноза: «Если мы знаем о будущей вещи, что она хороша и что она может случиться, то вследствие этого, душа принимает форму, которую мы называем надеждой...С другой стороны, если полагаем, что могущая наступить вещь дурна, то возникает форма души, которую мы называем страхом. Если же мы считаем, что вещь хороша и наступит с необходимостью, то в душе наступает покой, называемый нами уверенностью. Когда мы считаем, что вещь дурна и наступит с необходимостью, то в душе возникает отчаяние» [Спиноза, 1987, с. 128]. Обращаясь к проблеме этноспецифики языкового выражения категории оценки, Ю.Д. Апресян подчеркивает, что оценка отражает связанные со словом культурные традиции, господствующую в данном обществе практику использования соответствующей вещи [Апресян, 1974, с. 67].

Оценки многовекового деятельностного опыта этносов закреплены в словарных дефинициях [Голованевский, 2002, с. 80]. Располагая разнообразным языковым материалом, мы можем приблизиться к пониманию того, какие свойства природных объектов и посредством каких именно оценок фиксируются в каждом из сопоставляемых языков, какой эмоциональный ореол в глазах носителей этнических языков окутывает то или иное явление природы. Анализ целесообразно проводить в соответствии с широко известной классификацией частнооценочных значений, включающей сенсорные, утилитарные и эстетические оценки [Арутюнова, 1999, с. 7–9].

Наблюдения показали, что утилитарная оценка в английском и французском языках фиксируется преимущественно в единицах денотативного класса <ВОДЫ>, причем чаще – в английском языке. Под денотативным классом при этом понимается совокупность лексических единиц, которые фиксируют многообразно познанные человеком свойства явлений и отношения, в которых находится данный предмет или явление с другими предметами или явлениями [Симашко, 1998, с. 8].

В обоих сопоставляемых языках с утилитарной точки зрения, объект, как правило, характеризуется положительно. Так, о позитивной оценке представителей водной фауны в английском и

французском языке свидетельствует признак 'съедобный' в толкованиях многих названий морских животных. Например: *snail* – 'any of a large member of slow-moving gastropod mollusks living on land or in water and having a short, thick, wormlike body and a protective shell, usually spiral in shape: some kinds of snails are used as food' [W, 1964, p. 1379], *anchois* – 'petit poisson de mer commun en Méditerranée, qu'on odeling surtout odeli et ode' [PR, 1978, p. 66].

В денотативном классе <ВОДЫ> обоих сопоставляемых языков положительные утилитарные оценки актуализируются в названиях судов посредством указания на то, для какой цели они служат. Например: *doling* – 'a fishing boat with two masts, each carrying a spirit-vail' [Major, 1981, p. 30], *arche* – 'vaisseau fermé qui permet à Noe d'échapper eaux du odeli' [PR, 1978, p. 95].

В ряде английских и французских единиц денотативного класса <ВОДЫ> положительно оценивается возможность использования объекта на отдыхе, с целью получения удовольствия, для развлечения и занятий спортом. Например: *aquacade* – 'an aquatic exhibition or entertainment consisting of swimming, diving etc. often to music' [W, 1964, p. 73], *yachting* – 'pratique de la navigation de plaisance' [PR, 1978, p. 2126].

Наряду с этим, во внутренней форме многих фразеологических единиц обоих языков содержится негативная утилитарная оценка данного природного феномена. Например: *a May flood never did good* [София, 1967, с. 77], *il n'est pire eau que l'eau qui dort* [Пг, 1960, p. 31].

Семантическое своеобразие английского языка проявляется в том, что лишь в денотативно связанной английской лексике закрепляется признак 'объект для защиты от морской стихии'. Например: *dike* – 'an embankment or dam made to prevent flooding by the sea or by a stream' [W, 1964, p. 409].

В английских единицах положительно оценивается создание и обустройство водоемов / водотоков, благоприятствующих навигации или с целью отвода вод. Например: *canaille* – 'a river artificially improved by locks, levels, etc. to permit navigation' [W, 1964, p. 211].

Лишь в денотативном классе <ВОДЫ> английского языка в наименованиях субъекта, взаимодействующего с водной стихией, закрепляется признак 'опытный, умелый'. Например: *sea dog* – 'a sailor, especially an experienced one' [там же, p. 1313].

В отличие от английского языка, семантическая оригинальность французского языка манифестируется в том, что во французских единицах денотативного класса <ВОДА> позитивно с утилитарной точки зрения оцениваются элементы оснастки и оборудования судов посредством компонента 'использовать(ся), предназначаться, служить'. Например: *hublot – 'petite fenêtre étanche généralement ronde munie d'un verre épais pour donner du jour et de l'air à l'intérieure d'un navire'* [PR, 1978, p. 943].

Семантическая избирательность английского и французского языков ярко проявляется в денотативном классе <ДОЖДЬ>. Так, в единицах английского языка акцентируется необходимость защиты объектов от дождевых вод. Например: *drip – 'a projecting cornice to throw off rain'* [W80, 1980, p. 270].

Во французском языке положительно или отрицательно с утилитарной точки зрения оценивается выпадение дождя в определенные месяцы или дни, что связывается с благоприятными или неблагоприятными видами на урожай. Например: *quand il pleut en août, il pleut miel et bon mout* [Bourcelot, 1966, p. 31].

Во французском языке утилитарная оценка ветра зависит от времени его появления и предвещаемого им урожая или погоды. Например: *grands vents du nord en février annoncent la fertilité ; manquent-ils ? On les aura en avril* [Litaire, 1985, p. 28].

В единицах денотативного класса <ВЕТЕР> английского языка утилитарная оценка не фиксируется. Однако в английских художественных текстах утилитарная оценка ветра передается очень часто, причем преимущественно – отрицательная. Языковыми средствами передачи негативной утилитарной оценки ветра являются, в частности, грамматическая конструкция *имя природного явления + глагол + объект* и сравнительные конструкции с глаголами *stir, caress, ripple, flick, flatten*. Например: *The low wind would intermittently flick the grass* [Bragg, 1974, p. 125].

Квинтэссенция оценок приписываемых природным явлениям в английском и французском языковых коллективах, содержится в образном высказывании физика Л. Дж. Баттана: «*The infrequent, very beautiful or very violent phenomena of the atmosphere make a big impression, but ordinary rain and snow are like old friends. We are almost always glad to see them even though they do not bring a great deal of excitement. Also like old friends, they play extremely important roles in our lives* [Battan, 1962, p. 32].

Таким образом, утилитарные оценки рассматриваемых природных феноменов фиксируются в английском и французском языках, но по-разному. В обоих языках с утилитарной точки зрения природные явления характеризуются неоднозначно. В наибольшей степени семантическая избирательность английского и французского языков проявляется в утилитарных оценках дождя. Ни в одном из сопоставляемых языков ни одно природное явление не интерпретируется как исключительно положительное или исключительно отрицательное.

Список литературы

Английски пословици. София: Наука и искусство, 1967. (в тексте – София).

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (к проблеме «языковой картины мира») // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3–9.

Базылев В.Н. Когнитивная структура эмоций: русско-японские параллели // Язык, сознание, коммуникация. М., 2000. Вып. 10. С. 9–19.

Вострякова Н.А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: Автореф. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998.

Говердовский В.И. Опыт функционально-типологического описания коннотации: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1977.

Голованевский И.Л. Оценочность и ее отражение в политическом и лексикографическом дискурсах (на материале русского языка) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2002. № 3. С. 78–88.

Лернер К., Куперман В. Категория сравнения и оценки с точки зрения гипотезы о типах языкового движения // Вопросы языкознания. 1988. № 1. С. 89–96.

Лысенко Л.С. Опыт компонентного анализа тематического ряда (сопоставительное исследование лексических обозначений для импульсивных отрицательных эмоций) // Основы компонентного анализа. М., 1969. С. 18–26.

Ольховская Н.В. Модальные слова рациональной оценки в русском и французском языках: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира. Архангельск: Поморский государственный университет, 1998.

Солодуб Ю.П. Структура лексического значения // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1997, №2. С. 54–67.

Спиноза Б. Избранные произведения. Т. 1. М. 1987.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: Учебное пособие к спецкурсу. Волгоград, 1983.

Bourcelot H. Atlas linguistique et ethnographique de la Champagne et de la Brie. Vol. 1. Le temps. La terre. Paris, 1966.

Bragg M. The Hired Man. Moscow: Progress Publishers, 1979.

Battan L.J. Cloud Physics and Cloud Seeding. London : Doubleday & Company, 1962.

Ilg G. Proverbes français suivis des équivalents en allemande, anglais, espagnol, italien, néerlandais. Amsterdam : Statkine Reprints, 1960.

Litaire A. Dictons de Lorraine. Au fil des mois. Nancy: Souvenirs, 1985.

Major A. A New Dictionary of Kent Dialect. Meresborough : Brackley. 1981.

Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. Paris : Société du Nouveau Littré. 1978. (в тексте – PR).

Webster's New World Dictionary. Cleveland and New York: The World Publishing Company. 1964. (в тексте – W)

National Dictionary of the English Language. New York: P.F. Collier and Son Corporation. 1980. (в тексте – W80).

Nifanova Tatjana Sergueevna (Severodvinsk, Russia)

**EVALUATION OF PECULIARITIES OF NATURAL
PHENOMENA AND MANIFESTATION OF EMOTIONS
TOWARDS THEM ON THE PART OF COLLECTIVE SUBJECT
(ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH AND FRENCH
LANGUAGES)**

The article is about a possible approach to the comparative analysis of axiological peculiarities of denotatively connected units of the English and French languages and to the interpretation of its results.

***Keywords:** comparative analysis, evaluation, emotion, axiological peculiarities, sensory evaluation, utilitarian evaluation, aesthetic evaluation, semantic selection, similarity, differenc.*

Ю.С. Рубцова (Симферополь, Россия)

СТАТУС ИНФИНИТИВА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ: ИСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются теоретические проблемы определения статуса инфинитива во французском языке. Анализируются современные подходы изучения французского инфинитива и отнесения его к: 1) отглагольному существительному; 2) глаголу и 3) промежуточной форме между именем существительным и глаголом.

Ключевые слова: категория, глагол, инфинитив, грамматическая форма, французский язык.

В современной лингвистике отмечается ряд неоднозначных подходов к проблемам формообразования. Такая ситуация определяется тем фактом, что некоторые лингвистические категории, ранее включавшиеся в состав более крупных родовых понятий, обладают неопределённым положением.

К числу таких категорий относится инфинитив. Являясь формой глагола как части речи, он соединяет в себе глагольные и субстантивные черты. В связи с этим вопрос о парадигмальной сущности инфинитива остаётся открытым и актуальным в современной науке [Луговая, 2010, с. 15]. Определение статуса инфинитива требует детального изучения, в связи с частотой его использования в языке и достаточной вариативностью.

Актуальность темы определила объект и предмет исследования. Объектом является инфинитив как грамматическая форма во французском языке, предметом – основные подходы к определению его статуса. Целью данной статьи является анализ существующих подходов к статусу инфинитива как грамматической формы в лингвистической науке.

Инфинитив в отечественной лингвистике традиционно определяется как неопределённая форма глагола (вербоид), существующая во флективных и агглютинативных языках и используемая для выражения сказуемого, а также слов с предикатным значением в позициях именных членов предложения. Историче-

ски в индоевропейских языках он представляет собой перешедшую в парадигму глагола форму имени со значением действия [Большой энциклопедический словарь, 1998, с. 198].

Во французском языке инфинитив имеет абстрактное грамматическое значение. Изолированный от контекста, он выражает действие в наиболее общем смысле, отвлекаясь от конкретного субъекта [Реферовская, 1964, с. 178]. Отсюда вытекают и сомнения многих учёных в частеречном статусе инфинитива, и признание неопределённости его статуса. Так, классик лингвистической науки Ф. де Соссюр в своём «Курсе общей лингвистики» практически не упоминает эту категорию. Мы можем найти у него только небольшую ремарку, в которой он рассуждает о будущем времени глагола и указывает на то, что она зародилась в народной латыни от агглютинации инфинитива с настоящим временем глагола *habere* [Saussure, 1997, p. 245]. Категория инфинитива, таким образом, в соответствии со своим значением остаётся у швейцарского исследователя недостаточно полно описанной.

В современной лингвистике сложилось несколько подходов к проблеме статуса инфинитива во французской грамматике. Часть лингвистов отстаивает точку зрения, согласно которой инфинитив является отглагольным существительным, другая же относит его к глагольной парадигме. Существует также третья точка зрения, относящая инфинитив к промежуточной форме между именем существительным и глаголом [Гак, 1986, с. 256].

Наиболее популярным подходом к проблеме статуса инфинитива является соотнесение его с глагольной формой. Эта точка зрения опирается на широкое понимание глагола как части речи, передающей какое-либо действие. Этой точки зрения придерживаются целый ряд как европейских, так и отечественных лингвистов. Среди можно выделить таких как С.Г. Бархударов, Л. Бэбби, Л. Блумфильд, В.В. Виноградов, В.Г. Гак, Г. Пауль, Е.А. Реферовская, Г. Шухарт и др. [Бархударов, 1973; Бэбби, 1985; Виноградов, 1972; Гак, 1986; Реферовская, 1964].

Действительно, по своей семантике инфинитив близок к личной форме глагола, так как выражает отвлеченное, обобщенное понятие о действии, а связь деятеля с этим действием хотя не прослеживается формально, но логически предполагается. Инфинитив приобретает субъектный характер в тех случаях, когда

действие, выраженное им, соотнесено с подлежащим. В этом случае связь действия с его актором проявляется при использовании инфинитива в предложении более методично, чем у других неличных форм глагола что, вероятно, объясняется тем, что инфинитив выражает действие, обозначенное основой [Луговая, 2010]. Принадлежность инфинитива к глагольной парадигме также связывают с тем, что инфинитив представляет глагол в словаре и может быть назван «словарной формой» глагола [Бархударов, 1973, с. 212].

В рамках этого подхода следует различать интерпретацию инфинитива как глагольной части речи и как формы глагола. Последний подход характерен для отечественной лингвистики, для чего инфинитив формально вводится в парадигму глагольных форм [См.напр. Виноградов, 1972; Гак, 1986].

Инфинитив в контексте глагольной парадигмы, но которая выпадает из типичной для глагола системы спряжения, рассматривается, например, в конфигурационной гипотезе Л. Бэбби, в соответствии с которой существует небольшое количество универсальных категорий, которые можно реализовать в любом языке в виде присущей только данному языку системы частей речи. Так, например, исходная категория V (глагол) в результате морфологических трансформаций реализуется в поверхностной структуре языка в виде причастия, деепричастия и т.д. В рамках этой гипотезы инфинитив как глагольная часть речи рассматривается как «контекстный вариант исходного V» [Бэбби, 1985, с. 171–172].

Представители другого подхода к инфинитиву относят его к отглагольным существительным. Эта точка зрения опирается на понимание глагольных форм в узком смысле как проявляющихся исключительно в личных формах. И, хотя этот подход не отрицает наличие глагольных черт в инфинитиве, но относит его всё же к именной форме. Так, один из представителей этого подхода Л. Теньер резко негативно высказывается по поводу отнесения инфинитива к глагольной парадигме. Он называет такой подход контрпродуктивным и парадоксальным, так как считает для обозначения глагола нелогичным прибегать к той форме, которая не является глагольной, и утверждает: следование концепции того, что инфинитив – это глагол ведёт исследователей

на ложный путь [Теньер, 1988, с. 434]. В своей книге «Основы структурного синтаксиса» он пишет: «Глагол по исходной категории и имя существительное по результирующей категории, инфинитив соединяет в себе глагольные и субстантивные черты» [Теньер, 1988, с. 433]. И хотя в дальнейшем Л. Теньер не относит инфинитив и к именам существительным, он больше склоняется к пониманию этой категории как именной формы.

Этой же точки зрения придерживается и Э. Бенвенист. Он утверждает, что представление инфинитива как формы глагола является достаточно условным. Он разделяет представление об инфинитиве в языке и лексикографическом метаязыке [Benveniste, 1966, р. 255]. И всё же на страницах своих «Проблем общей лингвистики» он относит инфинитив к именной форме глагола.

Третий подход к проблеме статуса инфинитива объединяет представленные выше взгляды, относя инфинитив к промежуточной форме между именем существительным и глаголом. Эта точка зрения опирается на историю формирования французского языка, уходящей своими корнями в «вульгарную» латынь.

В «Исторической грамматике французского языка» отечественных авторов М.К. Сабанеевой и Г.М. Щербы содержится анализ исторического развития инфинитива. Авторы отмечают, что, обладая грамматическими категориями залога и времени, инфинитив в процессе развития от латинского к старофранцузскому языку утратил категорию времени. Он также сменил форму залоговой оппозиции с синтетической на новые средства её выражения в виде противопоставления простой формы инфинитива – аналитической, состоящей из инфинитива *être* и причастия прошедшего времени смыслового глагола. Таким образом, в старофранцузском языке аналитическая форма, состоявшая из сочетания инфинитива *avoir* или *être* и причастия прошедшего времени стала средством выражения законченности действия, а незаконченность действия выражалась в простом инфинитиве. Инфинитив также функционально сближался с именем существительным, обозначая действие вне связи с контекстом. Старофранцузский инфинитив выполнял все синтаксические функции существительного, часто оформлялся артиклем, притяжательными и указательными местоимениями, впоследствии приобретал падежное противопоставление.

К XIV–XV вв. инфинитив постепенно утратил свои именные свойства. Хотя в современном французском языке присутствуют некоторые существительные *le loisir, le pouvoir, le devoir, le diner, le déjeuner, le souper* и др., которые представляют собой инфинитив с именными признаками. Качественно новые черты инфинитива, проявившиеся ещё в старофранцузском языке, состоят в том, что он способен употребляться с предлогами, выступая в роли как косвенного дополнения, так и обстоятельства [Сабанеева, 1990, с. 220–225].

Подобные трансформации инфинитива позволили ряду исследователей трактовать его как промежуточную форму между глаголом и существительным. Так, Э. Прокош определяет инфинитив как отглагольное существительное и указывает на его тесные связи с глагольной системой, утверждая, что каждое отглагольное образование имеет общее значение глагольности [Прокош, 2010, с. 217]. А.М. Пешковский определяет инфинитив как «загадочную по своему современному значению категорию глагола» [Пешковский, 2001, с. 128], так как он имеет двойственную природу, сочетая в себе одновременно глагольные и номинативные черты. Принимая во внимание этот факт, А.М. Пешковский определяет инфинитив как «существительное, не дошедшее один шаг до глагола» [Пешковский, 2001, с. 131].

В.В. Богданов также отмечает специфический статус инфинитива, который определяется его особым семантическим поведением, двойственным глагольно-именным [Богданов, 1980, с. 164]. Исследователь полагает, что именно в такой двойственной природе заключена причина жизнеспособности инфинитива [Богданов, 1980, с. 164–182].

Достаточно продуктивными в определении статуса инфинитива являются взгляды на инфинитив как имплицитную транспозицию глагола швейцарского лингвиста Ш. Балли и понятие состояния синтаксического покоя грамматической формы В.Г. Адмони.

Ш. Балли отмечает двойственный статус инфинитива. По его мнению, инфинитив является переходной глагольной формой, которая способна «играть роль» существительного [Балли, 1955, с. 326]. Он представляет собой своеобразную транспозицию глагола. Под нею исследователь подразумевает «неизменность ис-

ходной семантики транспонируемого компонента» [Балли, 1955, с. 130–131]. Инфинитив представляет собой, по его мнению, имплицитную, то есть, скрытую, неявную, подразумеваемую транспозицию, которую Ш. Балли назвал «гипостазом». При имплицитной транспозиции «категория заимствования при отсутствии всякого транспонирующего выражается лишь синтагматическим окружением» [Балли, 1955, с. 181–185]. При гипостазе межкатегориальный обмен осуществляется с «с минимумом комбинаторных усилий», что является его несомненным достоинством.

Подобную концепцию можно найти и в трудах отечественного лингвиста В. Г. Адмони. В своих исследованиях он вводит в научный оборот понятие «состояния синтаксического покоя грамматической формы» [Адмони, 1988, с. 39]. Он употребляет его по отношению к грамматическим формам, которые своей семантикой менее всего ориентированы на контекст и различные ситуации, приводя в качестве примера форму именительного падежа существительного. В соответствии с этими взглядами, инфинитив как неличная форма глагола также находится в состоянии синтаксического покоя. Он лишь называет какое-либо действие, явно не реализуя ряд таких показателей, как время, лицо, число, соотносённость с субъектом действия. Следует принять во внимание, что у инфинитива может быть выражено (при вхождении в предикат) относительное временное значение предшествования. Кроме того, при использовании инфинитива в качестве обстоятельства его парадигматическая ущербность усиливается.

Подводя итог, можно сказать, что сомнения по поводу причисления инфинитива к разряду глагольной или номинативной парадигмы до сих пор окончательно не разрешены. Представители лингвистической науки, отстаивающие причисление инфинитива к глагольной форме, опираются на широкое определение глагола и воспринимают инфинитив как его неопределённую форму. Сторонники противоположной точки зрения отказывают инфинитиву в глагольных признаках, исключая из них качества неопределённости. Компромиссная позиция воспринимает инфинитив как промежуточную между существительным и глаголом форму. Безусловно, что исследования в этой области требуют своего продолжения для более глубокого понимания соотношения элементов языковой системы.

Список литературы

Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики Л., 1988.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. М., 1955.

Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. М., 1973.

Богданов В.В. Семантико-грамматический статус инфинитива. Опыт типологического анализа. М., 1980.

Буланин Л.Л. Категория залога в современном русском языке. Л., 1986.

Бэбби Л. К построению формальной теории «частей речи» / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Современная зарубежная русистика. Вып. 25. М., 1985. С.160-189.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. М., 1986.

Инфинитив // Большой энциклопедический словарь. Языковедение. М., 1998. С. 198.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном. М., 2001.

Прокош Э. Сравнительная грамматика германских языков. М., 2010.

Реферовская Е.А., Васильева А.К. Теоретическая грамматика современного французского языка. В двух частях. Часть 1. Морфология и синтаксис частей речи. Л., 1964.

Сабанеева М.К., Щерба Г.М. Историческая грамматика французского языка. Л., 1990.

Самарин Д.А. О проблеме инфинитива в российской и западной лингвистике XX столетия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 4-2 (58). 2016. С. 155-157.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / пер. с фр. М.: Прогресс, 1988.

Benveniste E. Problèmes de linguistique générale. T. 1. Paris : Gallimard, 1966.

Saussure F. de. Cours de linguistique générale. Paris: Edition Payot & Rivage, 1997.

Луговая Н.В. Особенности перевода инфинитива и инфинитивных конструкций во французском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rostov-language.ru/help-44.html> (дата обращения: 11.04.2017).

Rubtsova Yulia Sergeevna (Simferopol, Russia)

**INFINITIVE STATUS IN THE FRENCH LANGUAGE:
HISTORY OF PROBLEM STUDY**

The article scrutinizes theoretical issues of defining the Infinitive status in the French language. The author examines modern approaches to the study of the French Infinitive in respect of considering the Infinitive to be: 1) the verbal noun; 2) the verb and 3) the intermediate form of the noun and the verb.

Keywords: category, verb, infinitive, grammatical form, the French language

Силина А.В. (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ ЛИНГВОАКСИОЛОГИИ

В статье приводится обзор литературы по вопросу дефиниции ключевых понятий лингвоаксиологической науки. К таким понятиям относятся «ценность», «оценка», «ценностные ориентации» и «ценностная картина мира».

Ключевые слова: категория оценки, ценность, ценностные ориентации, ценностная картина мира, лингвоаксиология, идиостиль.

Проблема дифференциации таких основных понятий лингвоаксиологической науки, как оценка, ценность и ценностные ориентации относится к числу актуальных и теоретически значимых проблем антропоориентированной лингвистики. Как справедливо отмечает И.А. Щирова, «художественный текст являет собой сложное «человекомерное» образование», поэтому описание его характеристик детерминировано не только сложностью и многомерностью самого текста, многообразные актуализации которого включаются в культурный контекст, но и сложностью и многомерностью человека. Порождая, воспринимая и интерпретируя текст, человек выступает «точкой отсчёта» его анализа, при этом его сложное и текучее сознание также принадлежит конкретно-историко-культурному контексту» [Щирова, с. 11, 2011].

Своеобразие человеческого бытия заключается в ценностном отношении к миру. В процессе деятельности человека по познавательно-практическому освоению действительности субъект выражает некое положительное, отрицательное или нейтральное отношение к тем или иным объектам действительности (явлениям, процессам, другим индивидам), т.е. выражает по отношению к ним свою оценку. Ценностное отношение, как следствие, трактуется как субъектно-объектное.

Под оценкой понимается «особый когнитивный акт, в результате которого определяется отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью установления его значения для жизни

и деятельности субъекта, т.е. с целью определения ценности». [Арутюнова, 1988, с. 25]. Оценка предполагает материализацию ценностных отношений. [Чекулай, 2016, с. 4]. Современные аксиологические исследования показывают, что оценка имманентно присуща практически каждому разумному индивиду.

Оценка дает возможность составить представление об окружающем мире и выразить свое мнение относительно предметов и явлений, с которыми сталкивается человек. Языковая оценка принадлежит к антропоцентрическим категориям: она направлена на репрезентацию интересов человека и существует только в неразрывной связи с ними. Человеческий фактор оказывает решающее воздействие на оценку [Шмелева, 2004, с. 109]. По мнению А. Вежбицкой, концепты «хорошо», «плохо» являются языковой универсалией, присущей всем естественным языкам [цит. по: Темиргазина, 2010], однако, в том, что касается выражения оценочных значений, проявляется индивидуальность того или иного языка. Оценка, пишет Е.М. Вольф, принадлежит к интенциональному аспекту языка, поскольку концептуальная картина мира в сознании говорящего не просто видоизменяется, но и оказывается под влиянием совокупности различных факторов: эстетических, морально-этических, социальных, этнических, культурологических [Вольф, 2002, с. 9]. Можно предположить, что модальная рамка оценки является универсальной: так, в структуре оценки всегда выделяют субъект и объект, оценка в любом языке подразумевает наличие шкалы и стереотипов, аксиологических предикатов, интенсификаторов и других элементов. Однако способы выражения этих элементов в каждом языке своеобразны [там же, с. 9].

Понятия оценки и ценности взаимосвязаны, но не взаимозаменяемы. Согласно определению З.К. Темиргазинной, ценность есть не что иное, как значение объекта действительности для субъекта. Вещи и предметы являются носителями ценности независимо от их духовной и материальной природы. Ценность как значение предмета для субъекта характеризуется амбивалентностью, двойственностью, что отражается в обусловленности оценочных предикатов, с одной стороны, объективными свойствами предмета (объекта), а, с другой – позицией субъекта. [Темиргазина, 2010, стр. 12]. Ценности выступают как сила, определяющая особенно-

сти сознания, мировоззрения и поведения любого субъекта. Исходя из этого, можно сказать, что ценность – это антропогенный феномен, находящийся в неразрывной связи с деятельностью и интересами человека [Котлярова, 2009].

Согласно В.И. Карасику, ценности характеризуются как: а) обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения; б) играющие роль фундаментальных норм; в) выражающие смыслы культуры; г) влияющие на интересы и мотивы действия людей; д) высшие ориентиры поведения [Карасик, 2004].

В процессе аксиогенеза, т.е. рождения и формирования ценностей, из архаического ценностного синкретизма в ходе формирования индивидуального сознания постепенно вычленились самостоятельные виды ценностей – нравственные, религиозные, политические, эстетические, интеллектуальные и т. д., которые базировались на концептах «добро – зло», «святое – кощунственное», «справедливость – несправедливость», «ум – глупость», «красота – уродство». Самостоятельные виды ценностного отношения складывались в организованную определенным образом систему ценностей, или аксиосферу. Ценность – это «представление о том, что свято для человека, класса, группы, общества в целом, их убеждения и предпочтения, выраженные в поведении. Ценности не подвергаются сомнению, они выступают в качестве эталона, идеала всех людей [Столович, 1983].

П.С. Гуревич называет ценности идеальными образованиями, внутренними целевыми ориентирами личности. Высшие ценности как трансцендентные образы присутствуют везде. Ценности придают смысл нашей жизни. [Гуревич, 1994]. Американский психолог Маслоу утверждает: «Высшие ценности являются атрибутами или определяющими характеристиками глубинной, сущностной, внутренней природы человека» [Маслоу, 1997, с. 157].

Исчерпывающее объяснение различий между ценностью и оценкой дает Л.Н. Столович: «Оценка и ценность – два полюса оценочного отношения: объективный и субъективный. Оценка – субъективное отношение к ценности, которое может как соответствовать, так и не соответствовать ей. В самом ценностном отношении возникает гносеологическая проблема истинности оценки – оценка истинна, если она адекватна ценности, и ложна,

если она ей не адекватна. Сама ценность осваивается наиболее полно только через оценку» [Столович, 1985, с. 75].

Несмотря на возрастающий интерес к проблемам ценности и оценки, в научной среде бытует мнение, что оценка – сугубо субъективная категория, не заслуживающая рассмотрения сама по себе. Так, Бертран Рассел писал: «Когда мы утверждаем, что то или иное имеет ценность, мы выражаем свои собственные эмоции, а не факт, истинный независимо от наших чувств» [<http://terme.ru/dictionary/178/>].

Время возникновения понятия «ценностная ориентация» совпадает с периодом разработки теории ценностей в 50–60-х годах прошлого столетия. Это необходимое для науки понятие обозначает устойчивую позицию личности по отношению к различным внешним ситуациям [Лингвистика и аксиология, 2011.]. Ценностные ориентации, как замечает С.Л. Рубинштейн, являются «важнейшими элементами структуры личности». Они фиксируются жизненным опытом человека, всей его чувственно-эмоциональной сферой и обладают важным, ценным для конкретной личности от неважного, обладающего незначительной ценностью [Рубинштейн, 1973].

Понятие авторских ценностных ориентаций подразумевает способ отношения автора к миру, тип взаимодействия автора с действительностью. С одной стороны, это понятие связано с авторской интенцией, т.е. намерением, целью, направленностью авторского сознания, воли и чувств на какой-либо предмет; интенция отображает авторские мысли, потребности и мотивы. С другой стороны, идея авторских ценностных ориентаций, сопрягается с такими понятиями, как «оценка» и «ценность».

Применительно к произведениям художественной литературы ценностно ориентированный анализ позволяет изучить художественное произведение как структуру, элементы которой обусловлены совокупностью аксиологических факторов. «Ценностная картина мира» является одним из ключевых понятий современной аксиологической науки. Ценностная картина мира формирует часть концептуальной модели действительности, отраженной в человеческом сознании, является частью языковой картины мира человека и народа. Ценностная картина мира представляет собой систему ценностей, культивируемых в конкретном обществе, выстроенных в определенной иерархии. В ней

различается инвариантная часть (ценности, присущие всем народам) и вариативная (ценности, обусловленные спецификой национальной культуры, особенностями социально-исторического развития народа) [Темиргазина, 1999, с. 14].

Восприятие литературных явлений ученым, критиком, учителем через призму аксиологии способно повлиять на формирование ценностного сознания читателя, его духовности и эстетической восприимчивости. Это влияние, пишет Е.В. Попова обретает особую значимость в связи с глобальным «антропологическим кризисом» рубежа веков и распространением философии прагматизма, утверждающей, что в современном мире нет места ценностям [Попова, 2008, с. 11]. В постмодернистских литературных экспериментах наблюдается разрыв с традиционными формами сознания и культуры, отказ от смысла и ценностного содержания искусства [Дробышева, 2008, с.6].

Как следует из всего вышесказанного, ключевые понятия лингвоаксиологии – «оценка», «ценность» и «ценностные ориентации», являясь элементами ценностной картины мира и демонстрируя взаимосвязанность, оказываются важными для интерпретации текста, создаваемого автором с опорой на собственное мировосприятие и миропонимание. Под ценностью при этом понимается значимость объекта действительности для субъекта, под оценкой – акт приписывания ценности чему-либо, в то время как ценностные ориентации проявляют устойчивую позицию личности по отношению к различным внешним ситуациям.

Список литературы

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт). М., 1988.

Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 2002.

Гуревич П.С. Философия культуры. М., 2007.

Дробышева Е.Э. Аксиология постмодерна: ирония. СПб., 2008.

Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. Новосибирск, 2004. С. 28–32.

Котлярова В.В. Ценности: традиции и аксиологическая парадигма современности: монография. Шахты, 2009.

Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. М., 2011.

Маслоу А. Г. . Дальние пределы человеческой психики / Перев. с англ. А. М. Татлыдаевой; Научн. ред., вступ. статья и коммент. Н. Н. Акулиной. Спб., 1997.

Попова. Е. В. Аксиология и литературоведение: учебное пособие. Владикавказ, 2008.

Столочич Л. Н. Жизнь – творчество – человек: Функции художественной деятельности. М., 1985.

Темиргазина З. К. Избранные работы по лингвистике: в 2 т. II том: Лингвистическая аксиология. Прагматика. Психолингвистика. Павлодар, 2010.

Темиргазина З. К. Оценочные высказывания в русском языке. Павлодар, 1999.

Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Багана Ж., Куприева И.А. Принцип оценочной актуализации в современном английском языке: Монография. М., 2016.

Щирова И.А. О сложности мира, текста и познания: методологический аспект // Стиль. 2011. № 10. С. 91–104.

Шмелева А.А. Оценочность в прагмасемантике высказывания // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Современные проблемы лингводидактики. Бирск, 2004. С. 109–114.

Рассел Б. Философский словарь разума, материи, морали [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/dictionary/178/>. (дата обращения: 15.03.17)

Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.

Silina Anna Vladimirovna (St. Petersburg, Russia)

ON THE QUESTION OF THE DIFFERENTIATION OF THE KEY CONCEPTS OF AXIOLOGICAL LINGUISTICS

The review of literature concerning the definition of the key concepts of axiological linguistics is provided in this article. “Value”, “evaluation”, “value orientations” and “the axiological worldview” belong to such concepts.

Keywords: *the category of evaluation, value, value orientations, value worldview, axiological linguistics, individual style of the author*

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗОВЫХ ГЛАГОЛОВ

В статье обсуждается вопрос о значимости факультативного статуса второго компонента в традиционно выделяемых фразовых глаголах английского языка для уточнения, как морфологической структуры фразовых глаголов, так и их значения. Обосновывается автономный синтаксический и семантический статус наречия в подобных образованиях.

Ключевые слова: фразовый глагол, наречие, факультативность, дефиниция, идиоматичность.

Фразовые глаголы как особые по своему морфологическому и семантическому статусу единицы в словарном составе английского языка прочно вошли как в различные словари, так и в практические и теоретические грамматики английского языка. В толковых словарях фразовые глаголы приводятся отдельными списками за рамками словарной статьи того глагола, на основе которого они образованы. Издаются отдельные словари фразовых глаголов. Фразовые глаголы включаются в словари идиом английского языка.

В основе общепризнанного особого статуса фразовых глаголов лежит положение о том, что их следует рассматривать как особые фразеологизированные сочетания, значения которых не выводимы из значения составляющих их единиц: “A number of verbs combine with particles to form idiomatic units the meaning of which cannot be predicted from the meaning of their parts. These units are known as phrasal verbs...” [A New University English Grammar, 2003, p. 159]; “Phrasal verbs are idiomatic combinations of a verb and adverb, or a verb and preposition” [Longman Dictionary of Phrasal Verbs, 1986, p. 3].

В данной статье мы рассмотрим одну интересную закономерность, которую проявляют многие традиционно выделяемые фразовые глаголы, а именно, факультативный характер использования

наречного элемента в этих словосочетаниях. В качестве материала мы проанализируем фразовые глаголы *break down* и *put away*.

Мы не включаем в анализ фразовые глаголы, которые представляют собой сочетание глагола и предлога. Выделение данных словосочетаний как особых идиоматических глаголов проблемно в связи с тем, что предлог искусственно отрывается от именной группы, которую он вводит в контекст. Расширение фразового глагола до размеров полной предложной группы представляется логичным в связи со спецификой значения любого предлога, но оно ставит под вопрос целесообразность рассматривать такие микроконтексты как элементы словарного состава языка.

Рассмотрим словосочетание *break down*, которое трактуется как фразовый глагол практически во всех лексикографических источниках.

Словарь Macmillan Dictionary Online предлагает шесть вариантов значения для фразового глагола *break down*. В словаре Longman Dictionary of Phrasal Verbs указаны восемь вариантов значения, а в The American Heritage Dictionary of Idioms [Ammer, 1997] у этого фразового глагола (идиомы) четыре значения. Во всех лексикографических источниках для каждого варианта значения помимо дефиниции приводятся иллюстративные примеры. Именно характер приводимых примеров представляет большой интерес, поскольку они должны подтвердить особый идиоматический статус выделяемого словосочетания. Ниже мы приведем все примеры из трех словарей и там, где это возможно, к каждому примеру приведем аналогичный контекст без наречия. Примеры 1–7 заимствованы из словаря Macmillan:

1. *The car **broke down** just outside Winchester // The car **broke** just outside Calais; The car **broke** and the engine needs fixing*

2. *The amount doesn't seem so bad when you **break it down** into monthly payments // They can choose to pay the full amount upfront, or **break it** into monthly payments*

3. *The substance is easily **broken down** by bacteria // Organic matter – plant litter or animal tissue **broken** by bacteria*

4. *At one point, the talks **broke down** completely // Stocks tumbled in major markets on Monday after the Greek talks **broke***

5. *People **broke down** and wept when they heard the news // Jonas **broke** and wept for every person he'd ever loved*

6. *Firefighters had to **break down** the door to get into the flat // SCDF officers had to **break** the door to get into the flat; they had to **break** the door and gain access*

7. *The aim of the agreement is to **break down** barriers to trade // the intention is ultimately to **break** barriers to trade and enable foreign firms to permeate domestic markets*

В словаре Longman встречаются как контексты, аналогичные приведенным выше (*the police broke the door down – 6; the car broke down – 1; peace talks have broken down – 4; Peter broke down and wept – 5; chemicals in the body break down our food – 3; the figures must be broken down into several lists – 2*), так и контексты, которые как бы не вписываются в структуру значений, предлагаемую словарем Macmillan:

8. *The police tried to **break down** the prisoner's opposition // they are meant to **break** the prisoner's resistance by destroying his sense of reality*

9. *You will **break down** if you work too hard // because, at some point you will **break** if you don't take a break*

Как видим, «дополнительные» контексты демонстрируют ту же закономерность: каждому из примеров с фразовым глаголом соответствует аналогичный контекст с глаголом *break* без наречия. Четыре варианта значения фразового глагола, представленные в словаре The American Heritage не дают принципиально новых контекстов, что позволяет нам сделать вывод о том, что контексты, которые составители словарей используют для иллюстрации особых значений фразового глагола *break down*, полностью вписываются в контекстуальную сферу функционирования глагола *break*. Более того, если мы обратимся к дефинициям вариантов этого глагола в словаре Macmillan, например, то мы с легкостью сможем установить варианты значения *break*, соответствующие его роли в тех примерах, которые рассматриваемые нами словари предлагают нам считать особыми вариантами фразового глагола *break down*. Чтобы это доказать, приведем дефиниции из словарной статьи глагола *break* и укажем соответствующие номера примеров фразового глагола, приведенных выше:

a. *Separate into pieces – 2,3*

b. *Stop working correctly – 1*

c. *Destroy someone's confidence, determination or happiness – 5,8*

d. To lose your determination or confidence, especially when someone is deliberately trying to make this happen – 9

e. To end your connection with someone – 4

f. Make something separate into two or more pieces, for example by hitting it – 6

g. To stop a bad situation from continuing – 7

Проведенный анализ позволяет сделать парадоксальный вывод: присутствие наречия никак не влияет на семантическую и синтаксическую автономность глагола во всех рассмотренных словосочетаниях. Следовательно, вряд ли имеет смысл рассматривать сочетание глагола *break* с наречием *down* как особый фразовый глагол, представляющий собой фразеологизированное образование. Приведенные выше примеры убедительно свидетельствуют как раз об обратном: наречие является семантически и синтаксически автономной единицей контекста и выступает в качестве обстоятельства. Сравнивая контексты, отобранные лексикографами как иллюстрации употребления фразового глагола *break down*, мы видим, что глагол *break* во всех типах контекста обозначает энергичное воздействие на элемент ситуации, результатом которого становится утрата изначальной способности данного элемента ситуации к функционированию в качестве целостной единицы. Появление в таких контекстах наречия *down* обеспечивает реализацию присущего данной основе комплекса характеристик, связанных с обозначением высшей степени утраты способности активно функционировать в рамках ситуации (*feel down; my computer is down; down with flu; etc.*). Соответственно, во всех рассмотренных контекстах целесообразно рассматривать наречие как обстоятельство степени, уточняющее характер действия, обозначаемого глаголом. Действие характеризуется как более значимое и интенсивное по сравнению с контекстами, в которых глагол используется без наречия.

Так, для первого значения глагола *break* с дефиницией: “*to make something separate into two or more pieces, for example by hitting it or dropping it*” словарь Macmillan предлагает следующий пример: “*People were throwing stones and several windows were broken*”. Достаточно сравнить данный контекст с контекстами типа

10. Several windows were broken down to fight the fire and the restaurant was closed and roped off Sunday night.

11. *A shattering of glass filled the air as a zombie broke down the window at the front of the room.*

Чтобы удостовериться в том, что, во-первых, появление наречия *down* не приводит к идиоматическому переосмыслению сочетания глагола с наречием, и, во-вторых, наречие позволяет передать более значимый и интенсивный характер воздействия, обозначаемого глаголом, в рамках контекста. Здесь также стоит указать и на неточность самой дефиниции для подобных контекстов в том виде, в каком ее формулируют авторы словаря Macmillan. Словарь предлагает считать основой значения процесс расщепления объекта (*to make something separate into two or more pieces*), в то время как основные характеристики действия упоминаются лишь частично и как бы факультативно (*for example by hitting it or dropping it*). Наблюдения над контекстами показывают, что для *break* в основе значения лежит именно выражение возможности с помощью мощного воздействия спровоцировать утрату объектом его изначальной функциональной природы. То есть, *break the window* значимо не потому, что появилось несколько частей из целого, а потому что этим объектом больше нельзя пользоваться в соответствии с его природой. К этому же варианту значения следует отнести и такие словосочетания как, например, *break the lock* или *break the car*. Вряд ли для таких контекстов как “*they accidentally broke the lock of his vehicle*” или “*security officials broke down the lock*” самым важным компонентом значения глагола является расчленение замка на несколько частей, а не то, что замком больше нельзя пользоваться.

Предложенный нами анализ позволяет усомниться в целесообразности рассмотрения глагольных сочетаний с факультативным наречием в качестве фразовых глаголов. Положение об особом идиоматическом статусе таких словосочетаний затемняет их синтаксическую природу и искажает роль этих слов в формировании контекста. Мы также видим, что для более четкого описания принципов использования наречий, которые обычно относят к компонентам фразовых глаголов, следует более тщательно рассмотреть вопрос о соответствии словарной трактовки глагольной полисемии и структуры значения самих этих наречий их роли в контекстах.

Наблюдения над фразовым глаголом *put away* позволят нам еще более наглядно продемонстрировать отсутствие идиоматич-

ности сочетания глагола с наречием и выявить важное свойство наречий-элементов фразовых глаголов, поскольку во многих словосочетаниях наречие является обязательным элементом синтаксической структуры. Фразовый глагол *put away* выделяется во всех трех упомянутых нами словарях. Наш анализ ограничен рамками статьи, поэтому мы приведем лишь иллюстративные примеры из словаря Macmillan.

12. *He put the notebook away and stood up*

13. *They put away vast quantities of cake between them*

14. *He ought to be put away for a very long time*

15. *Try and put away a little each month*

16. *The fourth goal was put away by Woodhead*

Наша задача состоит в том, чтобы проверить, в какой степени обязательность наречия при глаголе в данных контекстах связана с особой фразеологизированностью значения этого словосочетания. В примере 12 словарная дефиниция “*to put something in the place where you usually keep it when you are not using it*” как бы указывает на переосмысленность словосочетания *put away* за счет невыводимости значения *in the place where you usually keep it ...* из значения наречия. Отметим при этом, что в дефиниции используется глагол *put* как элемент значения сочетания *put away*, что само по себе можно рассматривать как парадокс. Парадоксальность выделения данного фразового глагола еще более возрастает, как только мы обнаружим, что в этом же словаре восьмой вариант значения наречия *away* определяется как “*in a safe place, or in the place where something is usually kept*”. Если словарь фиксирует такое значение у наречия с иллюстративным примером “*Put your toys away before you go to bed*”, то мы вполне можем поставить вопрос об обоснованности выделения фразового глагола со значением, соответствующим примеру 12. Соответственно, в данном случае мы имеем дело с глаголом и обстоятельством, выраженным наречием. Но не только данное наблюдение представляется нам существенным. Дело в том, что автономный характер наречия и глагола в данных примерах позволяет нам уточнить важное свойство наречия, а именно его способность включать в свое значение содержание предложной группы, выступающей как более конкретное обстоятельство в данных контекстах.

Проиллюстрируем наш вывод следующим рядом примеров:

17. *He put the notebook into his bag and stood up*

18. *I put the notebook away into the pocket of my new hoodie because I was embarrassed.*

19. *He put the notebook away and stood up.*

Очевидно, что значение глагола во всех этих контекстах одно и то же. Мы видим также, что наречие факультативно в том случае, если за ним следует предложная фраза. Наблюдения над этими тремя контекстами позволяют нам заключить, что значение наречия, прежде всего, выражает удаленность от центра действия и, как следствие этого, выключенность из развития речевой ситуации. Частотность сочетаний *put away + prepositional phrase* указывает на то, что в подобных контекстах естественно уточнение обстоятельства места, а использование только глагола и наречия предполагает, что конкретное место, в котором объект занимает положение, выключающее его из развития речевой ситуации, известно из более широкого контекста.

Та же самая закономерность проявляется и в случае с примерами 14 и 15. Для примера 14 словарь Macmillan предлагает дефиницию “*to put someone in a prison or a mental hospital*”. Судя по всему, авторы словаря считают, что значение *in a prison or a mental hospital* является элементом фразового глагола и невыводимо из его компонентов. Рассмотрим три контекста:

20. *Anyone calling for killing “infidels” or spreading hateful message should be put into prison for a very long time.*

21. *Obama himself should be put away into prison for pulling off the greatest fraud in this country.*

22. *I think he should be put away for a very long time for what he did to those two girls.*

Пример 22 показывает, что даже в ближайшем контексте есть указание на подразумеваемое обстоятельство места (*into prison*), выраженное предложной группой. Ни глагол, ни наречие при этом не меняют своих значений по сравнению с примером 21; наречие становится более значимым и его выразительный потенциал усиливается.

Для примера 15 словарь Macmillan предлагает дефиницию “*to save an amount of money*”. Контексты использования глагола *put* в ситуации, связанной с откладыванием денег, демонстрируют точно такую же закономерность:

23. *They were even beginning to put a little in the bank each month, as Lorin's business was prospering.*

24. *If you would do as I tell you and put a little away in the bank each month, we could go away for three or four weeks.*

25. *Put a little away each month – and put it into your budget. Most banks allow you to set up automatic transfers from checking to savings.*

Примеры 13 (*to eat or drink a lot of something* – дефиниция) и 16 (*to score a goal by kicking or hitting the ball into the net* – дефиниция) представляют контексты, для которых можно обнаружить соответствующие контексты без наречия *away*, но с обстоятельством предложной группой. Для этих двух типов ситуации (выражение удивления от способности человека легко проглотить много еды или как следует выпить, а также выражение спортивным комментатором своего восхищения легкостью, с которой был забит мяч) нет вариантов с одновременным использованием и наречия, и предложной группы, что характерно для всех других примеров из словаря. Мы считаем, что в этих двух контекстах роль *away* как слова, позволяющего выразить эмоциональное отношение говорящего к совершенному действию является самым значимым компонентом смысла таких словосочетаний. При этом обе ситуации не требуют дополнительного уточнения направленности действия с помощью предложной фразы, если вместо нее за глаголом следует наречие. Вот характерные примеры:

26. *How the hell can a guy put all that food into his stomach and not burst!?*

27. *Watching players put all that food away can inspire awe in hotel workers*

28. *Defenseman Kyle Cumiskey, just returning from injury, put his first goal of the season in the net at 8:49 of the opening frame.*

29. *Mitch Prpitch put his first goal away at 5:44 and 5:22.*

Отсутствие в данном случае «промежуточного» контекста, в котором и наречие, и предложная группа употреблялись бы одновременно по нашему мнению и в данных случаях не свидетельствует о переосмыслении значения глагола и наречия в данных контекстах. Скорее, мы имеем дело с типами ситуаций, для которых значительно важнее передача значимости произведенного действия, а не указание на обстоятельство места, которое в обоих случаях очевидно подразумевается.

Предложенные наблюдения позволяют сделать вывод о том, что новый подход к сочетаниям глаголов и наречий, традиционно рассматриваемым как особые фразовые глаголы, открывает возможности для более четкого описания полисемии английского глагола и существенного уточнения природы значения наречий, образующих второй компонент так называемых фразовых глаголов.

Список литературы

A New University English Grammar/ О.В. Емельянова, А.В. Зеленщиков и др. М., 2008.

Ammer С. The American Heritage Dictionary of Idioms. Boston, NY. 2003.

Longman Dictionary of Phrasal Verbs. М., 1986.

Macmillan [сайт]. URL: <http://macmillandictionary.com/> (дата обращения: 12.01. 2017)

Tolochin Igor Vladimirovich (St. Petersburg, Russia)

ONE INTRIGUING FEATURE OF ENGLISH PHRASAL VERBS

The article points out the significance of the optional role of the adverb as the second element of the so-called phrasal verbs in determining the morphological nature of English phrasal verbs and their meaning. The analysis reveals the semantic and syntactic autonomy of the adverb in such phrases.

Keywords: phrasal verb, adverb, optionality, definition, idiomaticity.

И.П. Шишкина, Е.А. Смолоногина (Санкт-Петербург, Россия)

НЕМЕЦКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы лексикографирования немецких личных имен специальными и общими словарями, а также отражение процесса апеллятивизации личных имен в современных толковых словарях. Приводятся примеры окказионализмов, возникших на основе личных имен.

Ключевые слова: имя личное, апеллятив, словарь ономастики, толковый словарь, лексикографическое толкование.

Изучение личных имен (Vornamen, Nachnamen/Familiennamen) как составляющей ономастики культурного пространства немецкоязычных стран является активно развивающимся направлением антропологически ориентированной германистики. В круг исследуемых проблем входит роль личных имен в актуализации картины мира носителей языка, динамика употребления того или иного имени в социуме, культурно-историческая и социально-культурная значимость имен, изменения формы имени, развитие его вариантов и др. Значительное место занимают в последние десятилетия наблюдения над наиболее часто встречающимися именами, мужскими и женскими (Modenamen), рекомендации родителям, как назвать ребенка, и предостережение от таких имен как *Alaska, Montana, Harmonie, Ingwer, Wilderich* и под. [Ков, 2002, с. 119-121; Seibicke, 1996, с. 59–72] (ср. русские имена *Авангард, Пятилетка* и др.).

Инвентарь личных имен зафиксирован (с большей или меньшей полнотой) в ряде **специальных словарей**, как например: Seibicke W. *Historisches deutsches Vornamenbuch*; Drosdowski G. *Lexikon der Vornamen*; Weitershaus F.W. *Das neue große Vornamenbuch* и др. Так словарь Г. Дроздовского (*Lexikon der Vornamen*) содержит около трех тысяч мужских и женских имен.

О задачах и параметрах лексикографирования автор пишет следующее: «Das „Lexikon der Vornamen“ behandelt in der Einleitung die

standesamtlichen Vorschriften und die Rechtschreibung. Es führt in die Namensgeschichte ein, erörtert Formenbestand und Bedeutung unserer Vornamen und die Motive für die Namenwahl und stellt den Anteil verschiedener Namensgruppen am Gesamtbestand der Vornamen dar».

В соответствии с поставленными задачами структурированы по единому принципу словарные статьи: они содержат сведения о происхождении имени, называют язык-источник, толкуют значение имени (...was es bedeutet). Последнее касается, в силу знаковой специфики имен собственных, лишь этимологического значения имени.

В статье приводятся также возможные варианты имени, наличие соответствий в других языках.

Значительную часть статьи занимает энциклопедическая, культурно-историческая, информация, сведения о знаменитых личностях, носивших данное имя. Например:

Martha, (älter auch): *Marthe: aus der Bibel übernommener weibl. Vorn. hebräischen Ursprungs, eigentlich „Herrin“. Nach der Bibel war Martha die Schwester des Lazarus und der Maria von Bethanien. Sie ist die Patronin der Hausfrauen; Namenstag: 29. Juli – Der Vorname gewann in Deutschland erst seit dem 16. Jh. (nach der Reformation) weitere Verbreitung und wurde erst im 19. Jh. volkstümlich. Zu der Beliebtheit des Vornamens im 19. Jh. Trug wahrscheinlich Friedrich von Flotows Oper „Martha“ bei. – Die heute nicht mehr gebräuchliche Nebenform Marthe verwenden Goethe (Marthe Schwerdtlein im „Faust“) und Kleist (Marthe Rull im „Zerbrochenen Krug“). Bekannte Namensträgerinnen: Martha Eggerth, deutsche Filmschauspielerin und Sängerin (20. Jh.); Martha Mödl, deutsche Sopranistin (20. Jh.).*

Как мы видим, основное место в статье занимает историко-культурная и историко-лингвистическая информация. Сегодня имя не пользуется популярностью, оно не входит ни в один список актуальных имен последних десятилетий. Очевидно, можно говорить о процессе его архаизации, хотя, как известно, возможен и «ренессанс» имени, о чем свидетельствует ряд примеров: *Lukas, Karoline, Sieglinde*.

Значительный интерес представляет словарь Эльке Герр «Das große Vornamenbuch», вышедший в 2011 году (12-ое издание). О задачах издания говорится: «Dieses Buch will Sie, lieber Leser, informieren – über die Entwicklung, die unser Schatz von Vornamen im Laufe der Jahrhunderte genommen hat, über Modetrends und Tendenzen in der Wahl der

Vornamen, über berühmte Namensträger und Namenstage, und will Ihnen, liebe Eltern, helfen bei der Lösung der manchmal etwas schwierigen Frage „Wie soll unser Kind denn nun heißen?“» [Gerr, 2011, p.7].

Сформулированные автором задачи свидетельствуют о многоаспектном подходе к описанию словарных единиц, а также о прикладном характере словаря.

При формировании словника учтены процессы глобализации в сфере личных имен. Автором выделены ареалы, из которых «черпаются» современные немецкие личные имена (Kulturkreise): 1. Biblisch-hebräischer Kulturkreis, 2. Antiker Kulturkreis, 3. Romanischer Kulturkreis, 4. Anglo-amerikanischer Kulturkreis, 5. Deutscher Kulturkreis, 6. Nordischer Kulturkreis, 7. Osteuropäischer Kulturkreis, 8. Außereuropäische Sprachen.

Раздельно рассматриваются мужские и женские имена.

Основное место в словнике занимают исконно немецкие имена и имена англо-американского происхождения. Однако старые немецкие имена, не пользующиеся популярностью, в словник не включаются. Регулярно отмечается «устаревание», утрата популярности имени и, наоборот, его активное включение в употребление лингвокультурным сообществом. Ср.:

Hermann (altdt.), zum Ahd. *Heri* = *Heer* + *Mann*. Im MA beliebt als Fürstename (u.a. H. v. Salza, Gründer des dt. Ordensstaates im 13. Jh.), auch Name mehrerer Heiliger. Im 19. Jh. Durch falsche Gleichsetzung mit Arminius (Name des berühmten Cheruskerfürsten) neu belebt. Heute zurückgegangen. Namensträger: dt. Dichter u. Schriftsteller H. Sudermann (Romane im 19. Jh. Vielgelesen); H. Löns (1866 bis 1914, Heideschriftsteller); H. Hesse (1877-1962; „Das Glasperlenspiel“); NS-Politiker H. Göring (1893-1946). Lit.: in Goethes Erzählung „H. und Dorothea“. Franz.: Armand (im westdt. Sprachraum in dieser Form verbreitet), ital.: Armando, engl.: Herman.

Количество славянских имен (Osteuropäischer Kulturkreis) в словнике ограничено. Словарные статьи не содержат того объема культурно-исторической информации, как в других разделах: *Bogdan* (slaw.), Gottesgeschenk (entspricht „Theodor“). *Zunehmend beliebt bei uns*. *Ivan, Iwan* (russ.), Johannes. *Bei uns selten*. Namensträger: I. Rebroff, dt. Sänger mit russ. Pseudonym (u.a. „Anatevka“). В обеих статьях важным является указание на частоту употребления.

Вопрос о том, должны ли, могут ли личные имена включаться в общие словари современного немецкого языка, и если да,

то в каком объеме и по каким критериям, по-разному решается лексикографами.

В словник словаря «Duden. Rechtschreibung» включены личные имена, в основном немецкого происхождения, актуальные для носителей языка. Их количество (по сравнению со специальными словарями личных имен) ограничено, по каким критериям имя включалось в словарь, остается неизвестным. Нельзя утверждать, что все приведенные имена содержат сложности для правописания (указать на которые является основной задачей словаря): *Adolf, Adalbert, Albrecht* и др.

В словарной статье зафиксирована орфографическая форма имени и указано: *Adolf (m. Vorname), Adele (w. Vorname)*. В словник на букву «А» включено четырнадцать мужских имен и двадцать три женских имени.

Обоснованным представляется включение в словник тех личных имен, которые существуют в нескольких орфографических и грамматических вариантах (*Anna/Anne, Maria/Marie, Liese/Lise, Liesel/Lieschen*), а также сложных имен (*Lieselotte, Anneliese, Annemarie, Karl-Heinz, auch Karlheinz*), где важно указать на слитное или раздельное написание составляющих имени.

Словарное толкование расширяется, если имя в различных словосочетаниях приобретает новое (или дополнительное) значение: *August (m. Vorname): der dumme August (Clown). Hans (m. Vorname): Hans im Glück; Hans Taps; vgl. Hansdampf, Hansnarr, Hanswurst.*

Если имя личное используется в функции имени нарицательного, оно фиксируется как два омографа (*gleich geschriebene Stichwörter*), занимает две словарные статьи, и толкуется его значение как имени нарицательного: ¹*Heini (m. Vorname). ²Heini, der, -s (ugs. Für: einfältiger Mensch).* ¹*Michel (m. Vorname). ²Michel, der, -s (Spottname für den Deutschen); deutscher Michel.* *Karla (w. Vorname). ¹Karline, die, -n (veraltetes Schimpfwort für dumme weibliche Person).*

В словарь не вошли «экзотические» имена – неологизмы, имена англо-американского и восточноевропейского (славянского) происхождения составляют единицы (*Jonatan, Jenny, Bogislaw*), хотя их правописание как раз может вызывать затруднения у немецкоязычного пользователя.

Однако объем словаря, как известно, ограничивает возможности лексикографа.

Личные имена как знаки с идентифицирующей функцией, единичным референтом, не обладающие собственной семантической структурой, не являются объектом лексикографирования в общих толковых словарях. Но в языке как в динамической развивающейся системе протекает процесс взаимодействия между именами собственными личными и нарицательными. Если исторически личные имена образовывались от имен нарицательных, то для современного немецкого языка характерен обратный процесс: развитие имен нарицательных на базе имен собственных, апеллативизация личных имен. Результаты процесса апеллативизации фиксируются современными толковыми словарями. Ср.: «Dagegen werden Personennamen, Warenzeichen und Kunstwörter nur aufgenommen, wenn sie als Appellativa (Gattungsbezeichnungen) oder wortartig gebraucht werden» [DUW, Vorwort, p.7].

Следуя этому принципу, автора словаря «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» включают в словник словарные статьи со следующими заголовочными словами: *August, Benjamin, Fritz, -fritze, Hans, Heinrich, Heini, -heini, Jakob, Kasper, Liese, Matz, Meier, Michel, Otto, Peter, Suse, Trine*.

За леммой в каждой словарной статье идет справка, от какого личного имени получило свое развитие апеллативное значение. Если имя как лемма представляет собой сокращенный или модифицированный вариант, то приводится полный исходный вариант личного имени. Все имена (за исключением *Benjamin*) являются традиционными, распространенными в немецкоязычном лингвокультурном сообществе онимами. Очевидны гендерные предпочтения: лишь три имени являются женскими. Девяносто процентов апеллативов, образованных от личных имен, имеют в словаре пометы: разговорно-обиходное (*ugs.*), негативно оценочное (*abwertend*), шутовское (*scherz.*), сниженное (*salopp*), региональное (*landsch.*):

Michel, der, -s [eigtl. = Kurzf. Des m. Vorn. Michael] (abwertend): 1. Einfältig naiver Mensch: der deutsche M. (der weltfremde, unpolitische, etwas schlafmützige Deutsche). 2. Bez. Für Deutscher.

Trine, die, -, -n [Kurzf. D. weibl. Vorn. Katharina] 1. (ugs. Abwertend) meist als träge, ungeschickt, unansehnlich o.ä. angesehene weibliche Person: sie ist eine dumme, liederliche, faule T. 2. (salopp, abwertend) Tunte.

Важной составляющей словарных статей является информация о контекстных условиях реализации нарицательного значе-

ния и о развитии семантической структуры апеллятивов, при котором возможна нейтрализация семы антропонимичности и актуализация значения предметности:

Peter (ugs., in Verbindung mit abwertendem Adj.): Mensch, Person: ein dummer P.

Otto, der, -s, -s [nach dem m. Vorn. Otto, der wegen seines früher häufigen Vorkommens oft ugs. Im Sinne des Dings gebraucht wurde]: 1. (salopp) etw., was durch besondere Größe, durch seine Aufgefallenheit o.ä. Staunen, Aufsehen erregt. 2. O. Normalverbraucher (der durchschnittliche Mensch, Bürger).

Нейтрализация идентифицирующей функции личного имени и развитие обобщенного значения антропонимичности стимулирует образование детерминативных композитов с базисным компонентом-онимом: *Briefmarkenaugust, Reklameaugust, Faselhans, Prahlhans, Klotzmichel, Quatschmichel, Faselliese, Heulliese, Tränensuse, Drecksuse, Bauertrine, Heultrine* и др. В современном немецком словообразовании наблюдается тенденция к серийности создания композитов с базисным компонентом-онимом определенной семантической и оценочной направленности. Они называют: 1) профессиональную, реже социальную принадлежность обозначаемого денотата; 2) его личностные свойства, черты характера.

Характеризующая денотаты оценочность преимущественно негативная (*abwertend*), иногда ироническая. Она определяется семантикой и оценочными семами детерминативного компонента (*Faselliese, Heulliese, Heulsuse, Faselhans, Prahlhans, Kleckerhans, Heulmichel, Dreckmichel*), но также и традиционно закрепившейся за личным именем в функции апеллятива оценочностью (*Michel, Suse, Trine*).

Серийность образования, нейтрализация идентифицирующей функции и развитие обобщающего значения антропонимичности (*Mann, Frau, Mensch*) в составе композитов допускает трактовку базисного компонента как полусуффикса наряду с другими полусуффиксами немецкого языка, что фиксируется лексикографическими изданиями.

Вопрос о том, какие апеллятивизированные онимы в составе композитов могут рассматриваться как полусуффиксы, по-разному решается лексикографами. Так «Словарь словообразовательных элементов немецкого языка» (под ред. М.Д. Степановой) называет следующие полусуффиксы: *-fritze, -hans, -liese, -meier, -mi-*

chel, *-suse*, *-trine*. Словарь «Duden Deutsches Universalwörterbuch» интерпретирует как полусуффиксы только *-fritze* и *-heini*:

-fritze, *der*; *-n*, *-n* (*ugs. Abwertend*): *kennzeichnet in Bildungen mit Substantiven – seltener mit Verben (Verbalstämmen) – eine männliche Person, die sehr allgemein durch etw. charakterisiert ist: Fernseh-, Immobilien-, Werbefritze.*

-heini, *der*; *-s*, *-s* (*ugs. Abwertend*) *kennzeichnet in Bildungen mit Substantiven – selten mit Verben (Verbalstämmen) – eine männliche Person, die sehr allgemein durch etw. charakterisiert ist: Pomaden-, Reklame-, Versicherungsheini.*

Как можно видеть, обе словарные статьи полностью идентичны. Атрибуция леммы в них отсутствует, но форма представления свидетельствует о том, что лемма в каждой статье рассматривается не как цельная лексическая единица, а лишь как ее составляющая. Примеры, приведенные в статьях, показывают, что под словом «Bildungen» подразумеваются композиты с названными базисными компонентами (или это образования с полусуффиксами). Нельзя согласиться с указанием, что лицо (Person) характеризуется очень обще: композиты, зафиксированные словарем, показывают, что это либо обозначение профессии, либо личных свойств денотата. Ср.:

Flimmerfritze

Bankfritze

Postfritze

Pressefritze

Baufritze

Meckerfritze

Klatschfritze

Nörgelfritze

Pimpelfritze

Finanzheini

Presseheini

Verwaltungsheini

Funkheini

Prahlheini

Bummelheini

Quatschheini

Schwindelheini

Во всех обозначениях реализуется общая помета *abwertend*.

Небезынтересно отметить, что в одной словарной статье с *-heini* приведено сначала исходное имя: **Heini** [*eigentl. Kosef. Heini des m. Vorn. Heinrich*] (*ugs. Schimpfwort*): *dummer, einfältiger Mensch (...) –heini.*

Исходное имя *Fritz* в словаре «DUW» отсутствует, толкуется лишь *-fritze* как словообразовательный элемент. Однако словарь «Duden Das große Wörterbuch der deutschen Sprache» фиксирует имя *Fritz* как нарицательное: **Fritz** [*nach dem Vorn. Fritz*]: *1. Der, -en, -en (meist abwertend) von Ausländern (bes. Engländern) verwendete Bez. Für Deut-*

scher (...) -*fritze, der, -n, -n: salopp abwertend gebrauchtes Grundwort von Zus. Mit der Bed. „Person, Mensch“*. Как известно, имя *Fritz* (Фриц) широко использовалось также в русском языке во время Второй мировой войны для обозначения немцев (с той же коннотацией). Возможно, его отсутствие в «DUW» объясняется утратой актуальности нарицательного значения имени в современном мире.

В состав словника толкового словаря включены глагольные дериваты, производные от имен собственных. В отличие от рассмотренных имен существительных, глаголы, во-первых, образованы от имен конкретных личностей, во-вторых, они образованы от фамилий, а не от личных имен (*Nachnamen, Familiennamen vs. Namen*). Основную группу имен-источников глагольных дериватов составляют фамилии ученых, исторических личностей, изобретателей или первооткрывателей в какой-либо специальной области [Bruderer, 1993, p. 115–118]. Например:

pasteurisieren [*nach dem franz. Chemiker L. Pasteur (1822–1895)*]

röntgen [*nach dem Entdecker der Röntgenstrahlen, dem dt. Physiker W. Röntgen (1845–1923)*]

boycottieren [*nach dem in Irland geächteten brit. Hauptmann u. Gutsverwalter Ch.C. Boycott (1832–1897)*]

Также см. *Bakelisieren, dieseln, galvanisieren, guillotiniieren, lynchen* и др.

Сюда же относятся глаголы с производящей основой-мифонимом, например: *hypnotisieren* [*Hypnos, griechischer Gott des Schlafes*]; *vulkanisieren* [*Vulkanus, römischer Gott des Feuers*].

Все перечисленные глаголы являются сегодня интернационализмами и относятся к лексикону специального, научного и политического дискурса.

В немецкоязычном ареале функционируют также глаголы: *beckmessern* (*abw.*) [*Sixtur Beckmesser, Nürnberger Meistersinger*]: *kleinlich kritisieren*; *einwecken* [*nach J. Weck, der das Verfahren in Deutschland einführt*]: *einmachen*.

В словарную статью, посвященную каждому из глаголов, входит краткая энциклопедическая справка о личности носителя имени-источника деривата, указывается сфера употребления, если она ограничена, толкуется значение глагола. В тех случаях, когда персональное имя приобрело в немецком языке статус имени нарицательного, ему отводится отдельная словарная ста-

тъя (*Boycott [nach... Ch.C. Boycott]; Diesel [nach... R. Diesel]*), в которой толкуется значение апеллятива. Она предшествует статье, посвященной глаголу.

Словарь фиксирует активное участие апеллятивизованных персональных имен в немецком словообразовании. В рамках одной или нескольких словарных статей описываются не только глаголы, но и дериваты (прилагательные и существительные), детерминативные композиты с определительным компонентом – глагольной или именной основой, например: **röntgen**: *das Röntgen, röntgenographisch, Röntgenapparat, Röntgenbild, Röntgenogramm ...* Отмечается развитие новых значений у глаголов, образование префиксальных дериватов: **röntgen** (ugs.): *scharf beobachten: Röntgenauge – scharfer Blick; dieseln – verdieseln; nickeln – vernickeln.*

Образование глаголов от персональных имен соотносится со временем жизни и деятельности ученых и политиков, в основном это 18–19 века. Процесс их узуализации и лексикализации завершен.

В последние десятилетия по данной исторически сложившейся модели в немецком социуме (и в немецком языке) появляются глаголы, основу которых образуют имена конкретных личностей. Данные глаголы реализуются, главным образом, в политическом дискурсе и называют в качестве источника имена политических и общественных деятелей. Приведем несколько примеров: *schrüdern* (*G. Schröder, 1998–2005 – канцлер ФРГ*), *genschern* (*H.-D. Genscher, 1974–1992 – министр иностранных дел ФРГ*), *kinkeln* (*K. Kinkel, 1992–1998 – министр иностранных дел ФРГ*), *fischern* (*J. Fischer, 1998–2005 – министр иностранных дел ФРГ*), *wulffen* (*Chr. Wulff, 2010–2012 – президент ФРГ*), *stoibern* (*E.R.R. Stoiber, 1993–2007 – премьер-министр земли Бавария*).

Эти глаголы рассматриваются как окказионализмы, которые вряд ли войдут в словари, как *röntgen, dieseln* и др. [Ludwig, 2001, p. 401]. Они возникают в определенной коммуникативной (общественно-политической) ситуации и служат для обозначения личностных качеств и характеристики политической стратегии, поведения известного политического деятеля. Сфера функционирования данных глаголов – пресса, некоторые из них вошли в список «слов года» последнего десятилетия: *wulffen, guttenbergen*. Приведем несколько микроконтекстов их использования из корпуса «COSMAS II»:

Wissen ist doch Macht. Ach, egal, nichts wissen macht eigentlich auch nichts. Hauptsache man kann „Guttenbergen“ (abschreiben). (BRZ12/JAN.00104 Braunschweiger Zeitung, 02.01.2012)

Mit einem neuen Wort machte mich jetzt ein Vereinsvorsitzender vertraut. „Ich will ja nicht wulffen, aber könnten Sie in dem Artikel den Termin erwähnen?“ Schickes Verb, sollte in den Duden: „wulffen“ = bei der Presse intervenieren, um die Berichterstattung zu beeinflussen. (RHZ12/JAN.30644 Rhein-Zeitung, 28.01.2012, p. 21) [COSMAS II]

На окказиональный статус глаголов указывает их заключение в кавычки, необходимость объяснить их значение читателю, что происходит не всегда. Тогда адресат должен извлекать информацию о значении глагола из контекста, соотнося ее со своими фоновыми знаниями о носителе имени. Ср.:

*Die Erfahrung mit Blair lehrt, dass ein politischer Führer mit Selbstvertrauen und Glück sich ohne große Nebenwirkungen durch die erste Amtszeit **schrodern** kann – sofern die Bruchstellen weniger sichtbar sind und das Taumeln nicht ganz so stark ist wie bei seinem weniger sicheren deutschen Gegenstück. (U99/AUG.64497 Süddeutsche Zeitung, 17.08.1999, S. 4)*

*In dieser Unübersichtlichkeit erst mal die Menschenrechte zu relativieren oder die westlichen Werte nur noch zu flüstern, das ist alles andere als Realismus, es ist Pfeifen im Walde, es ist die Flucht in eine Zeit, als **Genschern** noch geholfen hat. (Z13/DEZ.00365 Die Zeit (Online-Ausgabe), 26.12.2013) [COSMAS II]*

Однако нельзя сказать, что все глаголы данного ряда остаются за пределами лексикографирования. И здесь наблюдается процесс узуализации окказионализмов, их акцентуализации, что фиксируется словарями. Так «Duden Rechtschreibung» (2013) включает в словник:

***Hartz IV**: ein Arbeitsmarktprogramm, vierte Stufe (...)*

***hartzten**: von Hartz VI leben.*

Словарная статья лишь фиксирует наличие глагола в языке, но не дает его толкования. Электронный словарь «Duden» посвящает глаголу *hartzten* более развернутую словарную статью: *von Hartz IV leben (Jargon)*

Beispiele: bald müssen wir alle hartzten; <in übertragener Bedeutung>: gestern Abend war ich nur am Hartzten (konnte mich zu keiner Arbeit, Tätigkeit überwinden) [Duden online].

На других электронных ресурсах находим более полное толкование: «Herkunft: nach Peter Hartz, dem Leiter der nach ihm benannten

politischen Beraterkommission; vierte Phase des von der Kommission im Jahr 2002 empfohlenen Gesetzgebungsvorhabens (des so genannten Hartz-Konzepts)». «Das Verb hartzen[1] bezeichnet umgangssprachlich das Bestreiten des Lebensunterhalts durch Arbeitslosengeld II. Der Begriff bezieht sich auf das Hartz-Konzept. 2009 wurde „hartzen“ zum Jugendwort des Jahres gewählt». [Википедия]

Приведенные примеры показывают, что глагол расширяет сферу употребления за счет развития у него периферийного фигурального значения.

Наиболее известным и резонансным в данном ряду является глагол *gaucken* в силу общественной значимости процесса, который он обозначает. Иоахим Гаук (Joachim Gauck), священник и правозащитник из Ростока, получил от правительства ФРГ поручение изучить документы Министерства государственной безопасности ГДР (Stasi) и дать гражданам ознакомиться со своими «делами». Глагол *gaucken* очень быстро стал обозначать не только деятельность И. Гаука, но получил значение «auf Stasimitarbeit überprüfen».

Глагол зафиксирован в нескольких словарях неологизмов немецкого языка. Словарь «Neologismenwörterbuch der 90er Jahre» включает в словарную статью информацию о базисном имени (Gauck), типе словообразования (Ableitung (Konversion)), толкует значение глагола, называет типичные контексты употребления, приводит текстовые примеры:

Bedeutungsangabe: *jemanden in der (zuerst von Joachim Gauck geleiteten) Bundesbehörde für die Unterlagen des Staatssicherheitsdienstes der DDR auf seine Mitarbeit beim Staatssicherheitsdienst der DDR überprüfen, besonders in Bezug auf eine Einstellung, Tätigkeit im öffentlichen Dienst nach der Wiedervereinigung.*

Typische Verwendungen

alle Mitarbeiter gaucken

alle Mitarbeiter gaucken lassen

die Abgeordneten werden gegauckt

Belegblock

Bezirksverordnete werden gegauckt [Überschrift] Einer Überprüfung auf Stasi-Tätigkeit müssen sich erneut alle Köpenicker Bezirksparlamentarier unterziehen. (Berliner Zeitung, 04.03.2000)

Об акцептуализации глагола свидетельствует образование префиксальных производных *durchgaucken*, *rausgaucken*, *zwangsgaucken* и др.

«Лексикографическую судьбу» глаголов, производных от персональных имен известных политиков современной Германии, трудно предсказать. Показателями для лексикографирования будут длительность использования слова в языке, связанная с общественной значимостью денотата, развитие семантической структуры глагола, его участие в словообразовании: *abweigeln* – от имени бывшего министра финансов Тео Вайгеля (Тео Waigel), в значении «abzocken»; *anschrödern, entschrödern, verschrödern* и др.

В заключение анализа немецких личных имен как объекта лексикографического описания можно сказать, что личные имена не только дают возможность «заглянуть» в языковую картину мира народа, но и являются источником образования на их основе имен нарицательных, как правило, стилистически маркированных обозначений, позволяющих понять ценностную ориентацию носителей языка.

Список литературы

Bruderer H. Von Personennamen abgeleitete Verben / / Germanistische Linguistik. 1993. S. 115–118, 541–555.

Koß G. Namenforschung. Eine Einführung in die Onomastik. Tübingen: Niemeyer, 2002.

Ludwig K.-D. Was (noch) nicht im Wörterbuch steht. Oder: Was ist Bimbes? / / Sprache im Alltag. Beiträge zu neuen Perspektiven in der Linguistik. Berlin-New-York: Walter de Gruyter, 2001. S. 390–408.

Duden. Die deutsche Rechtschreibung. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996, 2013.

(DUW) Duden. Deutsches Universalwörterbuch A-Z. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989.

Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1999.

Drosdowski G. Lexikon der Vornamen. Mannheim u.a.: Duden-Taschenbücher, 1974.

Gerr E. Das große Vornamenbuch. 12. Auflage. Humboldt, 2011.

Seibicke W. Historisches deutsches Vornamenbuch in 5 Bänden, 1996–2007, Bd. 1.

Duden online [сайт]. <http://www.duden.de/rechtschreibung/hartzen> (дата обращения 14.02.2017).

Herbert D., Kinne M., Steffens D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90ger Jahre im Deutschen: [Электронный ресурс]. <https://www.owid.de/artikel/298363> (дата обращения: 10.02.2017).

Корпус немецкого языка «COSMAS II» [сайт]. <http://www.ids-mannheim.de/cosmas2/> (дата обращения: 07.02.2017).

Поисковый запрос на глагол «hartzen» в Википедии [Электронный ресурс]. <https://de.wikipedia.org/wiki/Hartzen> (дата обращения: 12.02.2017).

*Shishkina Inna Pavlovna, Smolonogina Elena Anatolevna
(Saint Petersburg, Russia)*

GERMAN PERSONAL NAMES AS AN OBJECT OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION

The article dwells on the problem of lexicographization of German personal names by both specialized and general dictionaries as well as on the reflexion of personal names appellativization in modern monolingual dictionaries. The article also provides examples of occasionalisms based on personal names.

Keywords: personal name, appellative, onomastics dictionary, monolingual dictionary, dictionary entry.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕКСТА

УДК 81.0

Н.Г. Абросимова (Санкт-Петербург, Россия)

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕЧЕВОГО СУБЪЕКТА В ТЕКСТАХ РЕАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье освещаются особенности формально-смысловой структуры эгоцентрических текстов реальной коммуникации, т.е. текстов написанных от 1-го лица персонализированного речевого субъекта. На основании анализа автобиографий выделяются основные языковые средства текстовой актуализации эгоцентрической точки зрения речевого субъекта.

Ключевые слова: антропоцентризм, эгоцентризм, эгоцентрическая точка зрения, эгоцентрические слова, речевой субъект, композиционно-речевая нормированность, автобиография.

Со второй половины XX века лингвистика претерпевает значительные изменения: от всестороннего изучения языка, абстрагированного от его использования, она все больше обращается при научном описании языковых явлений к человеку, использующему язык в собственных когнитивных и коммуникативно-прагматических интересах в качестве активного субъекта речевой деятельности [Кубрякова, 1994, с. 5; Щирова, Гончарова, 2007, с. 28–50].

Особый вид антропоцентризма – эгоцентризм – обычно определяется в толковых словарях как «воззрение, ставящее в центр всего мироздания индивидуальное «я» человека; крайняя форма индивидуализма и эгоизма» [Крысин, 2012, с. 389]. Следует отметить, что для понимания сущности эгоцентризма с лингвистической точки зрения значимой является первая часть приведенного определения, потому что далеко не все речевые высказывания с субъектом «Я» являются проявлением «крайней формы индивидуализма и эгоизма».

Понятия «антропоцентризм» и «эгоцентризм» находятся в логическом отношении «общее-частное». Антропоцентризм подраз-

умеает **субъектность** любого высказывания средствами языка, т.е. его принадлежность некому субъекту речи, а эгоцентризм, сверх того, подчеркивает **субъективность** речи, иначе говоря, эксплицитное «самовыражение» в структуре (текстового) высказывания его автора – как субъекта с маркированной индивидуальной точкой зрения по отношению к информации, содержащейся в тексте. Таким образом, в структуре речевого субъекта происходит расслоение на **изображающий субъект** (активный речевой субъект формулирования) и **изображаемый субъект** (принадлежащий к объектам изображения) [Гончарова, 2005, с. 179–180]. В связи с этим в эгоцентрическом текстовом высказывании объектом рецептивной деятельности читателя становятся не только описываемые в нем факты и явления, но и сам речевой субъект, который изображает себя всем текстом.

Сигналами речевой актуализации эгоцентрической точки зрения речевого субъекта являются так называемые **эгоцентрические слова**, сигнализирующие о том, что автор воспринимает и изображает в своей речи определенную пространственно-временную реальность в координатах «Я» – «здесь» – «сейчас» [Степанов, 2010, с. 225]. В широком смысле это «слова и выражения, которые ориентированы на «Эго», на говорящего субъекта» [там же, с. 216]. Эгоцентрические единицы могут принадлежать как уровню языка, так и уровню речи. Так, в системе языка существует целый ряд слов, в семантике которых содержится указание на «Эго». К ним, в первую очередь, относится местоимение 1-го лица «Я», а также проецируемые на него дейктические слова и местоимения. В речи номинации 1-го лица сочетаются с лексико-грамматическими формами (перформативными и модальными глаголами, глаголами ментальной деятельности и др.), а также синтаксическими конструкциями, за счет чего в контексте возникают модификации эгоцентрического смысла. Изначально не принадлежащие к эгоцентрическим элементам, многие слова и выражения в определенном контексте могут стать индикаторами субъективной позиции автора высказывания.

В сфере интересующей нас реальной коммуникации появление эгоцентрических текстов (личное письмо, автобиография, объявление о поиске работы и т.п.) связано, прежде всего, с решением индивидуальных проблем некого «Я». В то же время человек,

создающий эгоцентрические тексты, выступает здесь и как носитель некой социально-прагматической роли, который хочет быть понятым в определенном социуме и избежать коммуникативного конфликта, мешающего решению его проблем. В основе формулирования каждого конкретного вида эгоцентрических текстов реальной коммуникации лежит **прототип**, или **стандарт**, который отличает их от текстов с иными смысловыми и коммуникативно-прагматическими установками. Например, каждый человек представляет себе, что он должен сформулировать текст автобиографии иначе по сравнению с текстом личного письма своему другу. Поэтому повседневные эгоцентрические тексты сочетают, с одной стороны, **субъективный и индивидуальный характер**, а с другой – определенную степень **композиционно-речевой нормированности**, которая накладывает некоторые ограничения на выражение личной точки зрения речевого субъекта.

Одним из широко распространенных и интересных с лингвистической точки зрения эгоцентрических текстов, обслуживающих социально-практическую деятельность человека, является автобиография. Этому типу текста присуще наиболее явное со стороны автора осознание себя одновременно субъектом и объектом речевого изображения, что обусловлено лежащей в основе автобиографии интенциональностью: сообщить в координатах «Я» – «здесь» – «сейчас» о субъективных и объективных обстоятельствах, важных для темы текста и реализации прагматических интересов автора. Это, в свою очередь, обеспечивает актуализацию в текстовой структуре лингвостилистических средств с эгоцентрической семантикой и их выдвижение на передний план в качестве «прагматических фокусов» текста.

В то же время к формулированию автобиографии предъявляется ряд стандартных требований, так как она является официальным личным документом, на основании которого принимается решение о приеме на место работы, учебы и т.п. Потенциальный читатель (работодатель, член приемной комиссии и т.д.) должен получить достоверную информацию о том, обладает ли кандидат необходимыми для определенной социальной ситуации характеристиками, опытом, квалификациями и т.п. Так, к обязательным композиционно-архитектоническим компонентам текста немецкой автобиографии обычно относятся: 1) личные данные (полное

имя, дата и место рождения, семейное положение, фото) 2) хронологическое или тематическое сообщение о месте и времени учебы, прохождении практики, работы и т.п.; 3) дата, место и подпись.

В немецкой традиции автобиографии может быть оформлена в виде таблицы (*tabellarischer Lebenslauf*) или в виде текста (*ausformulierter Lebenslauf*) [Duden Professioneles Bewerben – leicht gemacht, 2007, с. 110–112]. Так, автор автобиографии, оформленной в форме таблицы, сосредотачивается на перечислении временных и локальных показателей (дата и место рождения, образования, прохождения практики, работы и т.д.). Кажется, что автор беспристрастно, «сухо» сообщает факты из своей жизни, а его эгоцентрическая точка зрения в тексте отсутствует. Эгоцентризм здесь, однако, проявляется в самом отборе фактов, существенных, на взгляд речевого субъекта, для его развития и решения актуальной задачи, и способе их (хронологической или тематической) компоновки.

Например, кандидат на место консультанта по продажам сообщает в своей автобиографии об экономическом образовании и наличии опыта работы в качестве консультанта в других сферах: *10/93 bis 09/96 – Studium der Betriebswirtschaft, Universität Trierseit; 01/02 – Versicherungsberater, All-Secure-Versicherung, Berlin* [цит. по Duden, с. 128–129]. Информация носит сугубо профессиональный характер, и, вероятно, считается автором необходимой и достаточной, для того чтобы получить желаемое место работы. Об общественной деятельности автора сообщается в сугубо эгоцентрических интересах. Так, указание на членство в спортивном клубе и проведение практических занятий (*Leitung des Tutoriums „Computerunterstützte Datenauswertung; Mitgliedschaft im Radsportclub Kaiserslautern; Leitung einer Jugendmannschaft* [цит. по Duden ..., с. 129]) может свидетельствовать, с точки зрения кандидата, о его лидерских и управленческих качествах, а также умении работать в команде. Семантической оценки обладают при этом слова, выбираемые для описания степени владения иностранными языками и компьютерными программами: *Sprachen: Russisch – fließend in Wort und Schrift; Polnisch – gute Kenntnisse; Englisch – ausgebaute Grundkenntnisse; EDV-Kenntnisse, Microsoft Office – alle gängigen Anwendungen* [там же, с. 129].

Нетабелярные (подробные) автобиографии являются связными синтактико-прагматическими конструкциями, цельность

которых определяется, прежде всего, единообразием форм выражения субъекта «Я» (*ich, mein*). Местоимение «*ich*» является структурным и прагматическим ядром обоих анализируемых текстов и идентифицируется лицом конкретного, называющего свое полное имя референта.

Например, в начальных абзацах автобиографии школьника, желающего обучаться на механика, авторская субъективность как будто затуманена: речевой субъект пытается, на первый взгляд, объективно сообщать основные факты из своей жизни, не зависящие от него: *Am 19. August 1990 wurde ich in Eschwege geboren. Mein Vater ist Industriekaufmann, meine Mutter Hausfrau. Ich habe eine Zwillingsschwester und einen älteren Bruder. Mein erstes Grundschuljahr, 1997, verbrachte ich noch in Eschwege* [цит. по Duden, с. 122]. Однако далее речевой субъект все более сосредотачивается на эгоцентрических интересах. Он пишет о своих предпочтениях, любви к кропотливой работе и ремонту техники, а так же о навыках, которые могут быть полезными при обучении и дальнейшей работе по профессии: *Meine Lieblingsfächer sind Physik, Chemie, Technisches Werken. Außerdem beschäftige ich mich gern im Hobbykeller meiner Eltern mit Tüfteleien und Reparaturen von Gangschaltungen, Radios, Weckern und anderen Geräten. Mit Microsoft-Office kenne ich mich schon ganz gut aus* [там же, с. 122]. При этом автором используются слова и словосочетания с семантикой оценки (см. выше), усиливающее его эгоцентрическую позицию.

В следующем примере текстовой автобиографии человек, претендующий на место волонтера, демонстрирует свою креативность и уже в первом абзаце, сообщая о дате и месте рождения, использует метафору и подчеркивает свою принадлежность к определенной социальной группе: *Am 8. August 1988 erblickte ich als jüngster Spross einer Gastarbeiterfamilie in Köln das Licht der Welt* [цит. По Duden, с. 123]. Далее, с помощью сравнительного оборота автор акцентирует внимание предполагаемого читателя на информации об уровне его владения немецким языком, что является в данном контексте необходимым и важным уточнением: *Im Kindergarten (91–93) lernte ich Deutsch, das ich seitdem genauso wie das Türkische als Muttersprache betrachte* [там же]. Высказывания с причинно-следственной семантикой, лексика из сферы эмоционального переживания и слова с положительной оценочностью, а также

модальные слова используются речевым субъектом для объяснения причин, по которым он не завершил свое образование: *Weil ich schon immer gern fotografiert habe, ... Von den Ausbildungsinhalten bin ich allerdings enttäuscht. ... Daher habe ich mich im März 2006 entschlossen, die Lehre abzubrechen* [там же, с. 123]. Употребление таких языковых средств эксплицирует авторскую эмоционально-экспрессивную оценку описываемых в тексте событий.

Проинтерпретированный языковой материал позволяет сделать вывод о том, что текст (бытовой) автобиографии может быть отнесен к эгоцентрическим речевым высказываниям, так как его целеполагание состоит, во-первых, в удовлетворении определенных социальных потребностей автора и, во-вторых, в стремлении – исходя из этого – дать наиболее полную информацию о себе. В то же время этот тип текста отличают определенная степень стандартности формулирования, логическая точность и краткость синтаксического построения, целесообразность языкового формулирования по отношению к коммуникативной ситуации, рациональная экспрессивность. Последняя предполагает наличие в структуре текста необходимых, с точки зрения автора, средств логической аргументации, уточняющих деталей (дат и мест, причинно-следственных отношений), языковых средств с субъективно-модальной и оценочной прагматикой, лексики из сферы эмоционального переживания. Принципы отбора и комбинации подобных лингвостилистических средств также свидетельствуют об экспликации в текстовой структуре эгоцентрической точки зрения автора.

Список литературы

Гончарова Е.А. Лингвостилистический аспект интерпретации эгоцентрических текстовых структур // *Stylistyka*. XIV. Opole: Uniwersytet Opolski, 2005. С. 175–189.

Крысин Л.П. Современный словарь иностранных слов. М., 2012.

Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // *Изв. АН. Серия литературы и языка*. М., 1994. Т.53, № 2. С. 3–15.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука XX века [Сб.ст.]. М., 1995. С. 144-238.

Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 2010.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб., 2007.

Duden, Professionelles Bewerben – leicht gemacht, Engst, Judith. Mannheim: Dudenverl., 2007, 2. Aufl. 346 S.

Abrosimova Natalia Gennadievna (Saint Petersburg, Russia)

THE SPECIFIC CHARACTER OF EGOCENTRIC SPEECH SUBJECT'S PERSPECTIVE IN TEXTS OF REAL COMMUNICATION

The article highlights the features of the formal semantic structure of egocentric texts (written in the 1st person) in real everyday communication. Basic language means of the text actualization of the egocentric speech subject's viewpoint are identified. Conclusions are based on the analysis of autobiographies.

Keywords: *anthropocentrism, egocentrism, egocentric point of view, prototypical text, autobiography.*

В.С. Виноградова (Санкт-Петербург, Россия)

РОССИЯ В НЕМЕЦКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ

В статье рассматривается комплекс семантико-прагматических методов и принципов (языковых стратегий), применяемых для анализа языка политики с целью выявления их оптимального воздействия на адресата. Реализация языковых стратегий даётся на примере интерпретации одного политического текста реципиентами с различным когнитивным сознанием.

Ключевые слова: политический дискурс, семантико-прагматические стратегии, когнитивное сознание, пропозиция, импликация.

Политика как борьба за власть и влияние порождает такое специфическое явление как язык политики, являющийся в настоящее время разновидностью прикладной лингвистики. Язык политики охватывает все виды общественной и частной коммуникации по политическим вопросам. Его изучение подразумевает исследование применения лексико-семантических, синтаксических и стилистических элементов языка во взаимодействии с логическими, психологическими и культурологическими способами воздействия, как на отдельную личность, так и на широкие народные массы с единственной целью – оптимального влияния на адресата.

Язык политики соотносится с получившим в конце 20 века понятием дискурса как сложного коммуникативно-когнитивного явления, реализующегося в обмене мнениями по конкретной тематике в широких кругах общественности [Klein, 1995, p. 16]. Примером такого явления считается политический дискурс в его разновидностях (парламентские дебаты, предвыборные дискуссии, всенародное обсуждение тех или иных вопросов внешней и внутренней политики). Любой политический дискурс непосредственно отражается средствами массовой информации, поэтому семантико-прагматический анализ конкретной проблемы политического дискурса может с достаточной эффективностью про-

водиться на материале средств массовой информации, которые в соответствии с их публицистической, апеллятивной функцией всегда политически маркированы, даже если претендуют на нейтральность. В медийном дискурсе посредством комплексного, когнитивно-эмоционального воздействия на адресата происходит его «привязывание» к определённым политическим взглядам, побуждение к определённому политическому поведению.

В условиях политической ангажированности средств массовой информации для того чтобы провести действительно научное исследование политического дискурса, нужно рассматривать все пропозиции анализируемого текста (фрагмента), опираясь на методику солидного критического лингвистического анализа, включающего экстра-лингвистические факторы. Идеи и принципы такого анализа активно разрабатываются в отечественной и зарубежной лингвистике, начиная с последней трети прошлого века. Обычно исследования строятся на основании когнитивной теории употребления языка. Именно когнитивная модель обработки дискурса даёт возможность прагматической интерпретации текста, которая выполняется с учётом особенностей прагматического контекста, придающего каждому высказыванию определённую иллокутивную силу или статус определённого речевого акта [Ван Дейк, 1989, с. 14]. Каждый речевой акт предполагает говорящего (пишущего), слушающего (читающего) и те сведения, которые являются целью устного или письменного общения.

Высказывание (пропозиция), отображающее его референциальное содержание, то есть соотношение элементов дискурса с действительностью и их структурную организацию, становится речевым актом только на основе прагматической интерпретации, включающей помимо референциальности также и множество других аспектов, необходимых для реального понимания сказанного: знания о мире, понимание психологических и эмоциональных особенностей ситуации, её модальной оценки, владение нормами этических и социальных отношений участников дискурса и т. д. Речевой акт связывает все эти аспекты друг с другом, так что возникает адекватное понимание высказывания, необходимое для успешного осуществления коммуникации.

При восприятии любого дискурса, в том числе политического, происходит не простое накапливание речевых актов в сознании

реципиента – эти речевые акты обрастают всё новыми когнитивно-смысловыми деталями и оттенками, возникающими, когда последовательно используются различные коммуникативные стратегии, что даёт «приращение» смысла, позволяет сформировать весь когнитивный комплекс, направленный на понимание реципиентом дискурса в нужном для говорящего (пишущего) аспекте, приобщение его к своей системе ценностей. Интерпретация речевых актов всегда предполагает имплицитное присутствие автора речи с его субъективной позицией, основанной на социальном опыте, культурологических представлениях, эмоциональном настрое и модальной оценке высказывания.

Понимание дискурса в заданном автором направлении, с ожидаемым перлокутивным эффектом возможно, однако, только в том случае, если у субъекта воздействия (автора) и адресата (реципиента) одинаковое или сходное когнитивное сознание – определённая система знаний о мире и о человеке, существующая в сознании личности, «когнитивное соответствие». Теории когнитивного соответствия, так называемые «балансные теории», разрабатывались представителями одной из областей социальной психологии, психологии убеждающей речи, основывающейся, в частности, на теории внутренней сбалансированности познавательных способностей человека, которая рассматривается как всеобщая потребность личности в информации, поддерживающей её мнения, привычки, установки и избегающей сообщений противоположного характера [Фестингер, 1957; Хайдер, 1958; Осгуд, 1960; Ньюком, 1961; Танненбаум, 1967]. Однако мнения, привычки и установки свидетельствуют лишь об успешно проведённой ранее пропаганде, как в явной (преимущественно для мало образованной части реципиентов), так и в скрытой – для образованных реципиентов, предпочитающих читать между строк и самостоятельно делать выводы. Обе категории реципиентов могут даже не всегда понимать, что находятся под коммуникативным воздействием выполняющих чей-то политический заказ проводников данной политической идеи, и чем больше средств массовой информации и других источников формирования общественного мнения при этом задействовано, тем скорее эта политическая идея овладевает массовым когнитивным сознанием.

Но сколько бы успешным ни было коммуникативное воздействие политического дискурса, всегда находятся реципиенты, чьё денотативное, коммуникативное, экспрессивное и эстетическое восприятие, обусловленное их прошлым опытом, социальной средой, политико-идеологической ориентацией и т.п., позволяют им, понимая интенциональный смысл высказывания, сформировать иное его понимание, исходя из собственного когнитивного сознания. Двоякая интерпретация как всего политического дискурса, так и отдельных языковых знаков, очевидно, будет существовать, пока существуют различные идеологические толкования одних и тех же понятий и процессов.

Новые идеологические направления и политические изменения отображаются прежде всего в языке, где они обязательно концептуализируются, категоризируются, систематизируются и закрепляются. Возникающая таким образом терминология относится, естественно, только к определённому «коммуникативному сообществу» [Fleischer, 1992, p. 15] и предполагает когнитивные и коммуникативные условия употребления данных терминов. Используемые в другом коммуникативном сообществе, те же термины приобретают совершенно иной, часто противоположный смысл, что свидетельствует о разных политических и идеологических позициях, преобладающих в этих сообществах. Так, значения словосочетаний: *Rebell, Feldkommandant, tchetchenischer Kämpfer, Feldzug gegen Tschetschenien, Terrorist Chattab und seine Kämpfer, Glaubenskrieger, Gotteskrieger* определялись в немецком политическом дискурсе в 2000–2004 гг. социально-политической позицией и психологическим настроением большинства его участников. Для них все эти значения сопровождалось положительными коннотациями, выражающими симпатии к «чеченским борцам за свободу и за веру», и даже к «борцам террориста Хаттаба». Наоборот, у русского реципиента коннотации были противоположные, объединяющие данные значения в одно общее «преступники» или (в экспрессивном варианте) – «бандиты».

Перманентная полемика является политическим принципом «медийной демократии» [цит. по Burkhardt, 1996, p. 91], в ходе которой и реализуются семантико-прагматические стратегии, направленные на создание положительного или отрицательного представления о той или иной личности, о том или ином событии

или явлении. Опытные журналисты, владеющие стратегиями не только языкового, но и психологического воздействия на общественность, постепенно добиваются появления господствующей в данном обществе в данное время твёрдой веры в истинность сформированного таким образом когнитивного сознания.

Когнитивное восприятие дискурса начинается с пропозиций – языкового воплощения положения дел, например, предложение (пропозиция) “*Das ist gefährlich*” только сообщает о том, что нечто является опасным, оставляя в стороне эмотивно-прагматические уточнения: предупреждение об опасности и, как следствие, осторожное обращение с опасным предметом или осторожное поведение в опасной ситуации, а также эмоциональное восприятие сообщаемого [Hermanns, 1995, p. 163–164]. Затем первичное когнитивное восприятие расширяется и уточняется всем комплексом семантико-прагматических возможностей дискурса, реализуемых при его интерпретации). Инструментами прагматической интерпретации дискурса являются прагматические импликации – фоновые знания или допущения, гипотезы, посредством которых проясняется подлинный (имплицитно выраженный) смысл высказываний [Grice, 1975; Levinson, 2000].

Импликации (импликатуры) подразделяются на следующие основные виды:

1. Конвенциональные импликатуры – импликации на основе знаний о мире: Leipzig ist eine der größten Städte der DDR. (Es gibt keine DDR mehr.)

2. Конверсационные (контекстуальные) импликатуры – импликации на основе понимания ситуации сообщения (контекста): Ich könnte den ganzen Kuchen aufessen. (Der Kuchen schmeckt sehr gut./Ich habe Hunger.)

3. Пресуппозиции – фоновые предположения, которые выдвигаются по формуле «если ... то». При этом всегда имеется «носитель пресуппозиции – языковая единица, порождающая пресуппозицию: Er sah einen Mann mit zwei Köpfen. Носитель пресуппозиции – *sah*: если он видел этого человека, то, значит, такой человек существует. Пресуппозиция корректируется конвенциональной импликатурой: такого человека нет.

Примером реализации семантико-прагматических стратегий в их интерпретации реципиентами с различным когнитивным

сознанием, то есть, в данном случае, тех, для кого он написан (реципиент I), и тех, о ком он написан (реципиент II) может послужить фрагмент следующего сообщения:

Russlands Einbindung bringt Vorteile. Wichtige Entscheidungen in der NATO werden künftig im Kreise der 20 Partner gefällt.

Es war genau zwei Wochen nach den Anschlägen in New York und Washington, am 25. September, als der russische Präsident Putin sich öffentlich darüber beklagte, sein Land werde in die Entscheidungen des Westens und vor allem der NATO nicht ausreichend einbezogen... Da stand nun ein russischer Präsident in der einst zwischen seinem Land und den westlichen Alliierten aufgeteilten Stadt, verkündete das Ende des Kalten Krieges und verlangte ein "Vertrauensklima", ohne das "kein einheitliches Großeuropa" geschaffen werden könne. [Frankfurter Allgemeine Zeitung, 2002, №3, p.12].

Реципиент I

Заголовок (пропозиция) настраивает на положительное восприятие дискурса: лексико-семантический анализ показывает, что слово *Einbindung* (einbinden, einhüllen – etw. in etw. – : завязывать, окутывать чем-нибудь, то есть должен быть кто-то, кто завязывает, окутывает, и это, естественно, НАТО (конвенциональная импликатура). Так сразу же подан знак, каким образом НАТО будет взаимодействовать с Россией: если Россия будет под плотным контролем (связана, окутана) – пресуппозиция – , а значит, неопасна, и следовательно, НАТО может иметь преимущества (*Vorteile*) – конверсационная импликатура. Второе предложение заголовка на первый взгляд находится в противоречии с первым: как будут приниматься важные решения партнёрами, один из которых находится под контролем, несамостоятелен? Всё становится на своё место, когда включаются конвенциональная и конверсационная имплицатуры: Россия противостоит 19 членам НАТО, у которых одно мнение, а если у них одно мнение, то мнение 20го «партнёра» значения не имеет, и таким образом высказывание приобретает обратный пропозициональному иронический смысл (пресуппозиция).

Es war genau zwei Wochen nach den Anschlägen in New York und Washington, am 25. September – время: 2 недели после террористического удара по Нью Йорку и Вашингтону – было удачно выбрано Путиным, так как, по его мысли, Америка всё ещё находилась в шоке и должна была искать новых союзников для борьбы с

терроризмом. А если он использует даже такое трагическое событие, чтобы вернуть себе право оказывать влияние на мировую политику, то Путин, несомненно, хитёр и коварен, и его следует опасаться.

Der russische Präsident beklagte sich darüber... – жаловался: *sich beklagen* – *sich über j-n, etw. klagend äußern*. Как в немецком, так и в русском языке это слово содержит уничижительный оттенок (несёт отрицательную коннотацию). Оно подразумевает слабого, жалкого человека, а если этот жалкий человек – президент страны, то и страна слабая и жалкая. Этого президента стоит пожалеть, тем более – то, на что он жалуется, частично уже исполнено: Россия участвует в решениях НАТО, хотя и недостаточно (*nicht ausreichend* – носитель пресуппозиции).

Da stand nun ein russischer Präsident... .1-ое место наречия *da* (рема) создаёт напряжённое ожидание узнать, где и когда это происходит и выдаёт эмоциональный характер высказывания, затем следует развёрнутый ответ: в разделённом (насильственно) когда-то (после 2ой мировой войны) городе (Берлине, столице побеждённой Германии – потому и подверглась разделению), между его страной (тогда был Советский Союз, сейчас – Россия), и западными союзниками.

Da stand nun (теперь, когда Германия вновь едина, а не тогда, во время её насильственного разделения) *ein russischer Präsident* (неопределённый артикль подчёркивает: неважно, кто стоял здесь, важно, что это был человек, представлявший Россию – страну-победительницу в её современном – противоположном – качестве. Эти импликации однозначно выдают восторг реципиента I от того, как всё изменилось со времени после 2ой мировой войны: Берлин больше не разделён на две части; единая Германия является членом НАТО, и это результат победы над Россией в холодной войне, завершившейся раньше, чем об этом «торжественно возвестил» (*verkündete*) жалкий российский президент. Характеристика «жалкий», и возвышенно-пафосный глагол *verkünden* сразу превращают в смехотворное последующее требование Путина – установление «климата доверия», без которого не может быть создана «Единая Европа». Кавычки указывают здесь не только на то, что выражения взяты непосредственно из текста В. Путина, но и на то, что их нельзя воспринимать серьёзно:

вряд ли может идти речь о климате доверия между победившими и проигравшими в холодной войне, а «Единая Европа» может быть создана и без России.

Реципиент II

В отличие от реципиента I, реципиент II с самого начала не видит противоречия между первой и второй пропозициями (первой и второй частями заголовка): связанная, несамостоятельная позиция России во взаимоотношениях с НАТО не может привести к равноправному решению важных мировых вопросов, поэтому вторая пропозиция получает здесь иную прагматическую окраску – не иронии, а, скорее, оскорбительной лжи, так как Россия – преемница великой державы, и сознание этого еще живо у русских (конвенциональная импликатура).

Представление о Президенте как о слабом, жалующемся человеке, вызывает только горечь и недоверие, а то, что Россия недостаточно вовлечена в НАТО, воспринимается скорее удовлетворительно – лучше бы вообще не вовлекалась (организация НАТО с её основания воспринимается как враждебное объединение стран против Советского Союза, а затем России).

Da stand nun... Эта пропозиция «обрастает» у реципиента II иными, порождаемыми контекстом, семантико-прагматическими импликациями: президент России выступает в Берлине, столице поверженной Советской Армией в 1945г. Германии и разделённой затем союзниками (исторические факты), провозглашает её окончание как бывший, имеющий на это право, равный противник в холодной войне и требует (по праву) климата доверия, без которого невозможно создание Единой Большой Европы, о чём после прекращения существования Советского Союза мечтали в России. Такой президент уже не представляется слабым, и доверия к радующимся, иронизирующим «победителям» в холодной войне нет.

Так происходит когнитивное коммуникативное восприятие дискурса, начинающееся с отдельных пропозиций, которые посредством ряда семантико-прагматических импликаций, порождаемых фоновыми знаниями, пониманием описываемой ситуации, обобщению исходных данных с помощью пресуппозиций создают достаточно иллокутивных характеристик для превращения этих пропозиций в речевые акты. Обобщение речевых актов

конкретного дискурса, их адекватное синтезирование, являются основой для выявления его интенции (коммуникативного замысла), свидетельствующей о полном понимании дискурса реципиентом, опирающимся на своё когнитивное сознание. В нашем случае интенция 1-го реципиента сводится, очевидно, к тому, что «страшной» России не существует, есть жалкая Россия, претендующая в мировой политике на равное место со странами НАТО, но эти претензии несостоятельны. 2-му же реципиенту ясно, что Запад его и его страну обманывает и унижает. Такое восприятие политического дискурса формирует у представителей стран, противостоявших когда-то друг другу в холодной войне, обоюдную враждебность и недоверие и может иметь негативные последствия для создания атмосферы дружбы и сотрудничества России с Западом.

Список литературы

- Ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986.
- Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung. In: J. Klein und H. Diekmannshenke (Hrsg.): Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin. New York, 1996.
- Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Stanford, Calif., 1957.
- Fleischer W. "DDR-typische Benennungen und ihre Perspektive". In: Die deutsche Sprache nach der Wende. Germanistische Linguistik 110–111. Hildesheim-Zürich-NewYork, 1992. Grice H.P. Logic and Conversation. In: Cole, Peter/Morgan, Jerry L. (Hrsg.): Syntax and Semantics, Vol. 3. Speech Acts. New York – San Francisco – London, 1975.
- Heider F. The psychology of interpersonal relations. New York, 1958.
- Hermanns F. Kognition, Emotion, Intention. Dimensionen lexikalischer Semantik. In: Gisela Harras (Hrsg.) Die Ordnung der Wörter. Kognitive und lexikalische Strukturen. Berlin. New York, 1995.

Klein J. Asyl-Diskurs. Konflikte und Blockaden in Politik, Medien und Alltagswelt. In: R. Reier (Hrsg.): Sprache im Konflikt. Zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen. Berlin. New York, 1995.

Levinson St. C. Pragmatik. Tübingen, 2000.

Newcomb T. M. The acquaintance process. New York, 1961.

Osgood, C. E. Cognitive dynamics in the conduct of human affairs – “Public Opinion Quarterly”, 24. New York, 1960.

Tannenbaum P. H.: 1967: The congruity principle revisited: Studies in the reduction, induction and generalizing of persuasion. In L. Berkowitz (Ed.) Advances in experimental social psychology. New York, 1967.

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1978.

Vinogradova Valentina Sergeevna (Saint Petersburg, Russia)

RUSSIA IN GERMAN POLITICAL DISCOURSE: SEMANTIC AND PRAGMATIC STRATEGIES

The article deals with a complex of semantic and pragmatic methods and principles (language strategies) used for political discourse analysis with the aim of identifying their optimal impact on the recipient. Implementation of semantic and pragmatic strategies is shown on the example of interpreting the same political event by recipients with different cognitive consciousnesses.

Keywords: political discourse, semantic and pragmatic strategies, cognitive consciousness, proposition, implication.

Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург, Россия)

О ЯВЛЕНИИ КРОСС-РЕФЕРЕНЦИИ В ТЕКСТЕ БАЛЛАДЫ

Статья посвящена рассмотрению проблемы номинации персонажей в художественном тексте и изучению особенностей реализации явления кросс – референции в тексте баллады, которые отражают её жанровые свойства.

Ключевые слова: текст, баллада, жанр, фрагментарность, кросс-референция, связность.

Любое произведение искусства целостно в своей эстетической сущности, так как для образного, логико-вербального мышления характерна целостность восприятия и передачи информации. Оно использует аналитическую стратегию, ориентируясь на выявление признаков и отношений, причинно-следственных связей, последовательно перерабатывает информацию, организуя однозначный контекст, необходимый для успешной вербальной коммуникации. Построение текста обусловлено прежде всего закономерностями смысловых связей, логикой развития мысли [Колшанский, 1984, с. 78]. Следовательно, признаки единства текста проявляются прежде всего в области смысла, семантики.

Баллада является малоформатным жанром и существует в двух жанровых модификациях – фольклорной и литературной. Баллада – это специфическая жанровая форма перехода от эпического рода к лирическому. Ведущие свойства данного жанра были сформированы в давние времена самой ситуацией общения исполнителя баллад со слушателями, удержать внимание которых было непростой задачей. Как отмечает Ю.М. Лотман, природа текста определяется его прагматикой [Лотман, 2000, с. 443]. Именно благодаря этому ведущими свойствами данного жанра стали повествовательность, одноконфликтность, выразительность, ограниченное количество действующих лиц, цельность, связность, наличие разного рода повторов, то есть те свойства, которые необходимы для прямого общения исполнителя со слушателями.

Семантические единицы предметности, обозначающие действующих лиц, наиболее частотны в балладах и являются сильнейшим средством связи. Они образуют в текстах определённые цепочки кореферентных и контактных замен, которые отражают стратегию номинации персонажей и характеризуются связностью составляющих их компонентов. Явление кросс – референции является одним из важнейших средств связности текста [Палек, 1978, с. 243–258], так как повторная номинация, то есть обозначение уже упомянутого объекта, является необходимым структурным признаком связного текста и способствует его восприятию как целостного единства. Следовательно, цепочки кореферентных и контактных замен – это непосредственная реализация связности в плане предметности. Они представляют стратегию номинации субъектов и объектов повествования в текстах баллады.

В процессе развёртывания повествования действующие лица получают определённые наименования в соответствии с этапами развития сюжета. Повторное появление слова (или выражения), обозначающего то же самое действующее лицо, является повторением исходного наименования, либо его синонимом, либо новым наименованием объекта [Арутюнова, 1999, с. 5–15]. На выбор номинации обычно оказывает влияние как синтаксическая позиция имени в тексте, так и семантические отношения между встречающимися в тексте номинациями одного и того же объекта.

В зависимости от синтаксической позиции имени выделяются четыре вида номинаций, выполняющих в тексте разные коммуникативные задачи и различающихся между собой по типу референции. *Интродуктивная (экзистенциальная) номинация* содержится в экзистенциальном предложении или его эквиваленте и вводит объект в мир повествования. В данном случае имеет место экзистенциальная референция, то есть отнесённость имени к объекту, известному говорящему, но неизвестному адресату речи. Интродуктивной номинации свойственны имена широкой семантики, указывающие на принадлежность объекта к какому-либо классу, характер которого зависит от того, в какую область бытия вводится объект. Интродуктивная номинация недостаточна эффективна для целей идентификации. Она тесно связана со

зрительным восприятием мира, поэтому часто развёртывается в словесный портрет или описание объекта, то есть по своей сути она описательна. Определения при интродуктивной номинации часто носят субъективно – оценочный характер.

Интродуктивная номинация может непосредственно переходить в *идентифицирующую*, для которой характерно семантическое сужение номинации, выявление индивидуализирующих черт обозначаемого объекта. В этом случае имеет место идентифицирующая референция имени, то есть отнесённость имени к объекту, известному собеседникам. Идентифицирующая номинация повторна и способствует раскрытию индивидуальных черт описываемого объекта. Для идентификации выбор идентифицирующего имени регулируется как прагматическими, так и содержательными факторами. Идентифицируют предмет сообщения, как правило, три категории имён лица: имя собственное, имя реляционное (мать, сестра, начальник) и имя функциональное, обозначающее жизненное «амплуа» (редактор, министр, шофёр). С той же целью применяются обозначения, построенные на окказиональном опознавательном признаке, соответствующем какой-то конкретной ситуации (пришедший, потерпевший, раненый, больной). Выбор обозначения лица в большой степени зависит от той функции, которая ему отведена в сообщении [Арутюнова, 1999, с. 63]. Определения, входящие в состав идентифицирующей номинации, могут обозначать самые разнообразные признаки предмета, могут нести эмоциональную нагрузку и способствовать эмоциональной напряжённости повествования.

Предикатная номинация направлена на выявление существенных черт объекта. Имя в данном случае употреблено нереферентно, так как оно выполняет атрибутивную, квалификативную функцию. Определения, входящие в состав предикатной номинации, обычно модифицируют её смысл. *Номинация – обращение* обозначает конкретное действующее лицо – адресат речи. Она референтна и обычно указывает на интерперсональные отношения. Определения, входящие в состав номинации – обращения, как правило, имеют эмоционально-оценочную значимость. Обилие информативно значимых определений референтного имени характерно для повествовательного дискурса, когда автор использует все возможности для введения новых сведений.

Указанные выше виды синтаксической номинации, за исключением интродуктивной, могут быть *повторными*. Выделяются различные виды повторных номинаций. По характеру отношения наименования к объекту он выделяет *идентичную* (во втором случае номинат получает то же обозначение) и *вариативную* (второе обозначение отличается от первого) номинации. Выделяются также *однофокусная* (наименование даётся тем же субъектом) и *разнофокусная* (наименование даётся разными номинаторами) номинации. По взаимному расположению наименований – *сопряжённая* (они следуют непосредственно друг за другом) и *дистантная* (они могут разделяться другими высказываниями) номинации, а также такую оппозицию номинаций как *репризу* (косвенное обозначение следует за прямым) и *антиципацию* (косвенное обозначение предшествует прямому). С точки зрения цели наименования В.Г. Гак разграничивает *нейтральную* и *экспрессивную* номинации [Гак, 1979, с. 124].

Варьирование номинаций одного лица, объекта порождает явление гетерономинативности. Она имеет разные причины и разную целенаправленность, связана с общим смыслом сообщения (значением предиката), обусловлена речевым узусом и находится в зависимости от прагматического фактора. В целом, гетерономинативность соответствует естественному развитию дискурса [Арутюнова, 1999, с. 94–129].

Естественно предположить, что для каждого литературного жанра характерна более или менее определённая стратегия номинаций действующих лиц, способы их варьирования, которые предполагают наиболее полное раскрытие образов персонажей в рамках данной жанровой формы.

Разнообразные номинативные единицы, обозначающие одно и то же действующее лицо, вступают между собой в определённые отношения, так как при повторных номинациях объект подводится под разные понятия. Как правило, это отношения включения (гиперо-гипонимические отношения), тождества (эквонимические отношения) и отношения пересечения [Никитин, 1996, с. 404–450]. Каждое слово обладает определённой семантической структурой, в основе которой лежит интенционал его лексического значения, то есть содержательное ядро лексического значения. Интенциональные признаки, входящие в состав интенционала в качестве сем, мо-

гут предполагать наличие других понятий – признаков, которые по отношению к интенционалу составляют импликациональные (факультативные) значения. Актуализация в художественном тексте интенциональных и импликациональных значений и является базой формирования эквонимических и гиперо-гпонимических отношений, то есть отношений тождества и включения.

Под отношениями тождества понимаются связи между словами, которые выражают понятия, принадлежащие одной предметной области, единому уровню обобщения и имеющие общее понятие ближайшего высшего уровня (гипероним). Фактически, отношения тождества аналогичны эквонимическим отношениям при общем гиперониме (имя родового понятия). Они характерны для синонимических отношений.

Отношения включения (гиперо-гпонимические отношения) отражают связи между словами, которые относятся к одной предметной области, но к разным уровням обобщения: гпонимические отношения – это отношения понятий низшего уровня обобщения к высшему; гиперонимические отношения – это отношения понятий высшего уровня обобщений к низшему. Это, в частности, относится к номинативным единицам, выраженным собственными, нарицательными существительными и их местоименными заменами. Местоименная номинация также является косвенной. Местоименное обозначение является крайним случаем обобщения наименования [Никитин, 1996, с. 404–450], и, следовательно, местоимения являются гиперонимами по отношению к гпонимам – конкретным наименованиям объекта, выраженным нарицательными, а также собственными существительными. Крайним случаем конкретизации наименования является имя собственное. Собственные имена, как правило, лишены значения, и их цель состоит лишь в указании на конкретный объект. Когда необходимо уяснить или напомнить собеседнику, о ком идёт речь, обычно употребляют имя собственное, так как оно наиболее адекватно выполняют роль идентификации объекта. Прагматическое удобство имён собственных заключается в том, что они позволяют говорить о ком-либо, не думая о том, какие именно свойства должны обеспечить идентичность референта, то есть они являются жёсткими десигнаторами объектов [Арутюнова, 1999, с. 63; Searle, 1971, p. 140].

Между номинативными единицами, обозначающими различные по объёму понятия, наблюдаются более тесные смысловые связи, так как более конкретные наименования объекта, практически являются источником смысла для более обобщённых наименований. Следовательно, участки сюжетного пространства, соответствующие номинативным единицам, связанным отношениями включения, характеризуются наиболее тесной смысловой связью в плане предметности, что способствует связности текста в целом.

Отношения пересечения объединяют номинации, в основе которых лежат различные признаки одного и того же предмета (метонимическая номинация, метафорическая номинация и др.). Метафорические и метонимические номинации являются косвенными, то есть в данном случае наблюдается несамостоятельное соотнесение смысла с действительностью. Имя соотносится с объектом действительности через какой-то его признак. Для правильного установления связи между объектом и обозначающим его косвенным наименованием, основанном на номинации его существенного признака, необходима опора на его прямое наименование, при котором смысл имени непосредственно соотносится с действительностью. Следовательно, между прямым и косвенным (метафорическим и метонимическим) наименованиями объекта в тексте устанавливается смысловая связь [Никитин, 1996: 450–454; Азнаурова, 1977: 95].

Описанные типы лексических связей, а также принципы синонимии, которая выражает отношения между словами, различными по своему звучанию, но обозначающими одно и то же понятие, и принципы антонимии, которая выражает отношения между словами, относящимися к одной предметной области, но обозначающими противоположные понятия, способствуют связности художественного текста и восприятию его как целостного единства. Благодаря установлению описанных выше связей, слова приобретают дополнительный смысл, и текст получает дополнительную смысловую ёмкость.

Цепочки кореферентных и контактных замен, которые образуются в тексте с помощью семантических единиц предметности, обозначающих действующих лиц, то есть отражают гетерономинативность текста, характеризуются определённым порядком рас-

положения номинативных единиц (представляют определённую стратегию их номинации), различными способами их выражения, а также различными типами отношений, которые складываются между ними и несомненно влияют на характер связности между номинативными единицами. В процессе исследования было установлено, что наиболее частотными в составе цепочек кореферентных и контактных замен текста баллады, как правило, являются семантические единицы с предметно-субъектным, что свидетельствует об активности персонажей; номинативные единицы, составляющие цепочки, не отличаются большим разнообразием и обычно бывают связаны между собой отношениями тождества, пересечения и включения, что свидетельствует о связности неравномерной по своей интенсивности, а следовательно, о фрагментарности повествования, характерной для данного жанра.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979.
- Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Лотман Ю.М. К проблеме типологии // Семиосфера. Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. Учебное пособие. СПб., 2007.
- Палек Б. Кросс-референция. К вопросу о гиперсинтаксисе // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978.

Vorontsova Tatiana Ivanovna (Saint Petersburg, Russia)

ON CROSS-REFERENCE IN THE TEXT OF BALLAD

The article centers around the problem of nomination of characters in literary texts and focuses on the peculiarities of cross-reference in the text of ballad which reflect its genre characteristics.

Keywords: *text, ballad, genre, cross-reference, coherence, expressiveness, semantic units.*

Ю.П.Вышенская (Санкт-Петербург, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ В РАМКАХ ПРОБЛЕМЫ «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЛОВЕСНОСТИ)

В статье исследуется круг вопросов из области формирования художественного стиля в эпоху формирования европейских национальных языков и литератур. Стилепорожденческие процессы рассматриваются в ракурсе проблемы «свой – чужой», одной из актуальных проблем в области гуманитарных исследований.

Ключевые слова: дискурс, проблема «свой – чужой», стиль, текст.

Круг вопросов в области взаимосвязей текста, стиля и дискурса в современной исторической стилистике решается посредством соответствующих адаптации и корректировки достижений в сфере лингвистики текста и общей теории стиля сообразно специфике этой выделившейся в самостоятельное направление дисциплины.

Особые ракурсы получает и проблема «свой – чужой», которая находится в центре внимания многих современных гуманитарных исследований [Mitcheva, 2005, p. 4]. Наложением диады «свой – чужой» на триаду «стиль – текст – дискурс», предложенную Е. А. Гончаровой, определяется анализ отношений и взаимоотношений как элементов представленных моделей, так и используемых дефиниций.

Специфика исследований в области исторической стилистики состоит в том, что изучение феномена модуса формулирования (стиля) (художественного) текста, связующего звена текста и дискурса, осуществляется на материале текстов, доступных в единственно возможной форме существования – письменной. По определению В. Шмида, текст являет собой «отрезок письменной или устной речи, в котором получает реализацию некая ситуация как относительно законченное содержательное определённого коммуникативного намерения» [цит. по Провоторов, 2003, с. 5].

Ключевая позиция в данном определении отводится феномену ситуации как важному параметру образования (художественного) стиля, образуемой соединением контекста и ко-текста, некоторого континуума значимых для специалистов в определённой сфере художественных и нехудожественных текстов.

Основные правила, излагаемые в этих текстах, регламентируют организующую, упорядочивающую силу стиля [цит. по Ohmann, 1962, р. 3], проявление которой наблюдается в двух моделях организации: селекции и комбинации.

Особенностями средневековых текстов обуславливается необходимость корректировки термина «контекст» путём присоединения к нему обязательного определения «исторический» или его альтернативы «средневековый», отражающих специфические характеристики творческого метода средневекового автора и его истоки. Как отмечает Х. Драгстра, термин «средневековый» предпочтительнее в силу занимаемой им позиции противостояния одновременно вытесняющему средневековое мировоззрение «ренессансному» взгляду и принципу познания и «современному» контексту. Учёт специфики особенностей средневековой творческой среды делает возможным проникновение в своеобразие ситуации формирования стилистических феноменов, исключая интерференцию или подмену собственно средневековых характеристик характеристиками иного плана [Dragstra, 1991, р. 185–186].

Вкладом в развитие этого вопроса можно считать работы Я. Мукаржовского, посвящённые проблемам формообразования, в частности, роли внешнего влияния на эти процессы. В рамках воззрений Я. Мукаржовского процесс формообразования понимается как некий феномен, который находится в состоянии непрекращающегося развития, согласно имеющимся собственным закономерностям, и может быть стимулирован и интенсифицирован внешними процессами. Каждое произведение, таким образом, превращается в некую точку скрещивания нескольких динамических рядов с динамическим рядом формообразования. В результате их взаимного напряжения возникает импульс, способствующий изменению прежнего состояния этого ряда [Мукаржовский, 1996, с. 317].

Для формообразования характерны универсальность, стремление к развитию, предпосылки которого и их реализация за-

ложены в эволюционном процессе. Проявление непрерывности и универсальности развития заключается в вовлечении в процесс эволюционного развития всего художественного произведения в целом, то есть всех его элементов как средства поэтического воздействия с присущим им индивидуальным ходом развития, наряду с общими поэтическими категориями. Частным примером поэтической категории признаётся категория жанра, образуемая неким множеством самостоятельных произведений [Мукаржовский, 1996, с. 317], что созвучно идее академика Д.С. Лихачёва об эволюции и изменчивости во времени литературных жанров.

В рамках отдельно взятой письменности непрерывность развития литературного формообразования выступает идентичным качеством его самобытности и уникальности. Каждый этап процесса такого рода одновременно является частью его содержания и отражением предшествующего этапа, его противоположностью, что оказывает непосредственное влияние на характер нового формообразования. Суть второго нюанса сводится к аккумуляции однажды найденных решений, которые образуют своеобразный арсенал средств запаса, открытый впоследствии для извлечения и использования любого из них для достижения художественной цели вне зависимости от степени её расхождения с оригинальной.

Из этого следует заключение о вероятности прямой пропорциональности длительности пути, проделанного той или иной литературой, объёма обрётённого ею в ходе этого пути запаса средств тонкости и сложности реагирования литературы на «новые импульсы процесса развития» [Мукаржовский, 1996, с. 319].

Работы, выполненные в подобном русле, существуют и в отечественной науке.

Так, по наблюдениям Д. Чебялиса [Чебялис, 1978], языковые единицы, по вхождению в состав более крупного образования, образуют структуру, воплощаемую на временной оси рядом разнообразных моделей. В элементах этого модельного ряда находят отражение изменения, которые появляются в данной структуре в ходе развития. Специфика природы исторического феномена состоит во взаимосвязи исчезновения структуры и утраты ею с течением времени способности передавать необходимую информацию. Исчезновением структуры даётся толчок к зарождению

новой структуры, которая обладает всеми необходимыми соответствиями вновь появившемуся «способу мышления носителей данных языковых структур» и своими индивидуальными закономерностями развития. Трансформационная модель структуры в диахронии образуется изменениями, которые претерпевает та или иная структура на временной оси [Чебялис, 1978, с. 3–4].

Эволюция языка в целом – следствие движения в недрах самой системы языка. Этот вид движения наделяется статус приоритетного и решающего импульса, инициирующего эволюционное развитие. Вектор движения однажды выведенной из равновесия системы направлен на состояние устойчивости [Чебялис, 1978, с. 8].

Развитие формообразования в рамках ракурса «свой – чужой» можно рассмотреть на примере действия регламентирующих правил в эпоху традиционалистского периода литературы, что хронологически соответствует периоду Средневековья. Средневековая художественная система, характеризующаяся яркостью приверженности традиционализму, руководствуется практическими рекомендациями, в основу которых, как отмечает А.Б. Куделин, положена «повторяемость элементов литературной системы» [Куделин, 2006, с. 21].

Высокий уровень канонизации художественной системы, тем не менее, не предполагает синонимичности понятий «автор-традиционалист» и «автор-копиист». Воспроизведение чужого текста, текста-ориентира, текста-образца осуществляется при соблюдении обязательного условия использования автором «возможности их изменения», часто «определённой теоретической мыслью» [там же, с. 21]. Тем определяется такая специфическая черта средневековой литературы, как осознание и декларирование способов вариации традиционных элементов в процессе создания нового произведения.

Проблема «свой – чужой» проявляется в ракурсе оригинальности поэта в условиях средневекового контекста – в авторском восприятии и обращении с традицией, что, согласно традиционалистским поэтологическим представлениям, подразумевает её «развитие, углубление и расширение» в существующих границах. Иными словами, унаследованная традиция претерпевает особого рода усовершенствование «по принуждению самой тра-

диции, под воздействием сложившегося в ней механизма самосовершенствования» [Куделин, 2006, с. 24].

На практике это означает существование насыщенного, но предельного модельного ряда, характеризуемого «наличием некоей более или менее продолжительной стабильности», предоставление автору свободы в варьировании элементов этого ряда, выделение «компенсации статичности динамизмом» моделей в самостоятельное условие их жизнеспособности [Куделин, 2006, с. 30].

В качестве примера в английской литературе можно обратиться к использованию аллитерации, ведущего приёма англо-саксонской поэзии и характерного для жанра английских куртуазных романов, в тексте “The Knight’s Tale”. Применение аллитерации для создания ткани поэтического текста, ярким образцом которого является сцена битвы, – дань старинной отечественной традиции.

В контекстуальной обусловленности возникновения аллитерации находит отражение ситуация внеязыкового характера – эпические поэмы существовали в устной форме, поэтому языковые параметры тесным образом связаны с внеязыковыми. Большое значение придавалось исполнительской манере странствующего певца, музыкальному сопровождению, искусности владения музыкальным инструментом, вокальными способностями, жестам, сопровождавшим выступление.

Использование аллитерации в рассказе о сэре Топасе, пародии на жанр средневекового рыцарского романа, – пример следования другой смеховой традиции, сформировавшейся в противовес ортодоксальному куртуазному канону. Пародия относится к карнавализованным жанрам литературы, возникших в недрах народной смеховой культуры, по канонам которых допускается развенчивание устоявшихся правил, подшучивание над догматами. Тот же прием, поэтому представлен как старомодный, ушедший в прошлое, что в совокупности с другими лингво-стилистическими средствами способствует созданию смеховой атмосферы. Примечательна просьба Хозяина:

Sir, at o word, thou shalt no longer ryme [Chaucer, 1985, p. 174].

Слово *ryme* выступает в данном примере синонимом аллитерации, поскольку в современных Дж. Чосеру риториках этот

лингво-стилистический феномен рассматривался как аналог появившейся на смену рифме, которая в англо-саксонской поэзии не существовала.

Проблема «свой – чужой» в области исследования процессов формирования стиля произведений художественной словесности в эпоху традиционализма раскрывается аспектом отношения автора к существующей традиции, регламентированной и закреплённой по-разному. Специфика творчества автора-традиционалиста в создании стиля своего произведения заключается в предоставляемой ему свободе обращения с текстом-моделью, использования лингво-стилистических средств и приёмов, аккумулированных в процессе развития литературы, в рамках традиции, сформировавшейся в ходе этого развития.

Список литературы

Куделин А.Б. О понятии эстетического канона в средневековой литературе // Языковая норма и эстетический канон. М., 2006. С. 21–37.

Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М., 1996.

Провоторов В.И. Очерки по жанровой стилистике текста (на материале немецкого языка). М., 2003.

Чебялис Д. Грамматическая установка существительного и именное склонение во французском языке IX–XVI веков. Вильнюс, 1978.

Chaucer G. The Canterbury Tales. London, 1995.

Dragstra H. Methods in twentieth-century Chaucer studies: an inquiry into cultural practice, 1915–1980. Rijksuniversiteit Groningen, 1991.

Mitcheva A. Autour de la Table Ronde et au-delà du roman d'Arthur – a propos de l'étiq̄ue chevaleresque, du Graal, de la fiction et des limites génériques de l'écriture en prose dans la Vulgate // L'idée de frontière dans la littératures romanes. Actes de Colloque international. Sofia, 25–27 février 2005. Sofia, 2005. P. 78–85.

Ohmann R. M. Shaw. The Style and the Man. Middletown, Connecticut, 1962.

Vyshenskaya Yulia Pavlovna (Saint Petersburg, Russia)

**THE BELLES-LETTRES STYLE
IN THE CONTEXT OF THE 'OWN – ALIEN' PROBLEM**

The article focuses on the matters concerning some aspects of the belles-lettres style (formulating modus) specific to the period of European national languages and literatures formation. The matter under study is represented in the context of the 'own – alien' problem as one of actual problems in the sphere of humanitarian research.

Keywords: discourse, 'proper – alien' problem, text, style.

Л.В. Евстигнеева (Санкт-Петербург, Россия)

ТИПОЛОГИЯ СИГНАЛОВ АДРЕСОВАННОСТИ В МОДЕРНИСТСКОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В статье уточняются актуальные для современной науки понятия адресата, программы интерпретации и сигналов адресованности. Предлагается краткая классификация сигналов адресованности и делается вывод об их функциональной направленности в психологическом тексте.

Ключевые слова: категория адресованности, адресат, программа интерпретации, сигналы адресованности.

Категория адресованности занимает важное место в иерархии текстовых категорий и подразумевает наличие связи между адресантом (автором) и адресатом (читателем). Под адресатом традиционно понимается «образ аудитории», то есть имплицитный читатель (В. Изер), гипотетический конструкт, который относится к области глубинной семантики текста, которой принадлежат абстрактная коммуникативная ситуация и характеризующая её авторская интенция [Щирова, Гончарова, 2007, с. 143]. Являясь одним из факторов формирования текста, адресат представляет собой объект речевого воздействия и конечное звено коммуникативной цепи. Направленность на адресата играет значимую роль в организации художественного текста. Текст выполняет свою коммуникативную функцию только при условии его адекватного понимания адресатом, который не только представляет собой неотъемлемый компонент текста, но и является тем фактором, который его формирует [Белоглазова, 2001, с. 8].

Адресат имеет возможность интерпретировать представленный ему текст по-своему, используя определенную интерпретативную стратегию (термин С. Фиша). «Свобода выбора» интерпретации, однако, ограничивается «интерпретационной программой», которую автор закладывает в текст, адресуя его «своему» читателю.

Под интерпретационной программой понимается совокупность разноуровневых языковых средств (сигналов адресован-

ности), используемая автором для реализации своей интенции и адресованная читателю. Сигналы адресованности как «точки контакта» автора и читателя могут быть обнаружены в тексте в трех случаях:

1) в случае наличия моделируемой автором рецептивной трудности, в основе которой лежит неполнота или неоднозначность текста;

2) в случае, когда прослеживается «своего рода инструкция», которая направляет восприятие адресата и позволяет ему построить мысленную модель (фрагмента) текста на основании содержащихся в памяти «слепок опыта» (текстовая заданность);

3) в случае, когда рецептивная трудность сопровождается подсказками, указывающими на путь ее преодоления (непосредственное взаимодействие заданности и неопределенности).

Сигналом адресованности может стать практически любой компонент текста, если он деавтоматизирует восприятие читателя и занимает значимую позицию в иерархии текстовых смыслов [Воробьева, 1993, с. 95–96, 104, 344, цит. по Щирова, Гончарова, 2007, с. 69].

Ориентируясь на сигналы адресованности, интерпретатор реконструирует смысл текста, рассчитанный автором на имплицитного читателя.

Под психологическим текстом понимается текст, предметом изображения в котором выступает внутренний мир человека. Психологические тексты XX века представлены в виде модернистских текстов «потока сознания» и текстов «психологического» реализма (В. В. Ивашева). Психологические тексты XX в. объединены иллюзией отсутствия авторской оценки, которая обычно не выражается эксплицитно, а перемещается в подтекст [Щирова, 2003, с. 20]. Иллюзия авторского отсутствия и перемещение мнения автора в подтекст активизирует когнитивную деятельность адресата, который должен самостоятельно реконструировать смысл текста, опираясь на заданную автором программу интерпретации.

Согласно И. А. Щировой, психологические тексты можно условно разделить на интериоризированные, примером которых служат тексты «потока сознания», и экстериоризированные, примером которых служат тексты психологического реализма.

Модернистскую прозу, с доминирующим в ней внутренним монологом, можно условно назвать интериоризированной. Авторы модернистской литературы моделируют процессы реального познания мира, имитируя погружение мира внутрь сознания. Реалистическую психологическую прозу можно условно назвать экстериоризированной, поскольку внутренний мир в ней экстериоризируется через диалог и поступки [Щирова, 2003, с. 5]. Речь, безусловно, идет о доминирующих тенденциях, поскольку любой психологический текст может характеризоваться разной степенью интериоризации.

Представляется, что маркеры адресованности в психологических текстах можно условно разделить на **универсальные и текстотипологические**. (Ср. [Цыкина, 2008] о неспециализированных и специализированных маркерах авторской позиции).

К универсальным маркерам адресованности следует отнести сигналы, выделяемые в тексте с опорой на охарактеризованные И. В. Арнольд принципы выдвижения: сильную позицию текста, эффект обманутого ожидания, конвергенцию стилистических приемов и сцепление [Арнольд, 2002, с. 100]. Названные принципы выдвижения реализуются, в частности, с помощью заглавия, ключевых слов и повторов и обнаруживаются в любом типе художественного текста [Воробьева, 1993, с. 307–308; Цыкина, 2008, с. 10], в том числе психологическом.

К текстотипологическим маркерам адресованности оправданно отнести маркеры, которые характеризуют психологический текст как тип текста и определяются предметом его изображения, т. е. внутренним миром человека, его *emotion* и *ratio* [Щирова, 2000, с. 25–26].

Исходя из предложенного понимания текстотипологических маркеров адресованности, закономерно предположить, что в интериоризированном психологическом тексте такие маркеры функционально направлены на моделирование характеристик реальной (эмпирической) внутренней речи. Поскольку существенными свойствами реальной внутренней речи называются «скольжение по ассоциативному признаку», т.е. образное начало, эллиптичность структуры и повторы, обусловленные индексальной природой внутренней речи [Выготский, 1999, с. 48, 294; Седов,

Горелов, 1997, с. 80, 82; Щирова, 2000, с. 80, 109, Цыкина, 2008, с. 119], к текстотипологическим сигналам адресованности в интериоризированных психологических текстах можно причислить языковые единицы, воспроизводящие в художественной форме все указанные характеристики. Такими единицами являются языковые образы, эллиптические и парцеллированные структуры, разноуровневые повторы.

Функциональной направленностью текстотипологических сигналов адресованности в экстериоризированных психологических текстах, в свою очередь, можно признать «овнешнение» внутреннего мира. Художественные детали «овнешняют» (термин М. Бахтина) «поток сознания» персонажа, формируя особенности обстановки, портретные и речевые характеристики [Щирова, Гончарова, 2007, с. 164; Цыкина, 2008, с. 10].

Решая задачу вычленения и систематизации языковых маркеров адресованности в психологических текстах, оправданно предположить, что некоторые языковые маркеры адресованности могут обладать многофункциональностью, т. е. сочетать в себе функциональную направленность универсальных и текстотипологических сигналов. Примером такого маркера адресованности может служить название романа В. Вулф “*To the Lighthouse*”, которое многократно повторяется в тексте в различных контекстах, например:

“This going **to the Lighthouse** was a passion of his, she saw, and then, as if her husband had not said enough, with his caustic saying that it would not be fine tomorrow...” [Woolf, 2002, с. 14]

Или:

“No going **to the Lighthouse**” [Woolf, 2002, с. 13]; [Woolf, 2002, с. 72].

Или:

There wasn't the slightest possible chance that they could go **to the Lighthouse** tomorrow, Mr Ramsay snapped out irascibly” [Woolf, 2002, с. 28].

Или:

There was this expedition – they were going **to the Lighthouse**, Mr Ramsay, Cam, and James” [Woolf, 2002, с. 122].

Фраза “*To the Lighthouse*” выступает в качестве *универсального* маркера адресованности в «абсолютно сильной» позиции загла-

вия романа, а существительное «lighthouse» в составе этой фразы формирует лейтмотивный образ, репрезентирующий значимый текстовый смысл – *семейное благополучие. Маяк является символом института семьи, счастья и постоянства, а зеленый цвет его огонька – символом возрождения, надежды, молодости и стабильности* [Кобылянская, 2016, с. 85, 87]. Маяк, к которому хотят отправиться дети семейства Рэмзи, вызывает у них исключительно положительные ассоциации, – они воодушевляются обещаниями матери, и разочаровываются словами отца, предполагающего, что поездка не состоится. Желание Миссис Рэмзи отправиться к маяку с семьей и отсутствие такого желания у Мистера Рэмзи порождает между героями внутренний конфликт, связанный с образом маяка.

Вместе с тем, повторяющийся образ маяка является неотъемлемым компонентом моделируемого в тексте и богатого ассоциациями «потока сознания», он входит в речевые сегменты нескольких персонажей – в частности, Миссис и Мистера Рэмзи, а значит, может трактоваться и как *текстотипологический* маркер адресованности.

Заметим, что анализируемый языковой сигнал используется Вулф с целью деавтоматизации читательского внимания, чем подтверждает свой статус сигнала адресованности.

Список литературы

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002.

Белоглазова Е.В. Лингвистические аспекты адресованности англоязычной детской литературы. Автореферат дисс. ... канд. фил. наук. СПб., 2001.

Воробьева О. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (Одноязыч. и межъязыковая коммуникация). Дисс. док. филол. наук. М., 1993.

Выготский М. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М., 1999.

Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М., 1997.

Кобылянская А. И. Символизм в произведении В. Вулф «На маяк» // Символ науки. 2016. № 2–3. С. 84–87.

Цыкина Е. А. Способы выражения авторской позиции в англоязычной психологической прозе XX века. Дисс. ... канд. фил. наук. СПб., 2008.

Щирова И.А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. СПб., 2007.

Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003.

Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб., 2000.

Woolf, Virginia. *To the Lighthouse*. London, 2002.

Evtigneeva Liubov Vladislavovna (St. Petersburg, Russia)

THE TYPES OF SIGNALS OF ADDRESSING IN A MODERNIST PSYCHOLOGICAL TEXT

The article clarifies the terms “addressee”, “the program of interpretation” and “the signals of addressing” which are relevant for modern science. A short classification of signals of addressing is given; the conclusion about the functional aim of their use in a psychological text is made.

Keywords: the category of addressing, addressee, the program of interpretation, the signals of addressing.

М.К. Мовчан (Санкт-Петербург, Россия)

**НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ БИОГРАФИИ
ФРИДРИХА ВТОРОГО «*FRIEDRICH II. VON PREUSSEN:
EINE BIOGRAPHIE*» И. МИТТЕНЦВАЙ)**

В статье анализируются особенности исторического (в частности, биографического) нарратива. Среди стратегий характеристики исторической личности выявляются способы «трансформации» её образа, определяемые точкой зрения повествователя.

Ключевые слова: дискурс, (исторический) нарратив, биография, историческая личность, нарративные стратегии.

Одним из важнейших способов фиксации индивидуального и коллективного человеческого опыта является нарративный модус высказывания. Его можно определить как «специфическую стратегию текстообразующего способа представления мира или фрагмента мира в виде сюжетно-повествовательных высказываний, в основе которых лежит некая история (фабула, интрига), преломленная сквозь призму определенной (определенных) точки (точек) зрения» [Андреева, 2007, с. 65].

По М.М. Бахтину, сущность нарратива заключается в его двойкой событийности: «... перед нами два события – событие, о котором рассказывается в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти... неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте...» [Бахтин, 1975, с. 403–404].

В настоящее время наука переживает «нарративный поворот», характеризующийся повышенным интересом к нарративу в различных дискурсах [Брокмейер, Харре, 2000], в том числе в историческом [Мишалова, 2012, с. 160–161]. Поскольку нарратив обладает двойкой событийностью и организация повествования неразрывна связана с его предметом, возникает проблема надежности исторического нарратива в эпистемическом плане. Любой

историк, рассказывая о событиях, организует их особым способом, с определенной точки зрения (ср. [White, 1992, p. 51–75]), в связи с чем «объективность» такого повествования оказывается под вопросом. Поэтому анализ исторического текста в рамках нарратологии предполагает рассмотрение авторских стратегий отбора и представления исторических событий.

Помимо событий, предметом исторического повествования являются также исторические личности. Их жизнеописаниям посвящено отдельное направление – биографика. Однако споры о принадлежности биографий к историческому дискурсу ведутся, начиная с античности и до наших дней (ср. [Zimmermann, 2009, p. 74–75]). Так, философы И. Г. Гердер [Herder, 1993 p. 565–608], И. Э. Эрдманн [Erdmann, 1834, p. 43] и Э. Ганс [Gans, 1834, p. 224] считали биографику отдельным жанром, наделенным особой дидактической функцией; современный же биограф К. Майер рассматривает биографику исключительно как научно-популярный жанр [цит. По Meier, 1989]. Однако известны и попытки причислить биографику к историческому повествованию. Такой позиции придерживались историк литературы И. Эшенбург и его последователь М. Пиндер [Eschenburg, Pinder, 1836, p. 353], в XX–XXI вв. – Г. Барудио [Barudio, 1982, p. 9], Д. Ризенбергер [Riesenberger, 1977, p. 25] и Г. Шейер [Scheuer, 2001, p. 302-303].

Другая проблема биографики связана с выбором «главного героя». Ответ на вопрос, достойна ли жизнь конкретной личности лечь в основу биографии, может быть связан с понятиями о «величии» или «героизме» (эта идея освещена у Т. Карлейля [Карлейль, 1994]), с достижениями данной личности, ее «влиянием на ход истории» [Ni Dhuill, 2009, p. 123]; [Гринин, 2010].

И. Миттенцвай, автор биографии Фридриха II (*Friedrich II. Von Preußen. Eine Biographie*), впервые вышедшей в ГДР в 1979 г., объясняет свой интерес к выбранной личности противоречивостью деятельности и характера этого правителя. Кроме того, в предисловии к биографии она сообщает, что именно в конце 70-х годов XX века у историков ГДР возник интерес к «связям» между историческим наследием Германии и традициями социалистической нации ГДР. Это замечание можно интерпретировать как косвенное указание на интенцию историка представить истори-

ческого деятеля с позиций своего времени, хотя сама И. Миттенцвай декларирует в качестве своей задачи показать короля Пруссии, правившего «на завершающей стадии своей эпохи», «в рамках его времени, измерять его деятельность мерками тех лет» [Mittenzwei, 1986, p. 7] (Здесь и далее перевод наш. – М. М.).

Личность Фридриха II охарактеризована в биографии И. Миттенцвай различными способами: прежде всего при помощи *ссылок* на работы, письма и воспоминания самого Фридриха, свидетельства и письма современников и на труды других историков (например, М. Хайна: «Friedrich der Große»; К. Хинрихса „Der Kronprinzenprozess“). Использование ссылок направлено на придачу биографии «достоверного» характера.

Однако помимо ссылок И. Миттенцвай использует различные средства, трансформирующие образ Фридриха II. В частности, в создании образа Фридриха II немаловажную роль играет *идеологизация трактовки исторического персонажа*. Так, интерес Фридриха к философии Просвещения, по утверждению И. Миттенцвай, продиктован сменой формаций [Mittenzwei, 1986, p. 53]. На идеологизацию указывает и пунктуационный знак – кавычки: автор неоднократно с иронией называет Фридриха „Aufklärer“ / „aufgeklärt“ (в частности, на с. 181).

Помимо иронии при создании портрета Фридриха И. Миттенцвай использует и другие *выразительные и оценочные средства*. Например, при сравнении Фридриха с отцом-милитаристом автор использует характеристику «*ein Mann von anderem Kaliber*» [Mittenzwei, 1986, p. 14], прибегая к метафоре с «военной» тематикой.

В качестве отдельного приема можно выделить *параллели* с иными историческими личностями и эпохами. Ярким примером может служить неоднократная отсылка к истории Третьего рейха, связанная с милитаризацией Пруссии при Фридрихе и его отце. Вначале эта параллель проведена иносказательно: «*Unter ihm (Friedrich Wilhelm I. – М. М.) nahm das Leben ... jenen militärischen Zchnitt und jene barbarischen Züge an, ... die sich als unheilvolle Tradition in der deutschen Geschichte fortsetzen*» [ibid., p. 12]. Предполагается, что читатель понимает, в чем выражалось последующее продолжение этих «нездоровых традиций». Далее отсылка сформулирована прямо: «*Die Vivat-Rufer in den Straßen Berlins sind noch nicht jenen ...*

Zeitgenossen des 20. Jhs. Gleichzusetzen, die von Massenhysterie ergriffen, ... die Siege eines Hitler feierten» [ibd., p. 80].

Выстраивая исторические параллели, автор не только использует прием «забегания вперед» (*Vorausdeutung*), но и обращается к прошлому См., например, сравнение политики Фридриха II и его отца: «*Er (Friedrich. – М. М.) wollte... Berlin zum deutschen Athen machen* («Афины» – образ, заимствованный у Вольтера) ... *obgleich es schon unter seinem Vater mehr Sparta glich»* [ibd., p. 46]. Эта параллель «дополнена» языковой игрой: образ Спарты (как аллюзия), приписанный уже И. Миттенцвай, даёт многоплановое сопоставление эпох и культур.

Важно отметить *средства номинации* «героя» биографии. Наряду с именем собственным *Friedrich (II.)* в тексте часто используются перифразы: *der (preußische) Kronprinz, der Monarch, der (Preußen)König, der Heerführer, der Herrscher* и др. Интересно, что И. Миттенцвай ни разу не использует перифраз *Friedrich der Große* (традиционная номинация Фридриха II) за исключением названия одной из глав, где этот перифраз подвергается предикации, трансформируясь в вопросительное предложение: «*Friedrich – der Große?*» [ibd., p. 79]. Таким образом, в «величии» избранной личности И. Миттенцвай откровенно сомневается. Однако на вопрос «прошли ли действия Фридриха бесследно для истории?» автор даёт ответ «нет» [ibd., p. 82].

Итак, в биографии, написанной И. Миттенцвай, личность прусского короля Фридриха II характеризуется с разных сторон: отмечается и оценивается его поведение, характер, анализируются его произведения. При характеристике Фридриха автор опирается на свидетельства современников, данные других историков и документы, оставленные самим монархом. Тем не менее, использование частных стратегий (идеологическое имплицирование, оценивание, установление исторических параллелей) нарративной трансформации материала, положенного в основу биографии, создает определенный ракурс видения исторической личности. Как заметил В.И. Тюпа, «установлением референтного ракурса своего высказывания говорящий ограничивает возможную широту мировидения некоторым семантическим горизонтом и предлагает адресату картину мира, активируемую в качестве обобщённого риторического «сверхтопоса» коммуникационного

сотрудничества» [Тюпа, 2010, с. 92]. Так возникает единство «рассказанного события» и «события рассказывания», что составляет сущность любого (в том числе исторического) нарратива.

Список литературы

Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. СПб., 2007. Вып. 46. С. 61–72.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.

Карлейль Т. Теперь и прежде / Сост., подгот. Текста и примеч. Р.К. Медведевой. М., 1994.

Мишалова Е.В. Исторический нарратив как форма организации и репрезентации исторического знания // Эпистемология и философия науки. М., 2012. №1. С. 157–173.

Тюпа В.И. Дискурсные формации. Очерки по компаративной риторике. М., 2010.

Barudio G. Gustav Adolf – der Große. Eine politische Biographie. Frankfurt/M., 1985.

Erdmann J.E. Versuch einer wissenschaftlichen Darstellung der neueren Philosophie. Bd. 1.1. Riga, 1834.

Eschenburg J.J. Entwurf einer Theorie und Literatur der schönen Redekünste. Fünfte, völlig umgearbeitete Ausgabe von Moritz Pinder. Berlin 1836.

Gans E. Biographische Denkmale von K. A. Varnhagen v. Ense // In: Vermischte Schriften juristischen, historischen, staatswissenschaftlichen und ästhetischen Inhalts. Bd. 2. Berlin 1843. S. 224–236.

Herder J.G. Über Thomas Abbts Schriften. Der Torso zu einem Denkmal, an seinem Grabe errichtet // In: Herders Werke in zehn Bänden. Hg. V. M. Bollacher u. a., Bd. 2. Frankfurt/M., 1993. S. 565–608.

Meier Chr. Die Faszination des Biographischen // In: Interesse an der Geschichte. Hg. V. Frank Niess. Frankfurt/M., 1989. S. 100–111.

Mittenzwei I. Friedrich II. von Preußen. Eine Biographie. Köln, 1986.

Ni Dhuill C. Der Kanon des Heroischen: Ernst Bertrams Nietzsche. Versuch einer Mythologie // In: Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte. Hg. V. W. Hemecker. Berlin, NY, 2009. S. 123–154.

Riesenberger D. Biographie als historiographisches Problem // In: Persönlichkeit und Struktur in der Geschichte. Historische Bestandsaufnahme und didaktische Implikationen. Hg. V. M. Bösch. Düsseldorf 1977. S. 25–39.

Scheuer H. „Dichter und Helden“ – zur Biographik des George-Kreises // In: Stefan George. Werk und Wirkung seit dem „Siebenten Ring“. Hg. V. W. Braungart. Tübingen, 2001. S. 300–314

White H. Interpretation in History // In: H. White. Tropics of Discourse. Essays in Cultural Criticism. Baltimore & London, 1992. P. 51–80.

Zimmermann Chr. Geschichte oder Biographie: Leopold Rankes Porträts Papst Pauls III. und Wallensteins // In: Die Biographie – Beiträge zu ihrer Geschichte. Hg. V. W. Nemecker. Berlin, NY, 2009. S. 71–104.

Брокмейер Й., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы. 2000: [Электронный ресурс]. URL: <http://galapsy.narod.ru/PsyNarrative/Brockmeier.htm> (дата обращения 18. 03. 2016).

Гринин Л.Е. Личность в истории: эволюция взглядов // История и современность. 2010. Вып. №2 (12): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129557/> (дата обращения 25. 11. 2016).

Movchan Marina Konstantinovna (Saint Petersburg, Russia)

**NARRATIVE STRATEGIES OF CREATING A CHARACTER
STUDY OF A HISTORICAL FIGURE
(AS EXEMPLIFIED IN FRIEDRICH II. VON PREUSSEN:
EINE BIOGRAPHIE BY I. MITTENZWEI)**

The article focuses on the peculiar properties of historical, and particularly biographical, narrative. The strategies used to characterize a historical figure are distinguished, and among them some ways of “transforming” its image, which are accounted for by the narrator’s perspective.

Keywords: discourse, (historical) narrative, biography, historical figure, narrative strategies.

О.В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕКСТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В статье анализируются языковые и текстовые включения и способы их классификации. Приводятся различия по наличию маркированности прецедентного текста, и рассматривается роль интертекстуальных связей в художественном произведении.

Ключевые слова: интертекстуальные связи, функции интекстов, прецедентный текст, авторские интенции.

Интертекстуальность выполняет важную функцию включения читателя в общение с различными потоками информации. Такое введение дополнительных источников информации позволяет автору не только внести новый ракурс в свою работу, но и также дает возможность выйти за пределы обычного, традиционного, ярче проявить творческое отношение к тексту. Несмотря на то, что интексты формально соответствуют правилам построения высказываний, они, тем не менее, отличаются от привычной коммуникации. Интексты раскрывают глубинные пласты произведения, выявляют его скрытые свойства, указывают на истинные мотивы и цели персонажей.

Языковые и текстовые включения переплетаются в произведении между собой и создают в совокупности целую сеть, которая и позволяет читателю осознать главные проблемы, взгляды героев на основные жизненные ситуации и прийти к собственной оценке творческого метода автора. Способы введения интекстов в произведении могут быть самыми разнообразными, но интертекстуальные связи при этом не следует путать с близкими им межтекстовыми связями, такими как литературные влияния или бродячие сюжеты. Творчество отдельных писателей или целого направления может оказать значительное влияние на работу других авторов, но согласно Арнольд, такой культурный диалог, важный для формирования историко-литературного контекста, в котором пишет автор, нельзя приравнять к интертекстуаль-

ности [Арнольд, 1997, с. 17]. В тех же случаях, когда автор намеренно соотносит сюжет своей работы с другим произведением, или же при схожем сюжете меняет точку зрения рассказа, можно уже говорить об интертекстуальности. В уме читателя тогда благодаря определенному намеку в тексте возникает некое явление, событие, понятие, которое активизируется в сознании и вступает в определенную игру с текстом.

Использование интекстов Караулов характеризует следующим образом: « обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой, признаком, и тем самым в процесс коммуникации включается либо весь текст, либо соотносимые с ситуацией общения или более крупным жизненным событием отдельные его фрагменты. В этом случае весь текст или значительный его фрагмент выступают как целостная единица обозначения» [Караулов, 1987, с. 217].

Чтобы лучше разобраться в разнообразии интекстов и функциях, которые они выполняют в произведении, попытаемся классифицировать включения по ряду параметров.

Интексты могут различаться по наличию-отсутствию и по характеру маркировки. Если прецедентный текст, к которому обращается автор, скорее всего, известен читателю, то художник, как правило, не маркирует его. Это очень часто имеет место при обращении к Библии, классическим произведениям русской и мировой литературы, античным мифам, - то есть тому, что должно входить в фоновые знания образованного читателя. Автор, однако, избегая открытого названия источника, может все же различными способами намекать на него. По сравнению с прямым указанием такой прием часто оказывается интереснее и позволяет писателю войти в более тесный контакт с читателем. Узнавание источника необходимо для установления интертекстуальной связи между двумя текстами, благодаря которой читателю открывается замысел автора.

Большую роль также играет то, к какому прецедентному обращает автор. Если речь идет о мировой классике, мифах, народном фольклоре, писатель получает великолепную возможность сопоставить ценности прошлого и настоящего, идейный смысл прецедентного и создаваемого текстов. Камю, например, в своей работе «Миф о Сизифе» использует миф для более детального

изложения своих взглядов на смысл жизни для развития философии экзистенциализма. Мифы отражают убеждения огромного количества людей, таким образом, опора на мифы позволяет автору доказательно представить свою точку зрения. Обращение к малоизвестным текстам не дало бы того же эффекта, как в случае с популярными и читаемыми всеми работами. Необходимо также учитывать разницу в восприятии читателей разных культур и разных эпох. За исключением Библии и античных мифов круг произведений, хорошо знакомых читателю сильно отличается от одной страны к другой. Определенные строки стихотворений Пушкина, например, легко узнаются в России, если же их использовать в тексте, направленном на английскую аудиторию, то без подробных комментариев коммуникация, вероятнее всего, будет нарушена. Работы же Достоевского, Чехова, Набокова и ряда других широко известны за рубежом, и при обращении к ним автору не приходится открыто маркировать такие интексты.

Существует также особый вид интекстов, которые очень часто используются в дискурсе. Например: «*He who has begun has half done*» (Гораций), «*I thy, Brut*» (Шекспир) и многие другие. Однако, отдельные многократно воспроизводимые интексты используются только людьми из одной страны или только теми, кто говорит на языке данного высказывания: «*It's better to have loved and lost / than never to have loved at all.*» (Alfred Tennyson). Стоит также заметить, что в разных произведениях такие интексты часто выполняют различные роли и коннотации могут также значительно отличаться. В одних случаях использование персонажем вводного высказывания выполняет функцию совета, кажущегося более весомым в виду его опоры на хорошо знакомую ситуацию, в других случаях интекст звучит иронично или же придает реплике персонажа некий скрытый смысл, который тот не решает выразить прямо.

Интексты могут по своему типу быть разделены на языковые и текстовые. Языковые включения могут носить самый разный характер: это могут быть и включения иной стилистической окраски, и крылатые слова и выражения из языка данного произведения и других языков, и слова иного регистра или использовавшиеся главным образом в другом историческом периоде. Сэлинджер в своем романе «Над пропастью во ржи» постоянно

прибегает к словам и оборотам, свойственным нелитературному регистру, а разговорному английскому или даже сленгу. «*I slid way the hell down in my chair and watched old Acheley making himself at home. I was feeling sort of tired from the trip to New York and all, and I started yawning. Then I started horsing around a little bit*» [Salinger, 2001, p. 27]. Язык в данном случае наилучшим образом показывает образ мыслей, личностные особенности персонажа. Оставшись верным литературному стилю языка, автор не смог бы настолько глубоко раскрыть внутренний мир данного героя. Языковые интексты используются автором осознанно и играют важную роль в прочтении произведения, в осознании его темы и главной идеи.

Текстовые включения могут сильно варьироваться по объему, от одной фразы или высказывания до целого романа. Случаи, когда в произведение включаются большие интексты, встречаются намного реже, причем автор, как правило, в значительной степени переосмысливает оригинальный текст, к которому он обращается, и предлагает читателю прочитать данное включение одновременно с двух позиций, с привычной и новой, авторской, точки зрения. Интексты в данном случае предстают не в своем оригинальном, а уже в видоизмененном автором варианте. Арнольд называет такой тип интертекстуальности «композиционной» и «фиктивной», так как «другой голос принадлежит тем же авторам» [Арнольд, 1997, p. 39]. Однако необходимо учитывать, что читатель помимо голоса автора данного произведения, по-своему переработавшего прецедентный текст, слышит еще и голос автора первоисточника, именно таким двуголосьем и интересны в значительной степени данные произведения.

Подобным интекстам, кажущимся внутренними, можно противопоставить внешние включения, представленные в неизменном или почти неизменном виде – цитаты. Однако, даже несмотря на то, что цитаты обладают ярко выраженным чужим голосом, он, тем не менее, в новом контексте звучит часто по-другому. Стилистическая окраска слов в таких ситуациях выражается эксплицитно, то есть выводится не из семы слова, а из контекста и может быть как положительной, так и отрицательной, не связанной с признаками самих обозначаемых данными словами понятий. Коннотацию можно привить любому слову, а

то, какой (положительной или отрицательной) она будет, зависит от говорящего. «Цитата – своеобразная форма художественного мышления, образного, часто иронического, дает дополнительный акцент этическим и эстетическим воззрениям. Слово в цитате увеличивает свою ёмкость по сравнению со словарным значением. ... цитаты устанавливают иерархию значений, создают эстетический контекст и повышают экспрессивность» [Арнольд, 1997, с. 49]. Эффект, производимый цитатой на читателя, зависит от намерений автора цитаты и автора произведения. Намерения эти могут как совпадать, так и сильно расходиться, и в последнем случае цитата будет звучать комически, иронично. Наиболее сложный вариант использования чужого слова наблюдается, пожалуй, в том случае, когда чужое слово оказывает «активное (то есть модифицирующее) воздействие ... на авторскую речь» [Кристева, 1995, с. 107]. Тогда автор вступает с источником в полемику, которая хотя и не выражается открыто, но все же заметна читателю. Увиденное включение на первый взгляд может показаться не совсем совместимым с остальным текстом, но читатель, проводя в уме параллель между двумя контекстами, уясняет для себя эту кажущуюся несовместимость, и ему открывается подтекстовый смысл, заложенный в данном включении.

Рассмотрим включение интекста в романе Rudyard Kipling «The Light That Failed». Торпман говорит о написанных картинах: «*I builded better than I knew.*» Эта строчка была взята из стихотворения R.W. Emerson “The Problem”, в котором говорится о Микеланджело, построившем купол собора св. Петра в Риме:

*The hand that rounded Peter's dome
And grained the aisles of Christian Rome
Wrought in a sad sincerity;
Himself from God he could not free;
He builded better than he knew;*

The conscious stone to beauty grew [Kipling, 2001, p. 311].

Эта цитата совпадает с тоном оригинального произведения, она звучит радостно, торжественно. Интересно, что и контексты использования данных слов во многом совпадают; Дик, таким образом, скрыто сравнивается с Микеланджело, подчеркивается восхищение гениальностью его творения. Поскольку интенции двух авторов совпадают, то цитата в новом контексте выполняет

схожую функцию, но делает повествование более эмоциональным и экспрессивным.

Наряду с использованием цитат непосредственно в тексте, нередко и особенно интересны те случаи, когда цитата оказывается в сильных позициях, то есть начале или конце произведения или его композиционной части. Обратимся сначала к тем случаям, когда внешняя интертекстуальность наблюдается в эпиграфе. Эпиграф играет важную роль в интерпретации произведения, нередко именно он подсказывает читателю, в каком ракурсе следует рассматривать развитие идейной концепции работы. Как один из примеров использования интертекстуального включения в эпиграф можно рассмотреть функционирование цитаты в тексте «To Kill a Mockingbird/ Убить пересмешника», написанном Harper Lee: “*Lawyers, I suppose, were children once*” Charles Lamb [Lee, 2003, p. 3]. Один из главных героев и отец девочки, от лица которой ведется повествование, был адвокатом. Поэтому дети невольно были включены в политическую жизнь города, в первую очередь, в те дни, когда шло расследование о предполагаемом изнасиловании белой девушки афроамериканцем, адвокатом которого был Атикус, отец детей. В итоге Атикус проигрывает дело и его клиента ждет смертная казнь; дети очень остро реагируют на происходящие события и Джем спрашивает отца:

“*How could they [the jurors] do it, how could they?*”

“*I don't know, but they did it. They've done it before and they did it tonight and they'll do it again and when they do it – seems that only children weep.*” [Lee, 2003, p. 240].

Эти ключевые слова произведения восходят к эпиграфу, и, прочитанные вместе, они заостряют внимание читателя на противопоставлении и на сравнении адвокатов, работников суда и детей. С одной стороны, в них осталась острая жажда справедливости, характерная для детей, но с другой стороны, столкнувшись много раз с несоответствием их идеалов и реальной жизни, они легче переживают несправедливость и другие отрицательные стороны жизни, присущие современному обществу. Таким образом, видно, что эпиграф подчеркивает основную проблематику работы, он соотносится с главными моментами романа и помогает в раскрытии позиции автора. Важно в данном случае и то, что цитата маркирована, и то, что указывается источник, который,

скорее всего не знаком широкой публике. Новизна, оригинальность мысли играет достаточно важную роль, так как она легко запоминается и помогает читателю восстановить ее в памяти при необходимости.

Список литературы

Арнольд И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). Лекции к спецкурсу. СПб., 1997.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987.

Salinger J.D. The catcher in the rye. М., 2001.

Kipling R. The light that failed. М., 2001.

Lee H. To kill a mockingbird. СПб., 2003.

Ryabukha Olga Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

THE USE OF INTEXTS IN FICTION

The article focuses on linguistic and textual inclusions and a variety of their classification. The distinction of indication to the precedent text is drawn and intertextual links between the two correlated texts are analyzed.

Keywords: *intertextual relationships, intext functions, prior hypotext, author's intentions.*

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

ИГРОВАЯ СТРАТЕГИЯ МОДЕЛИРОВАНИЯ ЛАБИРИНТА СЮЖЕТНОГО ВРЕМЕНИ В НЕВОЗМОЖНЫХ ФИКЦИОНАЛЬНЫХ МИРАХ ПОСТМОДЕРНИЗМА

В статье анализируется актуализация игровой стратегии моделирования лабиринта сюжетного времени в постмодернистском художественном тексте. Рассматривается одна из моделей постмодернистского повествования – модель «невозможного фикционального мира». Выявляется роль данной стратегии в усилении игровой модальности постмодернистского художественного текста.

Ключевые слова: модель «невозможного фикционального мира», стратегия моделирования лабиринта сюжетного времени, игровая модальность, постмодернистское повествование.

Активно развивавшаяся в 70–80-е годы теория возможных миров в последние десятилетия получила дальнейшее и достаточно неожиданное развитие, когда многие зарубежные ученые стали описывать онтологический статус так называемых невозможных фикциональных миров [Alber, 2009; Martin-Jimenez, 2015; Ryan, 2013; Vander Laan, 1997].

Невозможные миры основываются на принципе неисключенного третьего, согласно которому высказывания художественного дискурса (пропозиции возможного мира) намеренно подаются одновременно как истинностные и ложные (возможные и невозможные), что признается некоторыми исследователями как семантический механизм создания «невозможных художественных вымыслов» [Dolezel, 1989; McNale, 1992]. Д. Льюиз, например, предлагает использовать логический метод объединения, рассматривая два фрагмента художественного произведения, которые «не согласованы друг с другом: в одном истинно Р, в другом не-Р. Тогда в произведении в целом истинно одновременно Р и не-Р, но их противоречивая конъюнкция истинной не является, хотя каждая из них и имплицитруется совместным действием двух посылок, которые обе являются истинными в данном произведении» [Льюиз, 1999, с. 64–65].

М.-Л. Рьян в своей статье, посвященной невозможным мирам, особо подчеркивает, что под этим термином понимаются отнюдь не фантастические миры, которые могут по своим онтологическим характеристикам сильно отличаться от реалистического возможного мира [Ryan, 2013, p. 142]. При создании даже самых нежизнеподобных вымыслов [Щирова, 2009; 2010; Клейменова, 2015], как пишет У. Эко, мир, используемый художественным текстом в качестве места действия, не может полностью отличаться от мира, в котором мы живем, даже если речь идет о сказке или научной фантастике. Выдающийся семиотик поясняет, что даже в этих фантастических мирах, если упомянут лес, всем понятно, что он более или менее похож на лес в нашем реальном мире, деревья в нем растительного, а не минерального происхождения, и так далее [Эко, 2013, с. 123]. У. Эко настаивает, что в случае, если нам «ненароком скажут, что вымышленный лес состоит из неорганических деревьев, понятия «неорганический» и «дерево» обязаны соответствовать их аналогам из реального мира» [Эко, 2013, с.123].

По мнению М.-Л. Рьян, невозможный мир, который основывается на противоречиях и непоследовательностях при моделировании фикциональной онтологии, времени, пространства, изображении персонажей, разрушает эстетическую иллюзию, мешает читателям «погружаться» в описываемый вымысел, приостанавливает «рецентрирование» (“recentering”) [Ryan, 2013, p. 144], заставляя читателей осознавать, что они участвуют с авторами в новой игре, которая из кооперативной и коалиционной превращается в игру беспорядка и хаоса [Каргаполова, 2009, с. 290].

Другими словами, иногда автор художественного текста вместо избрания в качестве прагматической установки фикциональной игры, обеспечивающей возникновение и поддержание так называемой эстетической иллюзии (само слово означает «быть в игре»), склонен к экспериментам и обнажению «референциальной иллюзии», не настроен на поддержание «серьезного» модуса общения и выбирает одну из неклассических повествовательных моделей [Чемодурова, 2013], создавая полностью или частично «невозможный» мир.

Задачей данной статьи является рассмотрение особенностей актуализации одной из стратегий, способствующих моделирова-

нию невозможного фикционального мира. Речь идет о стратегии моделирования времени в постмодернистском художественном тексте, обуславливающей возникновение так называемых «хаосмотичных» фикциональных миров постмодернизма, характеризующихся высокой степенью фрагментарности, неупорядоченности и противоречивости темпоральных элементов. В постмодернистских произведениях представления различных событий прошлого или настоящего часто не связаны напрямую с «голосом», с сознанием конкретного повествователя или персонажа, то есть локализация повествователя утрачивает определенность, нарушается некий «дейктический паритет между автором и читателем» [Дымарскому, 1999], причем изменения точки отсчета часто представляются немотивированными и немаркированными. События часто преподносятся в виде противоречивых и взаимно исключающих друг друга версий, так что читателям подчас очень трудно установить причинно-следственную связь между отдельными событиями, определить их хронологию. Сомнения в достоверности изображенных событий, их «реальности» (в рамках фикционального мира) приобретают онтологический характер, что частично объясняет термин «хаосмос», применяемый для описания фикциональных миров постмодернизма.

Время в постмодернистских фикциональных мирах «разветвляется», образуя множественные альтернативы, которые даже при ретроспективном анализе создают у читателей ощущение неуверенности в их фикциональном статусе: являются ли описанные события «нереальными» в рамках возможного мира произведения (сновидением, фантазией того или иного персонажа) или «реальными», но противоречащими друг другу версиями, разворачивающимися в альтернативных временных плоскостях? Если в реальной жизни только будущее представляется нам непредсказуемым, имеющим множество вариантов развития, бесконечно разветвленным, иными словами слабо детерминированным, а прошлое воспринимается как линейное и определенное, выстраиваемое вдоль одной временной оси, то в работах постмодернистов даже нарративное прошлое и настоящее приобретают характер нелинейности, многовариантности и неопределенности.

Хаотичность и фрагментарность создаваемых миров постмодернизма во многом объясняются общей тенденцией культуры

постмодернизма считать, что в нашем мире отсутствует точность, линейность, предсказуемость, равновесие и редукционизм. Многие ученые отмечают, что «появление квантовой теории, «теории неопределенности, недетерминированности и тайны», знаменовало инициацию в новое мировоззрение» [ВандерВен, 2003, с. 302]. Согласно теории хаоса, реальность представляется фундаментально хаотической, мир в ней рассматривается как нестабильный, нелинейный, сложный и непредсказуемый [По ВандерВен, 2003, с. 300]. Время индивидуальное, «очеловеченное» в культуре постмодернизма, представляется одним из множества временных измерений, так что события, кажущиеся связными и последовательными на одной временной шкале, могут не быть таковыми в других временных системах [Heise, 1998, p. 46].

Философия хаоса неразрывно связана с еще одним фундаментальным понятием, приобретшим особое значение в эпоху постмодернизма, – игрой. В последние десятилетия феномен игры активно изучается в философии, культурологии, лингвистике, математике, экономике и других областях знания, поскольку, обладая онтологической амбивалентностью, выступая одновременно и как объективное явление, и как субъективная деятельность, характеризуясь эпистемологической двойственностью, как сочетание реальности и ирреальности, истины и вымысла, игра рассматривается как «идеальная среда для понимания мира как хаотического» [ВандерВен, 2003, с. 301]. И.А. Каргаполова в своей монографии, посвященной языковой игре, рассматривая игру с точки зрения культурной антропологии, указывает на ее «лиминальный» аспект, которому свойственны в том числе антиструктурные тенденции, «испытание абсурдом» [Каргаполова, 2007, с. 326].

В эпоху постмодернизма меняются «правила игры», резко возрастает неопределенность дейктического модуса текста (его субъектных и хронотопических элементов), обостряется «лиминальный» аспект игры, и моделируемый возможный мир приобретает черты непредсказуемости, хаотичности, противоречивости. В «неклассической» нарративной модели, которую можно определить как «невозможный фикциональный мир», иллюзия мотивированности повествуемой истории [Андреева, 2006, с. 97] сменяется иллюзией «нон-селекции» событий, что выдвигает на

первый план идею комбинаторной игры с элементами времени и пространства.

Игровая стратегия моделирования *лабиринта сюжетного времени* может рассматриваться как один из способов репрезентации художественного времени в постмодернистских текстах, выстроенных на основе данной нарративной модели. Данная стратегия реализуется в художественном тексте при помощи *повтора*, который условно можно обозначить как прием *серийности описываемых эпизодов*.

Стратегия создания лабиринта сюжетного времени реализуется в рассказе яркого представителя американского постмодернизма Дональда Бартельми. Рассказ “Views of My Father Weeping” (сборник “City Life”, 1970), часто включаемый в различные антологии постмодернизма, состоит из 35 нарративных фрагментов, описывающих с позиции субъективированного повествователя – непосредственного участника повествуемых событий две параллельные истории, протекающие в разных временных измерениях и взаимно исключающие друг друга. Первые три повествовательные фрагмента проецируют временные параметры возможного мира некоего отдаленного прошлого:

An aristocrat was riding down the street in his carriage. He ran over my father.

<...>

After the ceremony I walked back to the city. I was trying to think of the reason why my father had died. Then I remembered: he was run over by a carriage [Barthelme, 115].

Несмотря на отсутствие эксплицитных темпоральных маркеров, локализирующих действие рассказа в определенном моменте прошлого, читатель может начать реконструкцию изображенного фикционального мира, опираясь на такие лексические единицы, как “aristocrat” и “carriage”, и предположить, что действие происходит, скажем, в 19 веке. Начало предлагаемой читателю истории, представленное при помощи эпического прошедшего времени, вполне типично для модели классического нарратива, так как, хотя повествование и представляется фрагментарным, все три фрагмента связаны на локальном уровне и передают традиционную временную логику событий. Появляющиеся в третьем фрагменте детективные элементы, в частности наличие

свидетелей происшествия, желание главного героя «выследить» аристократа, способствуют созданию сюжетной напряженности в рассказе. Тем более неожиданным представляется четвертый фрагмент рассказа, в котором меняется временная перспектива (настоящее повествовательное время), нарушается причинно-следственная связь событий, происходит трансгрессия семантических правил классического нарратива:

(2) *Yet it is possible that it is not my father who sits there in the center of the bed weeping. It may be someone else, the mailman, the man who delivers the groceries, an insurance salesman or tax collector, who knows. However, I must say, it resembles my father. The resemblance is very strong* [Barthelme, 116].

Использование наречия «yet», обладающего «противительной» семантикой, создает у читателя ощущение продолжающегося внутреннего монолога повествователя, спорящего с самим собой, которое, безусловно, подкрепляется наличием семантической связи данного фрагмента и заглавия рассказа «Views of My Father Weeping». Абсурдность ситуации усугубляется использованием языковых средств со значением «возможности» (“possible”, “may”, “who knows”), а также перечислением «возможных двойников» отца: “the mailman”, “the man who delivers the groceries” и других.

В виду того, что первые три фрагмента (пример 1) и фрагмент №4 (пример 2) описывают контрадикторные положения дел в фикциональном мире (отец персонажа мертв – отец жив; события происходят в прошлом – они локализованы в настоящем), и поскольку события, представленные субъективированным повествователем, не обладают абсолютной степенью аутентификации, то читателю, видимо, необходимо решить, какие фрагменты описывают «реальные» в рамках фикционального мира события, а какие события являются лишь фантазией повествователя в созданном возможном мире.

Данная задача является довольно сложной, потому что творческая стратегия автора не предусматривает представления читателям какого-либо мотивированного объяснения постоянным переходам из одного временного измерения в другое, таким образом, читатель вовлекается в комбинаторную игру, имеющую эксплицитно агональный и лиминальный характер. Использо-

вание поочередно прошедшего повествовательного и настоящего повествовательного времени усиливает «эффект сопереживания, сопричастности читателя к происходящим событиям» [Тураева, 1979, с. 76], способствуя поддержанию сюжетной напряженности повествования. Продолжая разрабатывать две параллельные истории, Бартельми пытается исследовать проблему взаимоотношений отцов и детей, с одной стороны, описывая переживания главного героя, похоронившего отца и пытающегося найти виновника его смерти, с другой стороны, изображая рассказчика, которому тяжело смотреть на слезы своего отца:

(3) *The man sitting in the center of the bed looks very much like my father [...]. I have kept the door open and nothing between me and the door, and moreover the screen is unlatched, and on top of that the motor is running, in the Mustang. But perhaps it is not my father weeping there, but another father: Tom's father, Phil's father, Pat's father, Pete's father, Paul's father. Apply some sort of test, voiceprint reading or <...>*

My father throws his ball of knitting up in the air. The orange wool hangs there [Barthelme, 117].

Эпизоды, в которых при помощи настоящего повествовательного времени изображаются события в настоящем (лексические единицы “the motor”, “the Mustang”, “voiceprint reading” однозначно указывают на локализацию событий в современности), представляют собой серийный повтор сцен, в которых человек, похожий на отца героя, сидит на кровати и плачет. Настойчивое ироническое обыгрывание сомнений рассказчика [but perhaps it is not my father], типично постмодернистский прием довольно абсурдного перечисления других кандидатов в сыновья, на фонетическом уровне поддержанный аллитерацией [Pat's father, Pete's father, Paul's father] сочетается с использованием апозиопезиса в сильной позиции конца фрагмента (еще один характерный прием постмодернизма). Данное предложение можно рассматривать и как незавершенную мысль рассказчика, переполненного чувствами, и как юмористический призыв к читателю представить себя на месте Пита, Пола или самого рассказчика. Кроме того, отец рассказчика описывается во время довольно абсурдных действий: *my father throws his ball of knitting up in the air; my father regards the tray of pink cupcakes; my father has a red bandana tied*

around his face covering the nose and mouth; my father has written on the white wall with his crayons [Barthelme, p. 117–120]. Чередование сцен, описывающих нелепые действия отца и рассказчика, мучающегося вопросом, почему грустит его отец, с эпизодами, посвященными расследованию смерти отца в девятнадцатом веке и повествуемыми в «реалистической» манере классического повествования, значительно затрудняет читательскую задачу реконструкции связного возможного мира. Отсутствие элементов локальной связности, объединяющих воедино разрозненные фрагменты, описывающие различные временные плоскости, эксплицитные нарушения причинно-следственных связей усиливают эффект «нон-селекции», иллюзию случайной, хаотичной комбинации повествуемых эпизодов и, следовательно, способствуют формальному выдвиганию игровых особенностей текста. Такая «игровая заданность» текста становится особенно очевидной в сильной позиции его окончания, поскольку последний фрагмент рассказа (см. пример 4 ниже) содержит лишь одно слово, указывающее читателю на возможность продолжения комбинаторной игры с его элементами:

Etc [Barthelme, 126].

Стратегия моделирования лабиринта сюжетного времени в повествовательной модели «невозможный фикциональный мир» является одним из способов усиления игровой модальности постмодернистских художественных текстов. Игровая модальность представляет собой неотъемлемый признак текстовой модальности и обозначает объективируемое в художественном тексте отношение творческого субъекта и читателей к моделируемому фикциональному миру как возможному и/или невозможному [Чемодурова, 2014]. Представляя в своем рассказе фикциональный мир, который, по образному выражению М.-Л. Рьян, в своей онтологии похож на швейцарский сыр [Ruan, 2013, p. 140], поскольку предлагает читателям соединить несоединимые фрагменты универсума, Бартельми вовлекает своих читателей в увлекательный процесс творчества и игры в вымысел. В попытке преодолеть «сопротивление» текста и справиться с хаосом читатели погружаются в игровую стихию моделирования ментального мира, полного противоречий, нестыковок, комизма и драматизма одновременно.

Список литературы

Андреева В.А. Литературный нарратив: текст и дискурс. СПб., 2006.

Вандер Вен Карен. Игра, Протей и парадокс. Обучение для жизни в хаотическом и суперсимметричном мире//Игра со всех сторон. М., 2003.

Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). СПб., 1999.

Каргаполова И.А. Человек в зеркале языковой игры: Монография. СПб., 2007.

Каргаполова И.А. О лингвистической проблематике абсурда (Nonsense)//Studia Linguistica. СПб., 2009. С. 285–294.

Клейменова В.Ю. Языковые формы репрезентации реальности и вымысла в английской волшебной литературной сказке. Автор. диссер.....докт. филол. наук. СПб., 2015.

Тураева З.Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): Учебное пособие для ин-тов и фактов иностр. Яз. М., 1979.

Чемодурова З.М. Игра в постмодернистском художественном тексте. СПб., 2013.

Чемодурова З. М. Игровая модальность художественного текста: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 9–2 (39). С. 192–195.

Щирова И.А. Парадоксы вымысла // Studia Linguistica. № XVIII. 2009. С. 323–331.

Щирова И.А. «О правде вымысла»//Вестник Московского городского педагогического университета. Серия Филология. Теория языка. Языковое образование. М., 2010. С. 74–85.

Эко У. Откровения молодого романиста. М., 2013.

Alber Jan. Impossible Story Worlds And What To Do With Them//Storyworlds: A Journal of Narrative Studies. Vol.1, 2009. P.79–96.

Barthelme D. Sixty Stories. New York: Penguin Books, 1982.

Dolezel L. Possible Worlds in Literary Communication // Possible Worlds in Humanities. Arts & Sciences. Ed. By Sture Allen Walter de Gruyter. Berlin. NY. 1989. P. 225–248.

Heise U. K. Chronoschisms. Time, Narrative and Postmodernism. – Cambr. Un. Press, 1997.

Martin-Jimenez A.A. Theory Of Impossible Worlds (Metalepsis)// Castilla Estudios de odelingue. Vol. 6 (2015). P. 1–40.

McHale B. Constructing Postmodernism. London: Rutledge, 1992.

Ryan M.-L. Impossible worlds and Aesthetic Illusion//Aesthetic Illusion in Literature and Other Media. Eds. Walter Bernhard and Werner Wolf. – Amsterdam, N. Y.: Rodopi. 2013. P. 131–148.

Vander Laan David. The Ontology of Impossible Worlds//Notre Dame Journal of Formal logic. Volume 38. Number 4. Fall 1997. P. 597–615.

Chemodurova Zinaida Markovna (St. Petersburg, Russia)

THE LUDIC STRATEGY OF STORY TIME LABYRINTH MODELLING IN POSTMODERNIST IMPOSSIBLE FICTIONAL WORLDS

The article focuses on the way the ludic strategy of story time labyrinth modelling is actualized in postmodernist literary texts. One of the models of postmodernist narrative, the so-called “impossible fictional world”, is examined. The article also investigates the role of the ludic strategy of story time labyrinth modelling in intensifying the ludic modality of postmodernist literary texts.

Keywords: “impossible fictional world” model, ludic strategy of story time labyrinth modelling, ludic modality, postmodernist narrative.

С.Г. Филиппова (Волхов, Россия)

ОБРАЗНОСТЬ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Статья посвящена проблеме образности художественного текста и ее роли в моделировании текстовой концептосферы. Система образов как элементов текста согласуется с иерархией реализованных авторских концептов. Анализ образности позволяет установить значимые концептуальные признаки, связи между концептами и описать объективированный в тексте фрагмент авторской картины мира.

Ключевые слова: образность, концепт, концептосфера, авторская картина мира.

Понятия «образ» и «образность» в филологических науках сформировались и чаще используются в литературоведении, которое преимущественно обращается к содержательной стороне образов, их роли и месту в структуре литературного произведения. Литературоведение трактует образность и в широком аспекте – как форму «воспроизведения, истолкования и освоения жизни путем создания эстетически воздействующих объектов» и «всеобщую категорию художественного творчества» [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2003, с. 671]. Составители лингвистических словарей не всегда включают в описание понятия «образ» и «образность», считая их, по-видимому, прерогативой литературоведения. Если понятие образности включено в лингвистический словарь, то оно связывается с особенностью художественной коммуникации и определяется как «основная черта художественной литературы, ориентированная на создание художественных образов» и «стилевая черта художественной речи, связанная с употреблением слов в переносном значении» [Жеребило, http://lingvistics_dictionary.academic.ru].

Художественный текст как объект лингвистического исследования, в силу своих специфических характеристик, к числу которых относится и идейно-эстетическое содержание, заставляет лингвиста выйти за рамки узко лингвистического исследования

и использовать общий для филологических дисциплин терминологический аппарат, важной составляющей которого является термин «образ».

В лингвистических исследованиях понятия образа и образности рассматриваются неотрывно друг от друга. Под образностью понимается использование образов, которые в свою очередь трактуются «как изображения, вызванные в сознании словами (pictures brought into the mind by words)» [Щирова, 2006, с. 39].

Известно, что в процессе познания образное мышление неразрывно связано с мышлением логическим и всегда сопровождается языковую деятельность человека. Б.М. Гаспаров называет такое сопровождение образным откликом, который выступает и как реакция на любое языковое действие, и как побуждение к нему [Гаспаров, 1996, с. 200].

Образная составляющая включается в семантическую структуру слова, в частности, образный компонент когнитивного лексического значения включается в состав импликационала. Импликационные связи значений представляют собой когнитивный аналог реальных связей, взаимодействий и зависимостей сущностей объективного мира, и, таким образом, значения предполагают (имплицитируют) другие значения [Никитин, 1996, с. 225]. В известном описании механизма семантической деривации М.В. Никитина импликационная связь лежит в основе переноса значения в случае метафоры, метонимии и синекдохи [там же, с. 234–238], представляющие собой основные способы языковой образности.

С языковой образностью связано существующее в лингвистике понятие ассоциативного поля – «совокупности ассоциативных представлений, так или иначе связанных с данным словом» [Ахманова, 2004, с. 334]. По мнению Н.С. Болотновой, слово, обладающее ассоциативными связями (ассоциативным полем), способно нести информацию, большую соответствующей словарной дефиниции. Ассоциаты – языковые элементы, объективирующие ассоциации, обладают большими информативными возможностями, отражая референтные связи соответствующей реалии: ориентацию на определенные ситуации, действия, деятелей, орудия труда и т.д. [Болотнова, 1992, с. 14]. Такие формы познавательного процесса, как воображение и творчество позволяют

человеку не только репродуцировать ассоциаты (в случае репродуктивного воображения), но и продуцировать новые (в случае продуктивного или творческого воображения), создавая, в частности, оригинальные художественные образы. Известно, что в литературном творчестве воображение играет ведущую роль, являясь инструментом реализации авторской интенции. «Воображение работает на том этапе познания, когда неопределенность ситуации велика и исходные данные с трудом поддаются точному анализу, что порождает вариативность творческих решений» [Маслова, 2012, с. 36].

В лингвокогнитивных исследованиях образный компонент включается в структуру концепта. Концепт, ключевое понятие когнитивных исследований языка, определяется как идеальная сущность, ментальная единица сознания человека, обращённая к отражаемому человеком миру. Структуру концепта при этой представляют как слоисто-полевое образование, состоящее из ядерной, приядерной и периферийной зон и понятийного, ценностно-оценочного и образно-ассоциативного слоев. Образно-ассоциативный слой концепта как совокупность образов и ассоциаций, возникающих в сознании при репрезентации концепта, пересекается со структурами иных концептов, формируя импликационные связи значений. Активизация образно-ассоциативного слоя концепта в сознании человека представляет собой когнитивный механизм образного отклика. Описание этого механизма предложено Б.М. Гаспаровым [Гаспаров, 1996, с. 200–203].

Образно-ассоциативный слой может входить в различные зоны структуры концепта. Так, сложившиеся в обществе образы и ассоциации составляют ядро и приядерную зону концепта, например, внутренние формы языковых единиц (*медведь – любящий мед*) и образы, закрепленные в авторских или фольклорных текстах (*кошка гуляет сама по себе*) [Слышкин, 2004, с. 33]. Такие образы формируют универсальную и/или национальную картину мира. Периферийные зоны концептов состоят из индивидуально-личностных (авторских) образов и ассоциаций и формируют авторскую картину мира, описание которой сегодня часто становится целью лингвистического анализа художественного текста. Образность, таким образом, следует рассматривать не только как форму художественного освоения мира, сущностную и стилевую

характеристику художественного текста, но и как важнейшую составляющую авторской картины мира.

Авторскую картину мира можно определить как реализованную в художественном тексте личностно-детерминированную концептуальную систему – совокупность взаимообусловленных авторских концептов. Концентрация авторских смыслов в художественном тексте обуславливает его субъективность, оригинальность и сложность, – эти индивидуальные компоненты картины мира, как правило, трудно поддаются экспликации и автору, как следствие, приходится искать для них уникальные формы выражения.

Реализованный в конкретном художественном тексте фрагмент авторской картины мира можно реконструировать, построив его модель – концептосферу, для чего необходимо выявление и описание авторских концептов, их иерархии, их структур и связей между ними. В силу вышеуказанных особенностей авторской картины мира и художественного текста, при формировании текстовой концептосферы происходит смещение в сторону оценочных и ассоциативно-образных слоев и периферийных зон концептов, в которых отражаются индивидуальные оценки и ассоциации. При моделировании концептов каждый их структурный компонент наполняется смыслами, извлекаемыми из содержания текста при его интерпретации. Анализ образности художественного текста при изучении авторской картины мира, таким образом, направлен на моделирование ассоциативно-образных слоев авторских концептов.

Как и авторские концепты, образы в художественном тексте образуют иерархическую систему. Вершину иерархии занимает макро-образ действительности, представленный текстом как целым, содержание которого соответствует базовому авторскому концепту (глубинному смыслу, теме текста). Макро-образ включает в себя промежуточные образы – образы персонажей, событийные и пейзажные образы. Наконец, внизу иерархической системы находятся словесные образы (микро-образы) – детали, тропы [Щирова, 2006, с. 40]. Кроме того, эстетическая значимость образов как элементов текста состоит не только в том, какое место они занимают в иерархии образности, но и в том прагматическом эффекте, которое они производят на читателя. Так,

существует разделение образов на чувственные (описательные), апеллирующие к органам чувств (визуальные, слуховые, осязательные, кинестетические), и иносказательные (тропы). Такое разграничение, однако, условно, поскольку образы часто сочетают в себе оба вида [там же, с. 41].

Проиллюстрируем роль образности в формировании текстовой концептосферы.

Примером образа персонажа, воплощающего авторский базовый концепт «родина», может служить Кэтлин, дочь Хулиэна, из одноименной пьесы ирландского поэта и драматурга У. Йетса (“*Cathleen ní Houlihan*”). Патриотическая пьеса, написанная Йетсом в 1902, навеяна событиями 1798 года, когда Британская армия жестоко подавила восстание ирландцев.

Героиня пьесы – старая женщина, странствующая по дорогам Ирландии. Образ персонажа представляет собой сложное единство, формирующееся совокупностью составляющих, к которым относятся детали внешности, слов, поступков, внутренних состояний или событий, происходящих с персонажами. Речевой сегмент персонажа воссоздаёт его речевой портрет в форме собственных высказываний или высказываний о нём других действующих лиц. Детали (микро-образы) как компоненты речевой характеристики способны увеличивать эстетическую активность, «вмещать целое в малое» и программировать главное направление развития авторской идеи [Щирова, 2003, с. 17], формируя тем самым наполнение соответствующего авторского концепта.

Анализ образа Кэтлин позволяет выделить две группы признаков авторского концепта «родина», составляющие его ассоциативно-образный слой: (1) отрицательно-оценочные ассоциации – «скитание», «страдание», «смерть» и (2) положительно-оценочные ассоциации «непокорность», «любовь», «красота», «величие».

Так, страдание ирландцев, вызванное угнетённым положением страны, выражено в предложении *Too many strangers in the house* (иносказательной образ захваченной родины):

Bridget. What was it put you wandering?

Old Woman. Too many strangers in the house [Yeats, 1953, p. 53].

Визуальный образ страны, известной красотой природы, передает любовь автора к родине и, одновременно, его боль за ир-

ландцев, у которых отобрали их земли – все исторически сложившиеся четыре провинции:

Bridget. Was it much land they took from you?

Old Woman. My four beautiful green fields [там же].

Несмотря на физическую усталость Кэтлин, ее душа не смирилась с зависимым положением, так же, как, по мнению автора, ирландцы не смирились с угнетением. Речевая характеристика героини включает в себя детали ее портрета, ритмично организованные в параллельные конструкции, и антитезу, усиливающую использование метафоры *there is no quiet in my heart*:

«Sometimes my feet are tired and my hands are quiet, but there is no quiet in my heart»

Следует отметить, что ассоциативно-образное наполнение анализируемого авторского концепта неотделимо от его оценочного наполнения. Автор выражает силу любви ирландцев к родине, имплицитно и свои чувства. Оценочный слой концепта формируется ЛЕ *love* в сочетании с глаголом *die* (*die for love*). Многие ирландцы готовы отдать жизнь за Кэтлин, что делает её образ трагическим. Визуальный микро-образ повешенного молодого ирландца усиливает этот трагизм:

Old Woman. Singing I'm about a man I knew one time, yellow-haired Donough that was hanged in Galway.

Michael. What was it brought him to his death?

Old Woman. He died for love of me: many a man has died for love of me [p. 54].

Не менее важен для анализа образной составляющей текста и еще один описательный образ, который можно назвать промежуточным, поскольку в нем сочетаются элементы образа персонажа, Майкла Гиллана, и событийного образа. Молодой человек, который собирается жениться, вдруг не проявляет интереса к свадебной одежде, купленной его родителями за немалые деньги, оставляет невесту и присоединяется к повстанцам. Чувственный характер образа, как комбинация кинестетического и слухового, формируется выражениями *rush out* и *the Old Woman's voice*:

Bridget. These are the clothes you are going to wear when you marry Delia Cathel tomorrow.

Michael. I had forgotten that.

[*Michael breaks away from Delia, stands for a second at the door, then rushes out, following the Old Woman's voice*]

Наконец, кульминацией в формировании образа Кэтлин становится ее перевоплощение из старой женщины в юную девушку с походкой королевы. Гордость и восхищение автора своей страной, способной к духовному возрождению, не вызывает сомнения:

Peter [to Patrick, laying a hand on his arm]. Did you see an old woman going down the path?

Patrick. I did not, but I saw a young girl, and she had the walk of a queen

Итак, образность художественного текста как иерархическая система отдельных образов согласуется с текстовой концептосферой, моделирование которой является способом описания авторской картины мира. Ассоциативно-образные слои авторских концептов выдвигаются в художественном тексте на первый план и составляют оригинальность, уникальность и эстетическое содержание этого вида текста.

Список литературы

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 2004.

Болотнова Н.С. Художественный текст в коммуникативном аспекте: комплексный анализ единиц лексического уровня. Автореф. дисс...док. филол. наук. СПб., 1992.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин, М., 2003.

Маслова Ж. Н. Когнитивная концепция поэтической картины мира. М., 2012.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Волгоград, 2004.

Щирова И.А. How to analyze fiction. СПб., 2006.

Щирова И.А. Психологический текст: деталь и образ. СПб., 2003.

Yeats W.B. Cathleen ni Houlihan // The Collected Plays of W.B. Yeats. New York: The MacMillan Company, 1953.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов // http://lingvistics_dictionary.academic.ru. (дата обращения: 02.03.2017).

Filippova Svetlana Gennadievna (Volkhov, Russia)

IMAGERY IN THE CONCEPTOSPHERE OF A LITERARY TEXT

The article is dedicated to the problem of imagery in a literary text and its role in modeling of the text conceptosphere. The system of the images as the text elements correlates with the hierarchy of the author's concepts realized in the text. The analysis of the imagery makes it possible to define the meaningful conceptual characteristics and the links between the concepts and to describe the fragment of the author's picture of the world objectivized in the text.

Keywords: imagery, concept, conceptosphere, author's picture of the world.

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ И ХОЛИСТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ТЕКСТУ

В статье обсуждаются некоторые методологические основы современной науки, в том числе антропоцентризм и холизм, которым уделяется особое внимание. На целостную систему художественного текста экстраполируется идея такого понимания целого и его частей, при котором части рассматриваются в отношении к целому, демонстрирующему качественное своеобразие, а не просто образующему их механическую сумму.

Ключевые слова: методологическая основа, антропоцентризм, холизм, литературный текст.

При характеристике методологической базы диссертационной работы исследователь сталкивается с необходимостью определения цели и предмета исследования, общих принципов, подходов и ориентиров в его проведении, выбора средств и методов для получения достоверных научных результатов. Совокупность решения данных задач представляет собой логическую организацию научной деятельности [Аристер, Резник, 2010, с. 52]. Составляя инвентарь научных методов, исследователь неизбежно руководствуется совокупностью методологических установок как ориентиров, задаваемых доминирующей научной парадигмой. Знание этих установок необходимо ему для осмысления научного явления с позиций современного исследователю научного мировоззрения. Метод, являющийся путем познания, таким образом, всегда опирается на ранее полученные общие знания, принципы, основы познания (Ср. А.М. Мостепаненко).

Научное мировоззрение трактуется в философии как создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служат религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание. Подобно этим крупным отражениям че-

ловеческой личности, научное мировоззрение меняется в разные эпохи у разных народов, имеет свои законы изменения и определенные формы проявления [Ушаков, 2005, с. 5]. Нет науки без научного метода, который, хотя и не всегда является орудием, обеспечивающим построение научного мировоззрения и достижение научной истины, всегда является орудием, которым проверяется научное мировоззрение и правильность включения данного факта, явления или обобщения в науку [там же, с. 7].

В истории науки выделяют классический и постклассический периоды, первый из которых охватывает рамки мировидения эпохи рационализма и время с 17 в. до начала 20 в., а второй – рамки современности. Сравнивая эти этапы научного развития, В.И. Постовалова, в своей программной статье «Наука о языке в свете идеала цельного знания» [Постовалова 1995, с. 342–420], обращается к «сущностным интенциям», описанным В.В. Ильиным и А.Т. Калининским в 1985 г. [Ильин, Калинин, 1985, с. 66–67].

Согласно упомянутым исследователям, основания целостности классической науки определяются рядом «сущностных интенций» (базисных установок), конкретизируемых и поддерживаемых установками частного характера. Первой из сущностных интенций называется интенция на финалистскую систему знания, фиксирующая истину в её окончательном и завершенном виде.

Остановимся более подробно на этой установке и некоторых её частных основаниях и конкретизациях (1-4)¹: и попытаемся выявить те модификации (1а, 2а, 3а, 4а), которые эти принципиальные методологические ориентации претерпевают в современной антропоориентированной науке. Говоря об антропоориентированной науке, поместим в фокус внимания интересующую нас науку о тексте.

Итак, сущностная *интенция на финалистскую систему знания*, согласно В.В. Ильину и А.Т. Калининскому, в интерпретации В.И. Постоваловой, предполагает

1) однозначное толкование событий, исключение из результатов познания случайности и вероятности, в которых усматрива-

¹ В силу ограниченности объема статьи нами рассматриваются лишь некоторые из таких оснований и конкретизаций

ются показатели неполноты знания или субъективизма [цит. по Постовалова, 1995, с. 366];

1а) Иное видение предлагает исследователю антропологическая научная парадигма, в соответствии с приоритетами которой общими философскими тенденциями объявляются гносеологический, мировоззренческий и методологический плюрализм. В когнитивной философии истина оценивается с точки зрения её эвристической полезности, что подтверждается вниманием этой науки к философско-методологическим концепциям, акцентирующим идею субъектности и роль интерпретатора (ср. идею интерпретативного сообщества Т. Куна, принцип фальсификации К. Поппера, теорию личного знания М. Полани или эпистемологический анархизм П. Фейерабенда). Постановка вопроса о «правильности» или «неправильности» когнитивных репрезентаций мира провозглашается неправомерной. Определяющим фактором объявляется мировоззрение человека, основанное на индивидуальности ментальных репрезентаций [Баксанский, Кучер, 2004].

Как и в иных гуманитарных науках, влияние «человеческого фактора» активно ощущается в логике. Методологические установки антропоориентированной науки формулируются в рамках не классической двузначной логики, высказывание в которой оценивается как истинное или ложное, а неклассических интенциональных и модальных логик, акцентирующих нетрадиционные подходы в изучении языка и трактующих истинность подвижно, по отношению к одному из возможных миров. Текст, интерпретируемый как возможный мир, описывается с позиции истинности, релевантной по отношению к нему самому. Это понимание «истины текста» коррелирует с прагматизацией и субъективизацией научной истины (ср. выше идеи Поппера или Фейерабенда) и исходит из эвристической полезности научного знания. Идея субъектности, доминирующая в современном научном мировидении, аксиологизация познания и усложнение мира, модель которого выстраивается автором в художественном тексте, – все эти факторы влекут за собой преобладание гибких, вероятностных подходов к предметам исследования. Релевантность данного тезиса по отношению к абсолютно антропоцентричному художественному тексту не подлежит сомнению.

В зону научной аксиоматики исследователя текста попадают и известные тезисы о множественности и конфликтности интерпретации текста. В понятийной триаде *автор-текст-читатель* современные рецепционистские теории акцентируют значимость когнитивных усилий читателя, объявляя её следствием наделения текста смыслом. Даже многообразные концепции постмодернизма с присущей ему пантекстуальной позицией, в конечном итоге, провозглашая «смерть читателя» и игнорируя автора как смыслопорождающую инстанцию, включают в сферу когнитивных читательских компетенций способность вкладывания смысла в текст. Интерпретация такого рода объявляется свободной (ср. свободная игра активной интерпретации, у Ж. Деррида), в то время как некогда востребованные идеи декодирования заданного автором смысла, – приписываются «слабому» читателю (Ср. Р. Рорти). В концепциях текста, не гиперболизирующих и не игнорирующих роль читателя, актуализация текстового смысла в воспринимающем сознании называется важнейшим условием формирования «жизненного» пространства текста.

2) устранение из контекста науки характеристик исследователя, в которых видят «препятствие для адекватной регистрации истины» (цит. по [Постовалова, 1995, 366]);

2 а) В современной науке, напротив, истина трактуется как истина субъекта, текст – как концептуально-тематический информационный комплекс, понимание и толкование которого требует активности когнитивного субъекта, а сам этот субъект – как один из основных параметров текста и его «универсальная категория». Указывая на значимость человеческого сознания для актуализации виртуального текстового смысла, С.И. Мельник и А.М. Шахнарович справедливо замечают: «Смыслы текста хранятся в голове человека, а не заключены в глубинные структуры текста, взятого как вещь в себе» [Мельник, Шахнарович, 1990, 6]. В языке сегодня видят язык общения языковых личностей, а в тексте – связную и целостную последовательность знаков, материальную данность, в которой реализуется интенция и вербализуется картина мира одной из них – личности автора. Целостность реализации авторской интенции, как и целостность её реконструкции в сознании реципиента, неизбежно определяется целостностью стоящего за ней сознания. Как следствие, тезис о

самодостаточности текстовой структуры, отвергается, в то время как зависимость свойств текста от интерпретативной ситуации акцентируется. Сущностные текстовые свойства (категории), обуславливающие качественную определенность текста и его отличие от не-текста, именуются когнитивными параметрами, которые репрезентируются языковыми средствами.

3) оценку научного знания как «абсолютно достоверного и непоблематизируемого» [цит. по Постовалова, 1995, 366]);

а) Претензии науки на абсолютную истину (объективность) сегодня скорее признаются необоснованными, хотя само открытие истины по-прежнему называется целью науки и необходимой составляющей научной дискуссии, а научные теории, даже если они не истинны, – ступеньками на пути к истине. «Всякое знание, – подчеркивает К. Поппер, – является человеческим знанием, ...оно смешано с нашими ошибками, предубеждениями, мечтами и надеждами, и единственное, что мы можем делать – это искать эту истину, даже если она недостижима» [Поппер, 2004: 57].

4) понимание знания как «зеркально-непосредственно-очевидного соответствия действительности» [цит. по Постовалова, 1995, 367]).

а) В антропоориентированной науке акцентируется идея не пассивного понимания мира, а его активной интерпретации. Текст воспринимают не как прямую копию действительности, автономную от коммуникантов и исследуемую внутри себя и ради себя (*in and for itself*), а как уникальный, индивидуаль-но-авторский вариант её концептуализации, объективированный материей текста и активно осваиваемый сознанием интерпретатора. И в порождении текста, и в его восприятии запечатлевает себя уникальность мировидения и мирооценки коммуникантов, меняется лишь направление осмысления текста: от авторского замысла через этапы формулирования идей, тем и мотивов текста, обретающих образную форму, – к её вербализации, или, напротив, от языковой формы – к реконструкции вербализованной в тексте системы образов, воплощающей мотивы, темы и идеи, реализующие в совокупности авторский замысел. В отличие от структурной парадигмы, ориентировавшей исследователя на игнорирование различия между кодами коммуникантов и отрица-

ние необходимости перехода от структуры к тексту и контексту, когнитивная парадигма акцентирует личностные аспекты интерпретации, а саму интерпретацию объявляет целенаправленной когнитивной деятельностью. «В наиболее общем случае» эта деятельность состоит в установлении и\или поддержании гармонии в мире интерпретатора, что может выражаться в осознании свойств контекста речи и в помещении результатов этого осознания в пространство внутреннего мира интерпретатора [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина, 1997, с. 31, 33].

Итак, проанализировав частные конкретизации базисной установки на финалистскую систему знаний в классической науке, а также их модификации в её неклассическом варианте, в частности, в современной науке о тексте, согласимся с В.И. Пустоваловой в том, что эта интенция ослабляет некоторые из названных требований. Касается это и второй из выделяемых базисных установок классической науки – её *интенции на рассмотрение природы как «непосредственно от века данного, всегда равного себе, неразвивающегося целого, вращающегося в одних и тех же ограниченных кругах»*. Конкретизациями этой интенции науки В.В. Ильин и А.Т. Калинин называют методологические принципы статизма, элементаризма и антиэволюционизма (там же). Причинами ослабления вышеупомянутых требований и принципов выступают акцентуации внимания на исследовании социально-исторической динамики научного знания, активности субъекта познания и внутринаучной рефлексии как на «неотъемлемых атрибутах» современной науки. Главное отличие неклассической науки от классической науки заключается в попытке включить субъект познания и его деятельность в науку в качестве её неотъемлемого элемента [цит. По Пустовалова, 1995, с. 367].

Эксплицитное включение универсума человека в онтологию языка становится центральной методологической задачей в «антропологической парадигме изучения языка, находящейся сегодня «в центре жизни науки о языке» и фокусирующей исследовательское внимание на постижении языка в тесной связи с бытием человека: его сознанием, мышлением, культурой, предметно-практической и духовной деятельностью. Подобные ориентации позволяют объяснить на единой методологической основе важнейшие моменты существования языка: его природу,

функциональное назначение, становление и общие принципы внутренней организации [там же, с. 406–407]. В очередной раз, ссылаясь на классическую формулировку Е.С. Кубряковой, можно сказать, что человек является сегодня точкой отсчета любого анализа, включая языковой, а антропоцентризм – одной из важнейших парадигмальных установок современного языкознания, наряду с функционализмом, экспланаторностью и экспансионизмом лингвистики в иные отрасли знания [Кубрякова, 1995].

В широкой философской, культурологической, науковедческой, методологической перспективах проблеме единства знания в лингвистике позволяет поднять идеал цельного знания, подчеркивающий особый статус лингвистического знания в системе знания и шире – во всеобщем культурно-историческом процессе [Постовалова, 1995, с. 413–414]. Важной методологической основой антропоориентированной науки называется её холизм, идея которого была так сформулирована В.С. Соловьевым в его первой работе «Критика отвлеченных начал»: <...> объективное явление в своей действительности для меня совсем не имеет характера простой суммы или какого бы то ни было отвлеченного произведения из многих элементов, а представляет собою определенное индивидуальное единство или, точнее, определенную *единицу*, и все частные ощущения и представления, связанные в моем сознании с этим единичным явлением, относятся к нему не как самостоятельные элементы, его слагающие, а как видоизменения и проявления, его выражающие <...> [Соловьёв, 1988].

Сегодня способность рассматривать сложные, иерархически организованные феномены с холистической точки зрения постулируется как необходимое и единственно возможное условие их осмысления [Князева, 2004, 30–31]. Когнитивистика акцентирует важность производства и потребления знания для понимания разнообразных явлений. Спектр таких явлений широк и охватывает интересующие нас науки о языке и тексте: когнитивную лингвистику, когнитивное литературоведение, когнитивную поэтику, когнитивную стилистику и прочие области гуманитарного знания, фокусирующие внимание на когнитивных подходах к объектам исследования. По мнению Е.С. Кубряковой, это объединение наук в рамках когнитивистики диктуется пониманием того, что разум – настолько сложный объект познания, что из-

учение его не может быть ограничено рамками одной дисциплины [Кубрякова, 1996, с. 58–59].

Экстраполяция идеи целостности на современное научное видение литературного текста позволяет сформулировать ряд её частных конкретизаций. Представляется, что как взаимоотношения частей в составе целого, находящихся в неразрывной связи и обусловленных качественным своеобразием целого, следует рассматривать взаимоотношения:

- автора и читателя как когнитивных, коммуникативных субъектов и языковых личностей, участвующих в процессе литературной коммуникации;

- мировосприятия, миропонимания и мирооценки речетворческого субъекта (автора), единство которых отражается в тексте, объективирующем целостный индивидуально-авторский образ действительности;

- различных видов опыта (жизненного, этического, эстетического и пр.), определяющего особенности порождения и восприятия текста и присущего целостным языковым личностям коммуникантов с характеризующим их прагматиконом, тезаурусом, лексиконом и грамматиконом (фразеология Ю.Н. Караулова) и;

- различных видов знаний интерпретатора-профессионала, как то академических, обыденных и языковых знаний при понимании языка как средства общения коммуникантов и материальной данности художественной речи;

- языка, дискурса как процесса и текста как продукта дискурса;

- текста и коммуникативной ситуации, в условиях которой текст порождается и воспринимается коммуникантами;

- текста и историко-культурного контекста, в который органически встраивается текст и знание ценностей которого необходимо интерпретатору для адекватной интерпретации текста;

- культур, участвующих в межкультурной коммуникации и порождающих многочисленные интертекстуальные переключки в тексте как целостном смысловом образовании.

- конститутивных свойств текста, актуализирующих в совокупности его качественную неопределенность и позволяющих отличить текст от не-текста;

- смыслов в составе текста как иерархически организованного смыслового целого, реализующего авторскую интенцию и пред-

ставленного элементами, фрагментами, планами, уровнями и пр. единицами порождения\формирования текста;

- системы сигналов адресованности, формирующих интерпретационную программу текста, закладываемую в текст автором и реконструируемую интерпретатором.

Взаимосвязи текста и литературных коммуникантов, текста и экстралингвистического (социо-\историко-культурного) контекста, текста и вертикального контекста и пр. изучаются сегодня с позиции формирования целостных знаний: для понимания частных данных привлекается знание целого. Подобная расстановка акцентов детерминируется субъектностью современных стилей научного мышления и теми холистическими тенденциями, которые отличают развитие современной науки. Глобализация культуры, интернационализация человеческих ценностей и информатизация социума приводят к усложнению не только социальных, экономических, политических и религиозных процессов или социальных и личностных конструктов, но и художественных моделей, в которых силою авторского воображения воспроизводятся свойства реального мира. Необходимым условием для понимания механизмов такого воспроизведения является социо-культурная контекстуализация текста, в то время как познание изолированных информационных сведений о тексте оказывается для этого недостаточным. Идея целостности знания, таким образом, правомерно экстраполируется на осмысление художественных моделей, в которых обнаруживают органическую составляющую общих культурных процессов.

Список литературы

Аристер Н.И., Резник С.Д. Управление диссертационным советом. М., 2010.

Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивная философия и современные когнитивные исследования // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 49–65.

Ильин В.П., Калинин А.Т. Природа науки. Гносеологический анализ. М., 1985.

Князева Е.Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М., 2004. С. 29–49.

Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–238.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997.

Мельник С.И., Шахнарович А.М. Об авторе этой книги // Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Поппер К. Предположения и опровержения: Рост научного знания. М., 2004.

Постовалова В.И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 342–420.

Соловьев В.С. Критика отвлеченных начал // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. М., 1988. Т.1. с.691–709. [Электронный ресурс] <http://predanie.ru/solovev-vladimir-sergeevich/book/98683-kritika-otvlechennyh-nachal/#description> (дата обращения 04.01.2017).

Ушаков Е.В. Введение в философию и методологию науки. М., 2005. [Электронный ресурс] <http://yourlib.net/content/view/5240/63> (дата обращения 04.01.2017).

Schirova Irina Alexandrovna (Saint-Petersburg, Russia)

ON METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF MODERN SCIENCE AND A HOLISTIC APPROACH TO A LITERARY TEXT

The article dwells on some methodological foundations of modern science, among which anthropocentrism and holism are mostly accentuated. The idea that systems and their properties should be viewed as wholes whose components are not explained by these parts alone, but by the whole itself, is extrapolated on the whole system of a literary text.

Keywords: *methodological foundation, anthropocentrism, holism, a literary text.*

СЛОВО И ТЕКСТ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 81`111.8

V.V. Kabakchi, E.V. Beloglazova (St. Petersburg, Russia)

TEACHING RUSSIAN-CULTURE-ORIENTED ENGLISH: WHAT FOR AND HOW TO

In the present paper, focusing on the Russian-Culture-Oriented English, we attempted to justify the importance of teaching this specific variety of English as a means of debunking the negative stereotypes related to Russia and popularizing the Russian culture and Russian language.

Keywords: linguoculture, interlinguoculturology, culturonym, secondary cultural orientation of a language, international communication.

Introduction

The late XXth century saw a radical change in the global language situation: while English established itself as a leading means of international communication, the Russian language suffered a setback mirroring the political and economic weakening of the country after the disintegration of the Soviet Union.

Russian cultural heritage and potential are being eclipsed and distorted by the ideologically biased reports born of the political differences between Russia and the Western world. That is why it is of vital importance to take the mission of presenting Russia and its culture to the outward world into our own hands, making use of English in its present role of the world's lingua franca.

Yet, one glance at the current state of affairs makes it outright evident that the mission we have stated is a challenge. Applying a language to describe a culture external to it is a daunting task: performing it requires deep knowledge in the sphere of (1) the culture being described, plus (2) the language being used; and, moreover, (3) the principles of making them meet. The latter – the bridge between a language and a culture, which are not naturally linked to each other – is an object of a special branch of science, interlinguoculturology, providing theoretical and practical background for using languages in their foreign culture orientation.

Thus undertaking the mission of “bringing Russia home” to the English-speaking world requires targeted training, the didactics of which we will attempt to outline in the present paper.

Interlinguocultural competence: essence and composition

It is a well established fact that language and culture form an inseparable unity, which is reflected in the term **linguoculture**.

Using a language in the secondary cultural orientation presupposes developing a purposeful strategy of adjusting the language to a new cultural background, enriching it with a new infrastructure fit to verbalize a particular external culture.

Teaching foreign-culture-oriented English is teaching to develop and employ this strategy, which requires (1) understanding of what constitutes culture in a language, (2) knowing the culture in question, (3) command of the linguistic mechanisms of interlingual transfer, (4) understanding of the determinants of the intercultural communication process and how they affect the choice of the particular transfer solution.

Cultural competence

Intercultural communication in general is impossible without certain cultural literacy. It needs to be born in mind that not only the foreign culture is an object of study, but native culture as well, since it is not something intrinsic, which a natural culture-bearer is born with.

Thus, firstly, the training process should seek to expand the students' cultural horizon through various mediums. Apart from traditional sources of information, it would be an unforgivable blunder not to use video resources such as movies and series, and internet resources such as social networks and personal blogs. For example, the series *Big Bang Theory* offers a unique insight into the life of academia, its characters being young physicists at the California Institute of Technology; *The Get Down* will help to better understand the origins of the hip-hop culture, *Casual* – the intricacies of Americans' family life.

Secondly, students are to be taught where this cultural knowledge, if missing, can be found, quick and easy to use. It is a specific branch of lexicography, aimed at describing various cultures that students need to be familiar with for the purposes of cultural trouble-shooting.

For understanding the British culture the special-purpose dictionary *Великобритания. Лингвострановедческий словарь* [Великобритания 1978/80] can be recommended. An even more valuable source of information is the English-English dictionary of Russian cultural realia by V. Kabakchi [Kabakchi 2002].

Yet, it needs to be born in mind that lexicographic description requires constant updating, and the niche of linguocultural lexicography is currently filled far from adequately. There is an urgent need of creating electronic updated and extended versions of the above named dictionaries, with emphasis on intercultural communication, i.e. the principles of rendering this cultural information in other languages.

Linguistic competence

However reluctantly, we must agree with the low estimation of English-language competence among Russians in general, professed by our foreign guests:

Unfortunately, knowledge of English is not widespread even in St. Petersburg and Moscow, and outside of Russia's two major cities it is virtually non-existent [SPbIYP Oct-Nov 2013].

Yet, English has a long history of application in intercultural communication due to the aggressive international policy implemented first by Britain, and later by the USA. Therefore there is a rich tradition of describing foreign cultures and a vast collection of texts in different genres and topics, related to Russia in particular (*Rossica*). Thus, it can be stated that there already exists a Russian-Culture-Oriented English (RCOE), a variety of ESP, which contains endless useful lessons of overcoming the difficulties, all of which boil down to applying English to the task it was not originally meant to perform.

The study of *Rossica* allowed Interlinguoculturology [Кабакчи, 1987; Кабакчи, 1998; Кабакчи et al, 2012] to develop the general features and principles of using English in its secondary cultural orientation.

Let us consider some examples:

a. Academic paper:

Mikhail Bogoslovskii's *Zemskoe samoupravlenie na russkom severe v XVII v.* became central to any subsequent history of the North, and

Aleksandr Kizeveter's *Russkii Sever: rol' severnogo kraia evropeiskoi Rossii v istorii russkogo gosudarstva*, though hardly more than a booklet, pointed to important historical connections between central Russia and the North. [Kaizer, 2007, c. 68]

b. Popular culturological description:

Through the centuries in town and country Russians ate their *kasha* with wooden spoons and from wooden bowls, drank their *kvas* from wooden dipper-shaped *kovshi*, and passed around the round wooden *bratina* cup at weddings and festivals. [Massie, 1996, c.190]

c. Guide book over St. Petersburg:

Celebrations will start at 11 a.m. at Dostoevsky's grave in the Alexander Nevsky Lavra and then continue on Kuznechny Pereulok and Bolshaya Moskovskaya Ulitsa ... [SPbTimes 29.06.2011]

d. Russian linguocultural column in a newspaper:

Умеренность: temperance

I first started writing about the (Russian) sins, but gave short shrift to **добродетели** (virtues). Let's face it: good behavior is a snooze. I did get through **усердие** (diligence) and **смирение** (humility), however, and now it's time to consider **умеренность** (moderation, temperance). It's a good virtue for January, the month of new fitness club memberships. [MTimes 20.02.2017]

Being to a large extent genre specific, all these texts still have a feature in common: language heterogeneity, i.e. foreign-language insertions («иноязычные вкрапления (включения)») [Леонтьев, 1966; Листрова-Правда, 1986]. This is exactly the feature allowing using English for the purposes of popularizing not only the Russian culture, but the Russian language as well.

There has been developed a series of textbooks and guides to the use of RCOE with the emphasis on the adequate rendering of the Russian culture through the means of the English language [Кабакчи, 2001a; 2001b; 2004]. We shall therefore refrain from retelling them (an undertaking doomed to failure in such a size-restricted genre); instead, let us highlight certain fundamental principles forming the foundation of efficient intercultural dialogue.

1. Russianisms (Russian culturonyms) can be introduced to the English-language texts basing on a variety of techniques (transplantation, transliteration, transcription, calque, hybrid models, etc.), each having its strengths and weaknesses. There is no

predetermined, “the right”, “the only” way to do it – the choice of the particular technique depends on a variety of factors, such as the text genre, the addressee, the function of the culturonym, its place in the text, etc. Therefore it is important to develop flexibility in students and train them in applying all possible techniques, so that they could choose the most adequate in each instance.

For this purpose the following assignments might be suggested:

a. Fill in the gaps with an explication of the xenonym:

The years between the death of Boris Godunov and the accession of Mikhail Romanov is usually known as the *Smutnoe vremya* (...?..)

b. List all the possible ways of introducing the xenonyms into English; link them into a mini essay, so that the xenonyms made sense:

боаре <> царевна <> стрельцы <> Немецкая слобода <> «потешные войска» <> Великое посольство Великое посольство <> «Табель о рангах» <> приказы – коллегии <> патриаршество <> кафтан <> Петербург <> Священный Синод <> Северная война

c. Fill in the gaps with the xenonym introduced by a suitable technique or a combination of techniques:

Visitors should be aware of the quintessentially St Petersburg distinction between the main [*парадная лестница*] of an apartment building, and the subsidiary entrances of the [*двор*]. Traditionally, the [*парадная лестница*] was for show, with handsome mirrors and carpets, while the real life of the apartment revolved around the [*двор*].

2. The general sentiment against loan words needs to be overcome. It is a natural way of expanding a language’s vocabulary. This thesis can be illustrated by the history of any language, whose lexicon would inevitably include borrowings from different languages, reflecting the nations’ political, economic and cultural contacts. The claim of their being non-transparent and, therefore, hampering understanding, rendering the text unreadable doesn’t hold water: when used appropriately, loans add to informativity and precision. It is within our power to make them transparent where necessary by adding explication:

a. ... unofficial literature written within the Soviet Union came to include works circulated illegal in typewritten copies (“*samizdat*”), works smuggled abroad for publication (“*tamizdat*”), and works written “for the drawer”, or not published until decades after they were written (“delayed” literature). [EncBr: Russian literature]

b. Among the wind instruments are the *rog* (primitive horn), the *truba* (wooden trumpet), the *rozhok* (wooden horn with finger holes); there are the *dudka* or *sopel'* (types of flute), and the double end-blown flute – the *svirel'*; reed instruments include the *zhaleika* and the *surna*, while the *volynka* is the equivalent of the Scottish bagpipe. [CamEnc 1994: 266]

c. Russians distinguish between *varen'e*, which should contain large chunks of fruit or whole berries and has plenty of syrup to spare, *dzhem* (from the English jam) which is firmer, often set with pectin and made of puréed fruit, and *pauidlo*, fruit jelly or cheese. [Chamberlain 1988, p.308]

At times authors would not be afraid to introduce loans in more than one form:

Snacks (*zakuski* – *закуски*) are very popular and include all manner of pickled things (*solyonu* – *соленый*) as well as small open sandwiches (*buterbrod* – *бутерброд*). Pancakes (*bliny* – *блины*) are very popular and may come with savoury fillings such as ham (*vetchina* – *ветчина*), caviar (*ikra* – *икра*), cheese (*syр* – *сыр*), mushrooms (*griby* – *грибы*) or sour cream (*smetana* – *сметана*) or with sweet filling such as honey (*myod* – *мед*) or condensed milk (*sgushchonka* – *сгущенка*). [SPbIYP Oct-Nov 2012: 28]

This sample indicates that borrowings play a very important role in some genres, guide books in particular, where they comprise the main contents of the text and actually justify the text creation.

Besides, not all Russian loans are non-transparent and hamper understanding – this myth, that Russian is a “barbarian” tongue wholly inaccessible for a foreigner, needs to be debunked. Throughout its history Russian has been absorbing first German, then French, and now English additions to its vocabulary, so now it can boast a considerable stock of internationalisms.

These words, being the result of long-ago borrowing, are now eagerly borrowed back to indicate things recognizable, but with a distinct local colouring. Therefore we refer to them as “localoids”:

Repeatedly heard in political discussions are words like *konsensus*, *privatizatsia*, *korruptsia*, *plyuralizm* and *konsolidatsia*. [Gallagher, 1992]

Demokratiya, *konstitutsiya*, *parlament* and *Prezident* are all foreign additions to the Russian vocabulary [Time 27.05.1996]

The press is always thundering at these *spekulyanty*, speculators. [Smith, 1976, p. 118]

Like most Moscow *taksisty*, he doubles as paid listener and anonymous confessor [Time 15.12.1993]

... the *demokraty* will still have a substantial presence in the Duma. [MTimes 15.12.95]

This kind of loans allows killing two birds with one stone, rendering cognitive information and generating a certain stylistic effect of estrangement.

In case of re-borrowings of originally English words there emerges an additional humorous effect:

One *vikend* in the life of a Russian girl. [Times 30.11.1981]

Still have the stomach for *biznes*? [Caption; US News... 04.06.1990]

Supermarkety (supermarkets) have become increasingly popular ... [Masters, 2005, p. 166]

The country was flooded with western culture, turning Russians into "biznesmen" overnight. [Guardian 07.02.2003]

These stylistic side effects require careful consideration. In order to recognize them students should be exposed to a large corpus of authentic descriptions for close reading.

3. Although we have been so far discussing application of English to the Russian culture, the principles of secondary cultural orientation are universal and applicable to any language and any culture. Thus we can see the same mechanisms at work where English is applied to the Japanese (sample (a)) and German (sample (b)) cultures:

a. In Japan the usual degrees are the *gakushi* (bachelor), granted after four years of study, and *hakushi* (doctor), requiring from two to five years of additional study. A master's degree (*shushi*) may also be granted. [EncBr]

b. The Bundestag and the Bundesrat (legislative bodies), the *Bundespräsident* (head of state), and the *Bundeskanzler* (head of government) all were located in Bonn during its period as the capital. [EncBr]

On the other hand, we can trace a lot of similarity in the way some Russian culturonyms are introduced into English- and German-language descriptions:

English: By agreement between the Petrograd soviet and the Duma, the Provisional Government was formed, headed by Prince Georgy Yevg-eynevich Lvov (chairman of the Zemstvo Union) and consisting mainly of Kadets and Octobrists, though Aleksandr Fyodorovich Kerensky joined it from the Trudoviki [EncBr: Russia].

German: Am 12. März verkündete das Provisorische Komitee der Duma, es übernehme die Verantwortung für die Wiederherstellung der Ordnung. <...> Das Provisorische Komitee bildete in Absprache mit dem Sowjet eine Provisorische Regierung und verlangte die Abdankung des Zaren. <...>. Die Provisorische Regierung setzte sich, mit Ausnahme des Sozialrevolutionärs Aleksandr Fjodorowitsch Kerenskij, aus denselben liberalen Führern zusammen, die 1915 den progressiven Block in der Duma organisiert hatten. Der Ministerpräsident, Fürst Georgij Jewgenjewitsch Lwow, ein reicher Landbesitzer, war Mitglied der konstitutionell-demokratischen Kadettenpartei, die für eine konstitutionelle Monarchie, die sich später in eine Republik umwandeln sollte, eintrat. Kerenskij, der Justizminister, früher in der Duma Führer der Trudowiki („Arbeitervertreter“), war der einzige Vertreter eines gemäßigten Sozialismus in der Provisorischen Regierung (Russische Revolution // <http://www.schultreff.de>).

The most common techniques of introducing foreign culturonyms (xenonyms) are (1) transliteration (трудовики → Eng. Trudoviki, Germ. Trudowiki) and (2) calque (Временное правительство → Eng. Provisional Government, Germ. Provisorische Regierung), often used in combination.

Thus we can see RCOE has certain specific tools, mechanisms and principles which need to be studied before one undertakes the mission of describing Russian culture to foreigners.

Yet, one should not yield to the spell of illusion that we are dealing with a case similar to arithmetics, with 2 plus 2 being always 4 and with strict rules to guide each step and the whole apparatus ready to use.

Further challenges of Interlinguoculturology

1. The challenge of Romanization

Let us compare some of the transliterated Russianisms from the sample fragments in English and German, provided above:

Russian	German	English
Георгий Евгеньевич Львов	Georgij Jewgenjewitsch Lwow	Georgy Yevgenyevich Lvov
Александр Федорович Керенский	Aleksandr Fjodorowitsch Kerenskij	Aleksandr Fyodorovich Kerensky
Трудовики	Trudoviki	Trudowiki

The link with the original culturonym and between the English and German respective borrowings is evident, yet isomorphism is not quite satisfactory: different transliteration rules are employed for the two Roman-script languages. And even if we consider only one language – English, there remain several standards of Romanisation for the Cyrillic script of the Russian language.

Indeed transliteration is the most important technique of introducing Russianisms into an English-language text, since it allows for high level of precision, remaining at that readable. But with no single standard of Romanization, there is too much variation: Mussorgsky vs. Musorgsky, Diaghilev vs. Dyagilev.

With English as a universally accepted intermediary language, Russian has an urgent need in standardized transliteration [Кабакчи, 1996; Кабакчи, URL].

By all means, transplantation is the most precise technique, but there are technical and human factors against it. Transplantation is used only sporadically, predominantly in guide books and instrumental texts:

Always use an underground crossing (переход) if you can, where at least the insane street musicians and newspaper sellers keep still. [Lehrer, 1994, p. 65].

To exit to the street, follow signs saying «Выход в город», meaning 'Exit to the city'. [Kokker, 2002: 76]

Look for signs saying Паспорт. Фото. [Noble, 1996, p. 122]

These transplants are there not to be read, which is impossible unless the reader has mastered the Cyrillic alphabet, but for reference in case the readers need to identify the word when they meet it in the real world.

The most radical solution to the problem of script transfer is adopting the Roman script for the Russian language. This solution has its advocates; yet, influential as they are, the majority of the

native speakers would definitely be against it. The Cyrillic script is more than a script, it is part of the Russian culture; changing the script would make the boundless cultural heritage inaccessible.

Therefore a less radical solution – that of introducing an auxiliary Roman script – appears preferable. This auxiliary script is to be pegged to the main Cyrillic one and employed only in international contacts, without being imposed for domestic use.

2. The challenge of appropriate methods of teaching Russian as a foreign language.

The modern methodology is most successful in discouraging those few brave hearts having decided to learn Russian. A dramatically different approach needs to be adopted if the charm of the language is to be preserved. A fine example of this approach can be found in the column of Michele A. Berdy – Russian-English interpreter having long lived in Moscow:

When you are renegeing on commitments greater than a trip to the mall, you might use the phrase пойти на попятную, a curious expression that means to walk backward metaphorically: Правительство пошло на попятную по ряду наиболее одиозных мер налоговой реформы (The government had to back pedal on a number of the most objectionable tax reform measures.) Or you could just дать задний ход (to go backward). This can be literal: Он попробовал дать задний ход, но машина забуксовала (He put the car in reverse, but it just spun its wheels.) But it also means reversing a policy or behavior: Власти были вынуждены дать задний ход (The authorities had to back down.) [Berdy, 2017]

3. The lexicographic challenge

We have mentioned above that the available lexicographic resources require updating and expanding. This is true for both Anglophone and Russian culturonyms.

4. The modern Rossica challenge

Finally, having mastered the art of bringing Russia home to English-speakers, there ought to be created a modern corpus of texts describing modern Russia in an adequate and unbiased way.

In lieu of conclusion: afterthoughts

The linguistic practice we have described in the present paper in the natural consequence of languages coming into contact, whereby they interact and interpenetrate. This process has been

noted by L.Shcherba, who suggested that rather than talking about “mixing of languages” we should be studying the “mutual influence of languages” [Щерба, 1958, с. 42]. The same idea of languages “convergence”, “gravitation”, inevitable whenever two languages meet in a single bilingual speaker or a bilingual society has been stated by Н. Paul [Пауль, 1960], Е.Haugen [Хауген, 1972], Yu.Zhluktenko [Жлуктенко, 1981], V.Kabakchi [Кабакчи, 1998].

FCOE, being the language of secondary cultural orientation is by all means a contact phenomenon, resulting from overlapping of linguocultures. This predetermines its distinctly heterogeneous nature, combining the standard English grammar with unique lexical, stylistic and textual features.

In the present paper, focusing on the RCOE, we attempted to justify the importance of teaching this specific variety of English as a means of debunking the negative stereotypes related to Russia and popularizing the Russian culture and Russian language.

This requires special training aimed at developing in students a complex interlinguocultural competence, including culturological and language aspects. This cannot be attained without the foundation laid down by interlinguoculturology – the study of secondary cultural orientation of a language.

Despite great progress in this branch of science and considerable corpus of teaching materials, lexicographic resources and textual sources, there remains a number of problems to be addressed if the mission of debunking negative myths about Russia among the wide English-speaking world is to be accomplished.

List of abbreviations

CamEnc = Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union

EncBr = Encyclopaedia Britannica

FCOE = Foreign-Culture-Oriented English

MTimes = The Moscow Times

RCOE = Russian-Culture-Oriented English

SPbIYP = St. Petersburg in Your Pocket

SPbTimes = The St.Petersburg Times

Bibliography

Великобритания. Лингвострановедческий словарь /А.Р.У.Рум, Л.В. Колесников, Г.А. Пасечник и др. М., 978/80.

Жлуктенко Ю.А. Теория национальных вариантов языка // Варианты полинациональных литературных языков. К., 1981. С. 5–19.

Кабакчи В.В. Внешнекультурная коммуникация (проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры): диссертация ... доктор филол. наук, ЛГУ, 1987.

Кабакчи В.В. Rossiija? (опыт интерлингвистического анализа) // Проблемы истории, филологии, культуры. Межвузовский сборник, вып. 3, РАН Институт археологии МГПИ, Москва-Магнитогорск, 1996. С. 316–322.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 1998.

Кабакчи В.В. Практика англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 2001.

Кабакчи В.В. Практика английского языка межкультурного общения. Religion. Christianity. Russian Orthodoxy (Pravoslavie). СПб., 2001.

Кабакчи В.В. Практика гида-переводчика. In English About St. Petersburg. СПб., 2004.

Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингвокультурологию. СПб., 2012.

Леонтьев А.А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопросы культуры речи. М., 1966, вып.7. С. 60–67.

Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж, 1986.

Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1. Л., 1958.

Пауль Г. Принципы истории языка. М., 1960. С. 459–474.

Хауген Э. Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М., 1972. С. 61–80.

Kabakchi V.V. The Dictionary of Russia (2500 Cultural Terms). Англо-английский словарь русской культурной терминологии. СПб., 2002.

Кабакчи В.В. Кириллица против латиницы: великое противостояние [Электронный ресурс]. URL: <http://vorto.ru/statyi/kirillica-protiv-latinicy-velikoe-protivostoyanie>.

Illustrative sources

Berdy M.A. Mastering a Polite 'No' in Russian // The Moscow Times, May 12, 2017.

Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union, The /A. Brown, M. Kaser, G. Smith (eds.): Cambridge University Press, 1994.

Chamberlain L. The Food and Cooking of Russia. – Penguin, 1988.

Encyclopaedia Britannica. Standard Ed. – CD-ROM, 2001.

Gallagher J.P. English Words Are Talk of Russia // Chicago Tribune, 4 Oct 1992

Guardian, The [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com>

Kaizer D.H. Ivan Nikolaevich Suvorov and the Vologda Archepiscopal Archive // Regional Schools of Russian Historiography, Russica Pannonicana, Budapest, 2007. P. 68-81.

Kokker S., Selby N. St. Petersburg. – Melbourne, Oakland, London, Paris: Lonely Planet, 2002.

Massie S. Land of the Firebird. The Beauty of Old Russia. Heart Tree Press, Blue Hill, Maine, 13th printing 1996.

Masters T. St. Petersburg. Melbourne, Oakland, London: Lonely Planet Publications, 2005.

Moscow Times, The [Электронный ресурс]. URL: <https://themoscowtimes.com/>

Noble J. et al. Russia, Ukraine & Belarus. – Australia: Lonely Planet, 1996.

Smith H. The Russians. – Sphere Books, 1976. Masters 2005

St. Petersburg. In Your Pocket. Essential City Guides. – BCB Tourism and Publishing BV.

St. Petersburg Times, The Time [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/>

В.В. Кабакчи, Е.В. Белоглазова (Санкт-Петербург, Россия)

ЦЕЛЬ И МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ВТОРИЧНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ОРИЕНТАЦИИ

В статье обосновывается важность обучения английскому языку вторичной культурной ориентации как средству разрушения негативных стереотипов о России и популяризации русского языка и культуры.

Ключевые слова: лингвокультура, интерлингвокультурология, культуроним, вторичная культурная ориентация языка, межкультурная коммуникация.

Т.Н. Иванова (Шелингер) (Санкт-Петербург, Россия)

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Статья делает попытку проанализировать проблему перевода поэтического текста с точки зрения антропоцентрического и прагмалингвистического подхода. Объектом анализа является сонет Вильяма Вордсворта «Лондон, 1802» и четыре его перевода на русский язык, принадлежащие к разным эпохам. Это переводы К. Бальмонта, Арк Штейнберга, М. Зенкевича и В. Топорова. Автор статьи рассматривает процесс перевода как взаимодействие автора, переводчика и читателя, как общение языковых личностей, обладающих каждая своей языковой системой и являющихся представителем определенной национальной культуры и определенной эпохи.

Ключевые слова: антропоцентрический подход, прагмалингвистика, процесс перевода, концепт, взаимодействие языковых личностей, иллокуция, перлокуция.

Антропоцентрический подход в лингвистической науке означает анализ лингвистических явлений, который основывается на представлении о человеке как творце языка и как основном движущем механизме речевого общения. Основное положение антропоцентризма сводится к тому, что именно человек, носитель того или иного языка, языковая личность – это отправная точка лингвистических исследований, вне человека не существует языка, и, следовательно, язык нельзя рассматривать как отдельную от человека систему.

Первопроходцами данного направления обычно называют Вильгельма фон Гумбольдта и А.А. Потебню, крупнейших представителей психологизма в языкознании.

Благодаря работам В.М. Алпатов, П.А. Костомарова, С.Г. Воркачева В.И. Карасика [Алпатов, 1993; Костомаров, 2014; Воркачев, 2001; Карасик, 2004] и многих других авторов антропоцентризм в его взаимосвязи с теорией концепта прочно утвердился в современной науке о языке. Антропоцентрический подход дает интереснейшие результаты исследований в самых

разных областях лингвистики. Применение антропоцентрического подхода к переводческому анализу также позволяет использовать необычные ракурсы и получить новые результаты, а также приводит нас к мысли о том, что мы можем рассматривать автора, переводчика и читателя, как участников своеобразного диалога, где каждая сторона является языковой личностью, которая привносит в этот процесс свои, только для этой личности характерные взгляды, идеи и концепты. Необходимо, безусловно, учесть временного фактора, картины эпохи, когда создавался оригинал и когда создавался перевод и того временного периода, когда перевод «находит» своего читателя.

В данной статье делается попытка использовать антропоцентрический подход при анализе перевода поэзии, Текст оригинала – это высказывание, порожденное автором, и, следовательно, основывается на выбранных им концептах, понятиях и оценках, тогда как текст перевода порождается другой языковой личностью, концептуальная система которой отлична от концептуальной системы автора оригинала. Если рассматривать текст оригинала с точки зрения прагматики, мы можем выявить иллокуцию автора оригинального текста, сделать вывод о тех концептах, на которых строится образ. Оригинал строится на иллокуции автора, желающего передать ту или иную идею, воздействие оригинального текста на переводчика – это перлокутивный эффект, о котором мы можем судить по некоторым косвенным признакам. Далее переводчик пытается реализовать сходную иллокуцию, в переводном тексте. Однако не может уйти от самого себя, от своей системы ценностей, от концептов, которые являются частью его языкового сознания.

Переводчик, создавая свой текст, не только проявляет свою языковую личность, он исходит из представления о современном ему читателе. В свою очередь текст перевода оказывает перлокутивный эффект на читателя, давая толчок к размышлениям и порождая третий ряд концептов.

Проследим описанный процесс на примере сонета Вильяма Вордсворта «Лондон, 1802» и ряда его переводов на русский язык.

Поскольку форма сонета невелика по объему, приводим оригинал целиком:

MILTON! thou shouldst be living at this hour:
England hath need of thee: she is a fen
Of stagnant waters: altar, sword, and pen,
Fireside, the heroic wealth of hall and bower
Have forfeited their ancient English dower
Of inward happiness. We are selfish men;
O raise us up, return to us again,
And give us manners, virtue, freedom, power!
Thy soul was like a Star, and dwelt apart;
Thou hadst a voice whose sound was like the sea:
Pure as the naked heavens, majestic, free,
So didst thou travel on life's common way,
In cheerful godliness; and yet thy heart
The lowliest duties on herself did lay.
[Wordsworth, 1984]

Сонет называется “London, 1802”, потому что, возвращаясь из послереволюционной Франции, Уильям Вордсворт сделал остановку в Лондоне и был полон печальных мыслей о судьбах собственной родины. Англия, которая превратилось в тихое застойное болото, огорчает поэта, он считает, что утрачено нечто великое и буквально «воскрешает» в умах читателей образ великого поэта, а, главное, публициста и оратора Джона Мильтона, потому что Милтон ассоциируется с революцией английской, а главное с мощными революционными идеями. К тому моменту после смерти Мильтона прошло уже почти 130 лет, и, конечно, революция, которой жаждет душа поэта, это не возврат к Английской Буржуазной революции, это скорее тоска по высоким чувствам и отсутствию людей, которые столь же масштабно мыслят, как мыслил Джон Милтон.

Образы и концепты, которыми создается образ Мильтона – это душа, как звезда (ассоциации с путеводной звездой моряков), голос, как море, мощный вал, душа – чистая, как небо и в то же время в сердце – долг, каждодневные обязанности – это отсылка к деятельности Мильтона в качестве Латинского секретаря при Оливере Кромвеле. Эта серия концептов связана с морем, которое так характерно для Британии и с тем долгом, который каждый должен осознать перед страной. В анализируемых переводах об-

щий настрой – тоску по революции и бунтарский образ Мильтона удается сохранить, но образы и концепты у разных переводчиков очень различаются. Мы проанализируем их в хронологическом порядке.

Перевод Константина Бальмонта, первый и наиболее часто цитируемый вышел через 90 лет после написания стихотворения Вордсворта, в 1893 г.). Он представляет собой, соответственно, текст, отодвинутый от автора оригинала во времени. Кроме временного фактора, безусловно, важен фактор страны. Англия начала XIX века и Россия конца XIX века – это совершенно разные контексты, разная реальность. Объединяющим началом является образ революции.

Мильтон! Зачем тебя меж нами нет?
Британии ты нужен в дни паденья!
Везде заветов прошлого забвенья,
Погибла честь, померкнул правды свет.
Родимый край под гнетом тяжких бед,
В оковах лжи, тоски, ожесточенья.
О, пробуди в нас честные стремленья,
Стряхни могильный сон, *восстань, поэт!*
Твоя душа была **звездой блестящей,**
Твой голос был **как светлый вал морской**
Могучий, и свободный, и звенящий;
Ты твёрдо шел житейскою тропой.
Будь вновь для нас зарю восходящей,
Будь факелом над смутною толпой!
[Вордсворт, 2001]

Бальмонт, несомненно, думает о ситуации в России (родимый край под гнетом тяжких бед – это не тихое болото Англии Вордсворта), но вдруг наряду с образами исходного стихотворения – звезда, морской вал, возникает восходящая заря, факел, концепт огня, образы, характерные для революционной поэзии конца XIX, начала XX века. Достаточно вспомнить «мировой пожар» и испепеляющие годы А.Блока, горящее сердце Данко у Горького.

Концепт огня у Блока подробно анализирует И.Н.Литвин, который считает, что корни «огненных» метафор Блока в на-

родных верованиях античной мифологии и славян, в том числе ссылаясь на Новгородские берестяные грамоты [Литвин, с. 277, с. 279]. В результате использования образов, не свойственных автору оригинала, Бальмонт делает из Мильтона еще большего революционера, чем он был и говорит о выходе на улицы (смутная толпа), сонет от тоски по ушедшей в прошлое революции становится призывом к новой революции, и, тем самым, уходит от оригинала. Думается, что при общении с читателем того времени Бальмонтский перевод читался как злободневное, возможно даже агитационное произведение.

Перевод Аркадия Штейнберга создавался, по-видимому, в конце 40-х–50 годы, хотя в связи с тем, что их долго не печатали, могут быть некоторые неточности в датах. Штейнберг, наверное, ближе всего подошел к оригиналу и звучание рифм близко к тому, как звучит оригинальный сонет.

Как нынче, Мильтон, Англии ты нужен!
Она – болото; меч, перо, амвон,
Село и замок впали в мутный сон.
Мы себялюбцы, и наш дух недужен.

Вернись же к нам, дабы тобой разбужен
Был край родной и к жизни воскрешен!
Пусть мощным, вольным, властным станет он
И с добродетелью исконной дружен.

С душой, как одинокая звезда,
И речью, словно гул стихии водной,
Как небо чист, могучий и свободный,

Ты *бодро-благочестным* был всегда,
Взвалив на сердце, в простоте *безгневной*,
Убогий труд работы повседневной.
[Вордсворт, 2001]

Штейнберг, несмотря на то, что по времени создания перевода он дальше от оригинала, чем Бальмонт, сохраняет концепты и образы автора с удивительной точностью, хотя, возможно, по-

следнее трехстишие несколько больше усиливает религиозную ноту – «бодро-благочестный и безгневный» – слова религиозного ряда. Для сравнения у Вордсворта – одно понятие “cheerful godliness”. Возможно, на А. Штейнберга оказали влияние его интерес к самому Мильтону, изучение его жизни и его эпическая поэма «Потерянный Рай», которую тоже переводил Штейнберг.

Интересный вариант перевода создает Михаил Зенкевич, трагически погибший в 1973 году. И снова появляются новые концепты, которые приносят другую окраску в тон всего стихотворения.

О, Милтон, должен жить ты в эти годы!
Ты нужен Англии; она сейчас
Стоячее болото; в ней угас
Дух радости, *закал былой породы*.

Алтарь, перо и меч, очаг, зал, своды
Покинул он. *В корысти мир погряз*.
О, к нам приди и подними всех нас,
Верни нам доблесть, *мужество свободы*.

Твой дух сиял звездой одиноко,
А голос твой звучал прибоем *бурь*,
Свободен, величав, чист, как лазурь.

Ты *странствовал* среди житейских нужд
Божественно-светло, но дух высокий
Обязанностям низким не был чужд.
[Вордсворт, 2001]

Здесь появляется слово «корысть», которое усиливает и несколько изменяет концепт selfish men, себялюбцы, «мужество свободы», «*закал былой породы*», как представляется – образы, навеянные в какой-то степени советской традицией тех лет (как *закалялась* сталь), очень интересно передан сильный накал страстей в первой, второй и третьей строфе, а вот в конце вдруг возникает мотив странствия и божественно-светлого начала. Время революционного накала, о котором писал Бальмонт, осталось да-

леко позади, и тихая стихия, но высокий дух занимает большее место в передаче стихотворения.

Еще один перевод данного сонета принадлежит перу В. Топорова, его перевод также отличается большим своеобразием и уже современным, наверное, в какой-то степени грубовато-просторечным языком, который, по мнению переводчика, очевидно, будет ближе и понятнее современному читателю.

Нам нужен, Мильтон, – ты! Отчизна ждет.

Трясина дней, стоячее болото

Священника, солдата, рифмоплета,

Пустопорожных мнений и хлопот -

Таков, порвавший с прошлым, этот год,

Поправший нашу праведность. Забота

Лишь о себе к нам ломится в ворота.

Вернись! верни свободу и почет,

Былую доблесть и благую силу.

Ты был звездой, сиявшей с высоты.

Реченья, величавы и просты,

На берег Альбиона набегали,

Как волны, – но послушные кормилу.

Ты понимал и низкие печали.

[Вордсворт, 2001]

Изменен ритмический рисунок, он становится более резким и рваным: «Нам нужен, Мильтон, – ты!» Слова «отчизна зовет», «рифмоплет», «пустопорожные мнения и хлопоты», «забота», которая «ломится в ворота» -- концепты, которых нет в оригинале или они отягощаются новой коннотацией или сдвигом в оценках. Все стихотворение в результате звучит очень современно и хлестко, заставляя вспомнить язык современных СМИ. Однако вдруг появляются «низкие печали» и «реченья», которые прямо «набегают» как волны на Альбион. Как будто, Мильтон находился где-то извне, «послушание кормилу», образ контроля над ситуацией, который также не очевиден в стихотворении Вордсворта, но звучит, как, видимо, представляется переводчику, весьма современно. К сожалению, за всей этой жесткостью мне как читателю, трудноато разглядеть мечтательного лирика

Озерной школы. В этом и заключается коммуникация автора, переводчика и читателя. Дальнейшие исследования могут выявить, насколько, намеренный перлокутивный эффект, предполагавшийся переводчиком и автором, действительно реализовался в воздействии на читателя.

Список литературы

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // *Вопр. языкознания*. М., 1993. № 3. С. 15–26.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // *Филологические науки*, 2001. № 1. С. 64–72.

Гумбольдт, Вильгельм фон. Язык и философия культуры [пер. с нем.]; сост. общ. ред. и вступ. ст. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М.: Прогресс, 1985.

Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2014 № 2 (58) Т. 1, С. 198–203.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004.

Литвин И.Н. Ассоциативно-метафорическая сфера концепта «огонь» в поэзии А. Блока // *Язык. Текст. Дискурс*. Научный альманах. Вып. 9, Ставрополь, 2011, С. 276–283.

Потебня А.А. Полное собрание трудов: мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.

Wordsworth W. *Poems in Two Volumes (1807): A Facsimile* (London: British Library, 1984).

Вордсворт У. Избранная лирика: Сборник/Составл. Е. Зыковой. На английском языке с параллельным русским текстом. М.: ОАО Издательство “Радуга”, 2001. [Электронный ресурс] URL: http://www.lib.ru/INOOLD/WORDSWORTH_W/wordsworth1_1.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 16.02.2017)

Tatiana Nikolayevna Ivanova (Saint-Petersburg, Russia)

ANTHROPOCENTRIC APPROACH IN THE ANALYSIS OF TRANSLATION PROCESS

The article is an attempt to analyze the issue of translation of poetry in terms of anthropocentric and pragmalinguistic approach. The research focuses on William Wordsworth sonnet "London, 1802" and its four translations into Russian by four Russian translators: Konstantin Balmont, Arkady Steinberg, Mikhail Zenkevich and Vladimir Toporov. The author considers the process of translation a certain interaction of the author, the translator and the reader and communication of different linguistic personalities, each being a product of its own epoch and national culture and each using its own language system.

Keywords: Anthropocentric approach, pragmalinguistics, process of translation, concept, interaction of linguistic personalities, illocution, perlocution.

А.И. Приходько (Запорожье, Украина)

КОММУНИКАТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В статье предпринята попытка интеграции наиболее существенных компонентов, характерных для всех РА и их коммуникативных значений в рамках межкультурной коммуникации. Автор включает в рассмотрение содержания коммуникативного значения такие компоненты ситуации как мотив, поиск и выбор средств реализации соответствующих речевых актов, понимание интенции, осознание необходимости совершения данных речевых актов, соотношение аксиологических и эмпирических установок адресанта и адресата, прогнозирование и выведение результатов.

Ключевые слова: дискурс, коммуникация, межкультурный, предложение, высказывание, речевой акт, адресант, адресат, установка.

Для современной лингвистики характерна двусторонняя направленность вектора научного исследования в отношении «дискурс – личность», когда личность изучается через дискурс, и, наоборот, посредством анализа личности коммуниканта исследуется дискурс – как результат когнитивной деятельности, как коммуникативное событие в определенной социальной интеракции. Когнитивно-дискурсивная парадигма, отличающаяся своей антропоцентрической направленностью, дает возможность установить лингвоментальные основания процессов креативной и интерпретационной деятельности субъектов дискурса и возможностей их репрезентации в тексте.

Когнитивно-дискурсивный подход обеспечивает органическую взаимосвязь и взаимовлияние когнитивных и коммуникативных факторов процесса языкового общения. Исходя из этого, мы можем охарактеризовать когнитивно-дискурсивную парадигму как комплексную, позволяющую наиболее полно и разносторонне изучить все явления и структуры языка.

Исследование речи в межкультурном аспекте предполагает подход к языковым явлениям с учетом факторов, лежащих вне языка – социальные характеристики коммуникантов, особенно-

сти их взаимоотношения, отношение к предмету коммуникации, внешним условиям общения и др. Естественно, что раскрытие данных факторов требует особого материала для исследования и поиска такого объекта анализа, в котором данные отношения наиболее отчетливо представлены. Данным объектом был призван считаться дискурс, т. е. речь как целенаправленное социальное действие, включающая все экстралингвистические факторы ее протекания, а минимальной единицей дискурса был определен речевой акт (РА).

В данной статье предпринята попытка интеграции наиболее существенных компонентов, характерных для всех РА и их коммуникативных значений в рамках межкультурной коммуникации.

Содержание языкового знака связано с внеязыковой действительностью и с субъектом речи, репрезентирующим эту действительность. Обращение к человеческому фактору, характеризующее содержание культурологических исследований, сыграло также основополагающую роль в изучении языка как феномена общей познавательной деятельности индивида и привлекло культурологический аспект в изучение коммуникативного значения.

Известно, что в современных науках о языке и мышлении данный фактор играет основополагающую роль, поскольку позволяет взглянуть на предмет исследования с точки зрения его реальной ситуации, актуализации его главных и скрытых функций. В философии, литературоведении, теории и практике перевода и других научных дисциплинах, в которых наблюдается диалог культур, проблема коммуникативного значения звучит сегодня по-новому; а именно, в данных исследованиях коммуникативное значение получает сложную структуру, где помимо лингвостилистических компонентов учитывается ряд неязыковых факторов, не имеющих прямого выражения в тексте, но влияющих на его прагматическое наполнение. В связи с этим интересна для исследования диалогическая речь, поскольку именно в ней в полной мере проявляется диалог культур и происходит понимание (или непонимание) своего партнера в межкультурной коммуникации.

С объяснением сущности данного явления связаны вопрос о границах научного анализа языковых единиц в лингвокультурологическом аспекте и вопрос о необходимости собственно данно-

го, а не какого-то другого термина для исследования. Действительно, определяя РА как единицу живой коммуникации, как отрезок речи, наделенный определенной коммуникативной целью, невозможно выделить четкие признаки РА, отличающих его, например, от предложения, рассматриваемого как минимальная коммуникативная единица языка, или высказывания, характеризующегося стандартно тремя видами целевой установки: повествование, вопрос, побуждение.

Диалогический дискурс позволяет изучить естественный язык не как самостоятельный продукт субъекта речи, а как неотделенный от субъекта речи и других экстралингвистических факторов в диалоге культур. Диалог подчинен психологии межличностных и межкультурных отношений, сильную роль при этом играет социальный фактор. Все это, с одной стороны, облегчает культурологическое изучение актуальных речевых актов, с другой стороны, обнаруживает определенные трудности в соотношении теоретически построенного диалогического дискурса и его реального эквивалента – живого разговорного диалога.

Диалогический дискурс как сфера человеческой деятельности носит системный характер. Это значит, что все компоненты диалога тесно взаимосвязаны друг с другом. Многие из них имеют внеязыковую природу. Кроме того, диалогический дискурс – понятие абстрактное, включающее все формы диалога и внешние факторы его существования. Нам же необходимо выделить в нем такую единицу, которая позволила бы наиболее полно раскрыть специфику заявленных в работе речевых актов. Помимо диалогического единства единиц лингвокультурологического анализа могут быть более крупные образования, а именно, диалогические блоки, фрагменты, этюды, отрывки, речевые трансакции и т.д. Их границы и содержание подчинены задачам и целям исследования и поэтому определяются в каждом отдельном случае по-разному. Понятие ситуативно-речевого блока существенно расширяет границы исследования речи. В диалоге культур ситуативно-речевой блок следует рассматривать как единицу диалогической коммуникации, состоящей из двух компонентов: языкового и ситуативного. В этом случае, помимо диалогической реплики к анализу привлекается ситуация ее совершения. Коммуникативный блок определяется как единица более высокого

порядка, чем диалогическое единство, поскольку блок содержит последовательность реплик, состоящих из нескольких высказываний, следовательно, основанием для выделения коммуникативного блока в межкультурном диалоге может выступать чисто формальный принцип.

Понятие диалога-этюда связано с экспериментальными исследованиями диалогической коммуникации. В этих работах речь идет о кратких диалогах на разговорные темы, схематично передающих ситуацию общения, роли и цели каждого коммуниканта. Например, в исследовании М.Л. Макарова диалог-эюд служит средством активизации испытуемых с целью изучения конфликтных и кооперативных ситуаций в живой разговорной речи [Макаров, 2003, с. 129–134].

Следует заметить, что не только речевые акты обретают в живой коммуникации статус стимул/реакция. В данной роли могут выступать невербальные действия или целые коммуникативные ситуации. Они не сводимы к вербальному действию и не наблюдаемы в речи, однако могут быть описаны в ходе научного анализа.

Таким образом, в культурологическом исследовании коммуникации ставится задача детального описания явлений коммуникативного стимула и его возможных вариантов для разного рода речевых актов, что ранее сводилось только к грамматическому исследованию.

Коммуникативный стимул рассматривается исследователями либо как явление объективного мира – внешние условия и причины реализации того или иного РА, либо как результат когнитивных действий индивида, т. е. мотив, внутренний импульс или как некоторый абстрактный РА, предшествующий исследуемому. На этом основании научному описанию подвергается определенный тип речевого акт с точки зрения исчисления всех возможных на него реакций. Чаще всего в качестве стимула рассматриваются речевые акты просьбы или вопроса, поскольку реакцией на них являются преимущественно вербальные акты. Во многих из исследований коммуникативный стимул выступает некоторым фоном, косвенным средством описания вербальной реакции с точки зрения ее прагматического содержания: негативная/ позитивная, а также в плане ее синтаксического оформления (эллипсисы).

Видя возможность возникновения двусмысленности в понимании цели описываемых речевых единиц, Дж. Остин вводит особую характеристику РА – иллокутивную силу [Austin, 1994, с. 86–87]. Данное понятие в отличие от цели высказывания и предложения имеет прагматическую природу, т. е. не всегда предполагает языковую реализацию. Коммуникативное назначение языковых единиц мыслится широко и динамично, как иллокутивный акт, который присущ всякому поступку человека, его каждому действию, не только речевому.

Таким образом, уже в самом термине «речевой акт» были обозначены важные характеристики данного явления. Во-первых, РА – это вид социального действия, поэтому он характеризуется целенаправленностью и намеренностью. Во-вторых, РА – это речь, а значит: он всегда подразумевает межличностные отношения (говорящего и адресата). Данные отношения невозможны без учета принципов и правил речевого поведения, поэтому РА всегда конвенционален. Исследование этих двух характеристик РА легло в основу ТРА.

Представляя собой прагматический компонент и классификационную характеристику РА, иллокутивная сила, не является изолированной надстройкой над языковым оформлением РА, а тесно взаимодействует с ним, актуализируя его пропозициональное содержание. Именно наличие данного типа отношений внутри РА позволяет отличить его от таких коммуникативных единиц как предложение и высказывание. Вопрос о соотношении этих трёх понятий остается и сегодня актуальным.

В диалоге культур предложение, высказывание и речевой акт могут рассматриваться как единицы одного уровня, отличающиеся друг от друга лишь сложностью внутренней структуры. Самую простую структуру имеет предложение как модель (звуковой) реализации мысли. Высказывание характеризуется как предложение, произнесенное в ряде однотипных ситуаций общения. В отличие от предложения для существования высказывания предполагается наличие контекста и интенции говорящего, но их коммуникативное значение неопределимо, т. к. непостоянно. Оно меняется от одной коммуникативной ситуации к другой. Речевой акт напротив характеризуется одной из допустимых интенций, поскольку реализуется в конкретной коммуникативной

ситуации. Все экстралингвистические характеристики этой ситуации РА присущи только ему. Их изменение влечет за собой изменение типа РА, а их наличие вообще позволяет говорить о РА как таковом, а не о предложении или высказывании. Таким образом, РА представляет собой высказывание + культурологический фактор, а высказывание характеризуется как предложение + контекст.

Существует иной подход к соотношению понятий «предложение», «высказывание» и «речевой акт». В основе данного исследования лежит природа, происхождение данных единиц. На этом основании предложение, высказывание и РА относят к единицам разного уровня. Предложение является единицей синтаксического уровня языка (грамматики). Оно обладает структурой и значением, но то и другое рассматривается формально, без ссылки на конкретную коммуникативную ситуацию, поскольку коммуникативность предложения лишь потенциальна, гипотетична. Связь предложения с коммуникативной ситуацией определить весьма сложно, а в большинстве случаев при синтаксических исследованиях в этом просто нет необходимости. Высказывание является единицей речевого уровня. Потребность в данной единице возникла при переходе от формального изучения языка к коммуникативно обусловленным языковым структурам, вопросам функционирования языковых единиц в речи.

РА выводит исследователя за пределы чисто лингвистического анализа. Вербальные и невербальные средства выступают здесь «на равных». Поэтому первоначально РА рассматривается как единица не лингвистическая, а скорее логико-философская. Это единица измерения (исследования) речевой деятельности, которая включает все факторы, нюансы этого процесса. Попытка вскрыть сущность речемыслительных процессов путем создания естественных условий его протекания «породила» речевой акт.

Термин РА сейчас активно употребляется в культурологических исследованиях, как общего, так и частного характера. Естественно, содержание этого понятия несколько изменилось, приобрело лингвистическое наполнение, отошло от философской направленности. Однако единого мнения в трактовке этого явления до сих пор не существует. Оставаясь в рамках лингвистического подхода к РА, можно выделить как минимум два типа его

определений, а значит, два способа прагматического исследования языка. Для одних ученых речевой акт является, прежде всего, актом говорящего, элементарной единицей сообщения, речевым поступком, коммуникативным ходом/шагом. В этом случае в центре внимания ученых становится изолированный РА, исследуются компоненты его синтаксической структуры, и осуществляется поиск наиболее точных интерпретаций этой структуры. В иных лингвопрагматических концепциях РА подразумевается как негласный синоним коммуникативного акта, т. е. характеризуется потенциальной диалогичностью, участием в нем коммуникантов. На этом основании РА признается главной структурной единицей речевого взаимодействия. Говоря применительно к РА о взаимодействии, а не воздействии, об общении, а не только сообщении, ученые подвергают критике исследование изолированных речевых действий и составляющих их языковых единиц, настаивают на привлечении помимо интенции говорящего иных экстралингвистических факторов межкультурной коммуникации.

Следует согласиться с точкой зрения, что РА является поступком говорящего и несет в себе информацию об его авторе. Однако исследуя РА, мы не можем ограничиться знанием о его языковой структуре и намерении говорящего, для описания речевого акта как лингвокультурологического явления этих параметров не достаточно. Рассматривая «интерактивные ходы» партнеров внутри директивного диалога, необходимо учитывать тот факт, что каждый «ход» имеет свою функцию-цель, а также свои предпосылки и свои последствия, поэтому помимо анализа интенции говорящего мы должны также выявить, какой эффект был достигнут реализацией данного РА, т. е. исследовать сторону адресата, а также взаимодействие обоих коммуникантов. В этом смысле целесообразна вторая точка зрения, требующая комплексного исследования РА. Обобщенная дефиниция речевого акта и его коммуникативного значения может быть сформулирована следующим образом.

РА в широком смысле есть актуальная реализация (произнесение) высказывания в определенной речевой ситуации, несущее на себе отпечаток этой ситуации. Последний момент важен для практического исследования речевых актов, ведь мы не можем

заниматься изучением единовременных, одномоментных явлений, из которых состоит речевая деятельность и строится межкультурная коммуникация и которыми является произнесение высказывания. Тем не менее, РА является необходимым термином лингвистической прагматики и межкультурной коммуникации, поскольку ни с «высказыванием», ни с «предложением» не соотносимы понятия интенции, социальных ролей, реакции адресата и т.д. РА представляет собой единицу взаимодействия лингвистических и прагматических явлений, как следствие, – все составляющие компоненты РА рассматриваются под этим углом зрения.

На основании вышесказанного следует сделать некоторый вывод: исследование речевого акта представляет собой научный анализ прагматических компонентов его реализации на локутивном, иллокутивном и перлокутивном этапах: языковое оформление, характеристика коммуникантов, время, место и условия совершения и др.

Речевой акт, подвергаясь культурологическому анализу, воспринимается исследователем через призму соответствующей коммуникативной ситуации, в которой он реализуется. В связи с этим мы сталкиваемся с проблемой определения границ этой ситуации, причем не только на формальном, но и на содержательном уровне.

Содержание прагматической ситуации, в которой осуществляется РА, имеет иерархическую структуру. В ее основании лежит некоторый концепт-сценарий как обобщенный образ данной ситуации, например «просьба», «заявление», «обвинение», «клятва» и т. д. Данный концепт объединяет вокруг себя различные когнитивные единицы, конституирующие в памяти коммуникантов законченную модель знания о той или иной прагматической ситуации.

Термин «концепт-сценарий» своим происхождением обязан современной когнитивной теории языка. Следует заметить, что сам «концепт» в когнитивной лингвистике трактуется учеными по-разному: от его понимания как ментальной единицы, кванта структурированного знания, воплощенного в слове, до концепта как когнитивного репрезентатива/заместителя вещей в их взаимодействии друг с другом. В последнем случае вербализация

концепта происходит не только на уровне слова, но и в масштабе некоторой коммуникативной ситуации, раскрывающей ту или иную сторону концепта, например, концепты «репетиция», «лекция», «игра» и др. Подобные концепты получили в теории когнитивной лингвистики обозначение «концепт-сценарий», «концепт-скрипт». В таком понимании термин «концепт» фигурирует в настоящей статье.

Одна из первых попыток соотношения понятия «концепт» и прагматического явления, РА, была предпринята Т.А. ван Дейком, который рассматривает РА как фрейм в том смысле, что РА предполагает знание о ситуации и средствах реализации интенции, т. е. данная прагматическая схема не хаотична, а организована вокруг некоторого концепта [Дейк, 2000, с. 16–17].

Содержание речевого акта включает несколько значений, в одном из них данный речевой акт выступает в актуальной речевой ситуации. Значение речевого акта отлично от значения языковых единиц, оно всегда рассматривается во взаимодействии с его иллокутивной силой, поскольку именно иллокуция придает речевому акту актуальный смысл, актуализирует его значение. Развивая эту идею, Л. Витгенштейн утверждал, что значение высказывания полностью зависит от его употребления, иными словами: значение есть способ употребления речевого акта в коммуникации, а поскольку способов, по его мнению, может быть бесконечно много, то вообще невозможно говорить о каком-либо значении высказывания [Wittgenstein, 1958, с. 10].

Наблюдения показывают, что составляющие единицы «концепта-сценария» могут быть в зависимости от конкретной ситуации различными, что требует в каждом конкретном случае пересмотра этих компонентов и выявления среди них самых существенных. Таким образом, правомерно расширить границы исследования РА и включить в рассмотрение содержания коммуникативного значения такие компоненты ситуации как мотив, поиск и выбор средств реализации соответствующих речевых актов, понимание интенции, осознание необходимости совершения данных речевых актов, соотношение аксиологических и эмпирических установок адресанта и адресата, прогнозирование и выведение результатов.

Список литературы

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003.

Austin J.L. How to Do Things with Words. Stuttgart, 1994.

Wittgenstein L. Philosophical Investigation. N.Y., 1958.

Prihodko Anna Ilinichna (Zaporozhye, Ukraine)

**COMMUNICATIVE MEANING IN INTERCULTURAL
COMMUNICATION**

The article explores the communicative meanings and essential components characteristic of all types of speech acts realized in the process of intercultural communication. The author states includes into consideration of the contents of the communicative meaning such components of the situation as a motive, the search and selection of means of implementation of the relevant speech acts, understanding of intention, awareness of the necessity for the commission of these speech acts, the correlation of the axiological and empirical intentions of the sender and the addressee, forecasting and inference of results.

Keywords: discourse, communication, intercultural, sentence, utterance, speech, sender, addressee, intention.

Ю.В. Сергаева, В.П. Сизов (Санкт-Петербург, Россия)

AmE VS. BrE: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ АМЕРИКАНИЗАЦИИ БРИТАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются социокультурные и языковые аспекты американизации британского варианта английского языка. Приводятся корпусные данные и результаты опросов, свидетельствующие о проявлении американизации в устной и письменной речи британцев на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях языка.

Ключевые слова: американский вариант английского языка, британский вариант английского языка, американизмы, американизация, заимствование, вариантология.

В наше время, когда глобализация достигла внушительных масштабов, язык является одним из маркеров происходящих изменений в межкультурном пространстве. Изменения языкового ландшафта вполне очевидны – в первую очередь, это доминирование английского языка в межкультурном общении, так называемая «глобанглизация» [Кабакчи, 2009; Кабакчи, Белоглазова, 2012], породившая Global English с его усредненными характеристиками; также заметна тенденция к расширению круга мировых английских (World Englishes) с формирующимися внутривариантными нормами [Кристал, 2001; Прошина, 2017]. На фоне этих изменений возникает вопрос, какой региональный вариант влияет на становление норм английского языка международного общения (АЯМО, EIL) и многочисленных World Englishes? Опять же, ответ вполне очевиден – если 19-й век считался подъёмом британского варианта английского языка (BrE), то с середины 20-го века и по настоящее время наблюдается экспансия американского английского (AmE), проникающего даже на, казалось бы, «заповедную» территорию – в речь британцев.

Процесс американизации британского варианта английского языка не перестаёт быть предметом пристального внимания лингвистов: ещё в 1975 г. Д. Кристал отмечал роль поп-культуры

США в распространении американского английского в Европе (включая Великобританию) [Crystal, 1975], Ф. Гуден при периодизации истории сложения и развития английского языка выделил «американскую эру» (American era), начавшуюся с 1940-х гг., [Gooden 2011], о доминировании США в языковой сфере писали также J. Algeo (2011), Ch. Mair (2006), З.Г. Прошина (2017), Е.В. Ларцева (2012), Г.А. Низкодубов (2006) и многие другие.

Основными причинами такого межвариантного влияния являются не только экономическое и политическое доминирование США в Европе и на мировом уровне, развитие транснационального бизнеса и американизация Интернет-пространства, но и, как уже отмечалось, активно пропагандируемая массовая культура: американские телешоу, фильмы, музыка и пр. Количество американского варианта английского языка, воспринимаемого среднестатистическим молодым британцем сегодня значительно превосходит этот показатель десять лет назад. Возникновение американских ролевых моделей, образцов для подражания – один из основных факторов популяризации американизмов в современной речи британцев.

Американизированный английский рассматривается обществом как признак современности, в то время как продолжают размываться рамки литературных норм. Эти изменения заметны не только в речи простых британцев, актеров и исполнителей поп-музыки, но даже в речи членов королевской семьи – тех, кто призваны стать образцовыми носителями британского варианта английского языка, главными его защитниками и хранителями. Пуристы языка высказывают свои опасения, что подобная тенденция может привести, в конечном счете, к кризису этнической идентичности британцев.

Рассмотрим далее, в чем именно проявляется американизация британского варианта английского языка и какие факторы способствуют этому процессу.

Проявление американизации британского варианта английского языка можно наблюдать на разных уровнях – лексическом, грамматическом и фонетическом, орфографическом, на уровне письменных и ролевых дискурсивных практик. В рамках настоящей статьи мы ограничимся первыми тремя.

На лексическом уровне влияние американского варианта наиболее заметно и проявляется, прежде всего, в наличии американизмов в широком спектре письменных и устных текстов из британских источников, различающихся как по стилю, так и по коммуникативной задаче. В репортажах службы ВВС неоднократно поднимался вопрос, почему британцы все чаще используют американизмы вместо британских эквивалентов: напр., *rookie* (AmE) вместо *newcomer* (BrE), *elevator* (AmE) вместо *lift* (BrE), *wrench* (AmE) вместо *spanner* (BrE), *freight train* (AmE) вместо *goods train* (BrE) и т.п. [<http://www.bbc.com/news/14130942>]

В качестве подтверждения тенденции вхождения американизмов в речь британцев можно привести результаты неформального опроса новостного ресурса Economist. В нём приняли участие более 650 британцев (многие из которых во время он-лайн опроса находились в США), указавших свои предпочтения в выборе лексем, характерной для американского (AmE) или британского (BrE) вариантов. Так, опрос показал, что наиболее популярными американизмами, заимствованными британцами, являются *apartment* (75 % процентов респондентов используют его вместо варианта *flat*) и *sidewalk* (62 % предпочтений по сравнению с BrE *pavement*). Кроме того, по результатам опроса, практически половина британских респондентов использует в речи лексемы *bug* (50%) вместо *insect* (47%), *vacation* (47%) вместо *holiday* (50%) [<http://www.economist.com/blogs/johnson/2011/11/british-and-american-english-0>]. Возникает вопрос, в какой степени выявленные предпочтения подтверждаются корпусными данными?

Рассмотрим последнюю пару слов более подробно. Их принадлежность к разным вариантам английского языка в значении «отпуск» традиционно маркируется словарями:

vacation – 1.1North American: A holiday. Ex. ‘*people come here on vacation*’ [<https://en.oxforddictionaries.com/definition/vacation>]

holiday – A1 UK (UK informal *holidays*, UK informal *hols*, US *vacation*)

– a time when someone does not go to work or school but is free to do what they want, such as travel or relax: Ex. *Patricia is on holiday next week.* [<http://dictionary.cambridge.org/holiday>]

Для выборки из корпуса нужного нам контекстуального значения, сузим поиск до коллокаций *on holiday* и *on vacation*. Со-

поставив данные 3 корпусов (British National Corpus, News on the Web и Global Web-based English), можно убедиться, что, в целом, выражение *on holiday* более частотно, чем *on vacation*: по данным корпуса BYU-BNC (100 млн слов, 1980–1995 гг.) их частотность соотносится как 8613 и 22, соответственно; по данным корпуса NOW (4,5 млрд слов, 2010–2017) это соотношение составляет 19143 и 9021, а по данным корпуса GloWbE (1,9 млрд слов, 2011–2013) – 6061 и 4906. Тем не менее, очевидно, что частотность коллокации *on vacation* со временем заметно увеличилась. Более того, этот вариант встречается не только в американских источниках, но и в немалом количестве фиксируется в британских, австралийских, индийских и других ресурсах, а сочетание *on holiday* – преимущественно в британских. Сопоставление дистрибуции анализируемых языковых единиц по вариантам английского языка на основе корпуса GloWbE позволяет выявить некоторое преимущество американского варианта: почти 1/3 случаев употребления сочетания *on vacation* приходится на британские источники, тогда как вариант *on holiday* в американских СМИ и других веб-ресурсах встречался в 12 раз реже, чем в британских. Примечателен тот факт, что американизм *on vacation*, по данным рассмотренных корпусов, нередко соседствует с истинно британской лексикой, например, с лексемами *fortnight*, *pence*, *luggage*, *colourful* (орфография BrE), что отмечалась в текстах разных по жанру и источнику:

I was more deserving than him of the luxury away-from-it-all fortnight's vacation. [BNC] (статья в таблоиде)

ICL shares soar to 720 pence. French farmers are on vacation. The Dutch guilder falls out of the Exchange Rate Mechanism. [<http://corpus.byu.edu/bnc/>] (биржевые новости)

«*your dream vacation in Mexico welcomes you to a timeless world of colourful sights and sounds*» [BNC].(рекламный текст)

I took pity on him and threw it in the luggage. No way was I going underwear shopping on vacation [<http://corpus.byu.edu/glowbe/>] (блог)

Лексические заимствования из американского варианта английского языка были также обнаружены в речах членов королевской семьи. Так, в двух речах, произнесенных герцогом Кембриджским в 2016 году, встречается лексема *highway* (AmE).

В марте 2016 года в своем выступлении, затрагивавшем вопросы незаконной перевозки диких животных, герцог произнес: «*Committed public servants in law enforcement, customs, ports and highways are seeing their work undermined by the corruption that traffickers leave in their wake*» [Royal, 1]. В ноябре 2016 года герцог выступил на конференции со словами: «*We know through which ports, airports, and highways their products are being shipped from killing field to market place*» [Royal, 2]. Результаты поиска в национальном корпусе британского языка показывают, что суммарно единица *motorway* и синоним *main road* упоминаются в британских текстах 1818 раз, в то время как единица *highway* обнаруживает 920 упоминаний. Как видно из соотношения цифр, данный американизм, популяризированный многими американскими, австралийскими и британскими исполнителями поп и рок-музыки, достаточно часто встречается в британских текстах.

Причины подобных межвариантных заимствований могут быть разными. Среди них можно выделить следующие: 1) американский вариант представляется более логичным (*freight train*), 2) американский вариант становится более престижным (вариант *apartment* под влиянием сферы торговли недвижимостью), 3) американский вариант частотен в СМИ, телешоу, песнях и т.д. (*highway, sidewalk*)

Грамматический уровень американизации затрагивает, в основном, использование видо=временных форм, сочетание предлогов с глаголами (*wait on* вместо *wait for*), использование в определенных конструкциях прилагательных вместо имени существительного или наречия (напр., *real fast* вместо *really fast*; *I am good* вместо *I am well*), согласование форм числа, лица и пр. Проиллюстрируем некоторые из этих черт американизации.

Американцы гораздо реже употребляют грамматическую форму Present Perfect, заменяя её, как правило, формой Past Simple, несмотря на то, что контекст предложения или текста создает достаточные условия для употребления перфектной формы. Данное упрощение постепенно проникает в британский английский язык, что можно обнаружить в художественных текстах и устной речи. Например, в романе Шона Хатсона, британского писателя, известного своими романами ужасов, обнаруживается пример использования формы Past Simple при наличии типичных времен-

ных маркеров формы Present Perfect: «You don't have to,' said Porter.' A jury already did that» [BNC]. Персонаж, произносящий данную реплику, не является американцем, а, следовательно, использование американизированного грамматического варианта в данном случае нельзя отнести к авторскому стилистическому приему. Корпус содержит примеры подобного упрощения и в устной речи: «That's what they call chapping corn. You just made the corn» [BNC]. Данный отрывок взят из речи, произнесенной интервьюируемым в 1987 году, что демонстрирует тот факт, что процесс американизации начался не только с появлением всемирной сети Интернет, и последующим стремительным ростом глобализации, а имеет начало в XX веке. В приведенном примере четко прослеживается наличие связи с настоящим моментом, что требует употребление формы Present Perfect согласно грамматическим нормам британского варианта английского языка. Так как устная речь более спонтанна, и говорящий тратит меньше времени на построение грамматической структуры, то примеры упрощенной американизированной грамматики английского языка говорят об очевидном изменении языка и непроизвольном заимствовании из американского варианта. Выбор грамматической категории, свойственной американскому варианту английского языка, происходит неосознанно, что доказывает тот факт, что речь говорящего американизирована до такой степени, что грамматика неродного варианта языка заменяет грамматические нормы британского варианта.

Рассмотрим также еще один случай упрощения грамматики английского языка, который заключается в опущении союза *and* в случае описания двух последовательных действий. В качестве примера будет использоваться словосочетание *go and see*, которое в американском варианте стягивается до *go see*. Результаты поиска в британском национальном корпусе показывают, что словосочетание «*go see*», заимствованное из американского английского, встречается в записях устной речи либо в репликах персонажей художественных произведений. «*There's quite a turnover. Go see the show from out front, and then work out why*» [BNC], «*And it were a good group, I wanted to go see*» [BNC]. Данный случай упрощения можно назвать примером американизации устной речи, заимствованием дискурсивных практик. При этом процесс ин-

теграции этой конструкции в британский вариант находится на начальном этапе.

В отличие от лексических особенностей, грамматика американского варианта английского языка отличается от британской нормы незначительно и заключается преимущественно в упрощении конструкций, допущении вариантов, считающихся ошибочными в британском английском. Проявления американизации здесь менее заметны, т.к. грамматический строй языка считается более устойчивым, чем лексический уровень. Хотя в британском английском подобные упрощения и существуют в рамках определенных сфер использования языка, тем не менее, на данный момент, они всё еще не считаются правильными с точки зрения существующих грамматических норм.

Американизация британского произношения связана с падением престижа в Великобритании стандартного акцента Received Pronunciation, что опять же явилось результатом экономической и культурной экспансии США. В процессе межкультурной коммуникации американское произношение постепенно вытесняет британские произносительные нормы, что ярко проявляется в сфере шоу-бизнеса, когда британские исполнители американизируют свое произношение в песнях, чтобы привлечь интерес зарубежных слушателей, а британские актеры порой вынуждены говорить с американским акцентом для получения роли и дальнейшего продвижения в карьере.

Среди самых явных случаев изменения произносительных норм под влиянием американского английского можно выделить произнесение звука [r] в закрытом слоге и озвончение звука [t] в интервокальной позиции. На данный момент британский акцент воспринимается в американском обществе как нечто архаичное, элитарное или забавное (в беседах с американцами о BrE нам приходилось слышать от респондентов такие характеристики, как “snobbish”, “cute”, “funny” “neat”). В мире все чаще отдается предпочтение американскому произношению, которое считается более модным и современным. Британское общество также нередко заимствует нормы американского произношения не только из продуктов поп-культуры США, но также из американизированной британской кино- и музыкальной индустрии и речи знаменитых людей.

Интересно, что даже среди членов королевской семьи наблюдается тенденция американизации произношения, которая особенно заметна у принца Гарри Уэльского, который часто посещает США. В интервью американскому телеканалу ABC News принц Гарри произносит следующую фразу: «...my comrades, friends, whatever.» [https://www.youtube.com/watch?v=_A_QThYTjZA, 0:34]. В данном отрывке наблюдается пример произнесения звука [t] в интервокальной позиции согласно американским нормам, когда [t] озвончается и звучит как [d]. Рассказывая о своих детских воспоминаниях, принц Гарри говорит о странной музыке, которую слушала его мать, принцесса Диана, и произносит: «It took a little bit of getting used to» [https://www.youtube.com/watch?v=_A_QThYTjZA, 2:36]. В данном случае принц Гарри Уэльский также произносит слово *little* с озвончением, как [lidl]. Различие в произнесении данного слова носителями разных вариантов приводится на интернет-ресурсе Cambridge Dictionary [<http://dictionary.cambridge.org/pronunciation/english/little>].

Американизация британского произношения также наблюдается и в песнях британских исполнителей. Например, британская певица Адель в песне *Skyfall* в строке «So overdue I owe them» отчетливо произносит [ˌou.vəˈduː], что является произносительной нормой, характерной для американского варианта английского языка [<https://www.youtube.com/watch?v=DeumyOzKqgI>, 1:14].

Примечателен тот факт, что у Адели при исполнении песни американские нормы произнесения перемежаются с британскими, часто даже на уровне одного небольшого отрезка текста. Например, в строках «*Hear my heart burst again*» (0:51), «*Face it all together*» (1:34) слова *hear* и *burst* произносятся с британским беззвучным [r], в то время как в слове *heart* слышится звук [r], несмотря на закрытый слог. Также на стыке слов *it* и *all* звук [t], находящийся в интервокальной позиции, озвончается и приближается к звуку [d], как и в случае с принцем Гарри, описанном выше. Подтверждением намерения исполнителя повысить свою популярность посредством американизации произношения служит тот факт, что в раннем творчестве Адель произносит слова без американизированного произношения либо с гораздо меньшей степенью американизации. Данная тенденция американизации речи в песнях британскими исполнителями активно

обсуждается в средствах СМИ. Например, в статье «Why British Singers Lose Their Accents When Singing» журналист обращает внимание на рассматриваемую проблему. Автор статьи говорит о том, что во время обычного разговора у Адель слышится сильный британский акцент, который даже приближается к кокни, одному из самых известных типов лондонского просторечия. Однако, при исполнении песен певица звучит совсем иначе. По заявлению автора, если послушать речь и песни Адель без видеоряда, то может показаться, что это два разных человека. В статье говорится о том, что такая тенденция распространяется на многих музыкальных деятелей: «It seems like no matter where you're from, if you're singing in English, you're probably singing with an American accent» [<http://www.todayifoundout.com/index.php/2013/08/why-british-singers-lose-their-accent-when-singing/>].

Причиной американизации произношения британских исполнителей можно назвать сильную позицию США на музыкальном рынке. Подтверждением повышенного интереса к американскому варианту английского языка служит также тот факт, что многие исполнители, которые не являются носителями английского языка, но исполняющие песни на английском для охвата большей аудитории, отдают предпочтение американскому произношению либо поют со смешанным произношением. Российские исполнители не являются исключением. Так, на международном конкурсе эстрадной песни Eurovision-2016 российский певец Сергей Лазарев исполнил песню «You Are The Only One» с произношением, приближенным, скорее, к американским произносительным нормам, чем к британским [<https://www.youtube.com/watch?v=w7hRZS-nLhY>].

Таким образом, музыканты, поющие на английском языке, в большинстве случаев либо выбирают американское произношение, либо частично американизируют британское произношение.

Рассматривая продукты развлекательного характера, невозможно не отметить такую крупную отрасль, как киноиндустрия, где США также является неоспоримым лидером. Однако, несмотря на то, что большинство фильмов снимаются именно американскими студиями и режиссерами, в американских картинах часто можно встретить британских актеров. Чтобы повысить свой шанс на успешную карьеру, многие британские актеры и

актрисы вынуждены говорить с американским акцентом, кроме того, иногда американское произношение является обязательным требованием для получения той или иной роли в фильме.

Одним из ярких примеров британских актеров, говорящих с американским акцентом, является Хью Лори. В своей роли во всемирно известном телесериале «Доктор Хаус» актер решил использовать американский акцент, так как режиссеру требовался образ циничного американца. О почти анекдотичной истории получения им главной роли говорится в статье «The Director of 'House' Didn't Realise Hugh Laurie was British», опубликованной на портале Fact Fiend: режиссер, при прослушивании записей Хью Лори, не распознав в нем британца, воскликнул: «See, this is what I want: an American guy!» [<http://www.factfiend.com/director-house-didnt-realise-hugh-laurie-british/>].

Востребовано ли в мировой киноиндустрии британское произношение? Интересным является факт, что при экранизации серии книг американского писателя-фантаста Джорджа Мартина в виде телесериала, все режиссеры, принявшие участие в съемках разных сезонов, и подавляющее большинство актеров говорили с британским акцентом. Действие книг и сериала разворачивается в вымышленном мире, который по своей эстетике приближен к средневековью. Создатели телесериала умышленно выбрали британский акцент для того, чтобы передать некую загадочную средневековую атмосферу, что ещё раз подтверждает отношение большинства представителей шоу-бизнеса к стандарту британского варианта английского языка как к чему-то архаичному.

Таким образом, американизация произношения британцев имеет в своем основании и коммерческий интерес. Британские исполнители и актеры в своём стремлении преуспеть в карьере американизируют речь, чтобы привлечь большее количество аудитории, получить более высокооплачиваемые роли в американских телесериалах и голливудских фильмах. Вслед за ними их поклонники-британцы, являясь потребителями массовой культуры, неосознанно перенимают нормы произнесения американского варианта английского языка.

Обозначенные тенденции в очередной раз свидетельствуют о том, что американский вариант английского языка на данный момент считается более престижным и актуальным, нежели бри-

танский, что является полной противоположностью ранее существовавшей ситуации. Процессы американизации, которым трудно противостоять, несомненно, вызывают озабоченность среди британцев. Конечно же, о какой-либо потере британской идентичности пока говорить не приходится, но многие журналисты, лингвисты и культурологи подчеркивают важность сопротивления американизации и призывают сохранять свой вариант языка, свой акцент и другие особенности, как это делает ведущий цикла передач BBC, известный журналист Мэтью Энгел: «Britain is a very distinct country from the US. Not better, not worse, different. And long live that difference. That means maintaining the integrity of our own gloriously nuanced, subtle and supple version – the original version – of the English language.» [Engel, 2011, <http://www.bbc.com/news/14130942>]

Список литературы

Кабакчи В.В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. СПб: СПбГУЭФ, 2009. С. 78–97.

Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингво-культурологию: . учеб. пособие. СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012.

Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь Мир, 2001.

Ларцева Е.В. Американский вариант английского языка и его влияние на британский в дискуссиях зарубежных лингвистов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (105). С. 147–159.

Низкодубов Г.А. Современный этап в истории развития американского варианта английского // Вестник томского государственного педагогического университета. Серия. Гуманитарные науки. 2006. № 4. С. 96–101.

Прошина Э.Г. Контактная вариантология английского языка : Проблемы теории. World Englishes Paradigm : учеб. пособие М.: Флинта: Наука, 2017.

Gooden Ph. The Story of English: How the English Conquered the World. London: Quercus Books, 2011.

Mair Ch. Twentieth-century English: History, variation and standardization (Studies in English Language). Cambridge: Cambridge University Press, 2006.

Электронные источники

Aljeo J. Language Myth: America is Ruining the English Language [Электронный ресурс]. – URL: <https://aggslanguage.wordpress.com/2011/01/06/language-myth-america-is-ruining-the-english-language-by-john-aljeo/> (Дата обращения: 20.03.2017)

British and American English: Americanisation survey: the results // The Economist [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.economist.com/blogs/johnson/2011/11/british-and-american-english-0> (дата обращения: 01.12.2016)

Crystal D. American English in Europe [Electronic resource] // Superculture: American popular culture and Europe. – London: Elek, 1975. – P. 57–68. URL: http://www.davidcrystal.com/DC_articles/English108.pdf (Дата обращения: 28.02.2017)

Engel M. Viewpoint: Why do some Americanisms irritate people? BBC News, 13 July 2011. URL: <http://www.bbc.com/news/14130942> (Дата обращения: 21.04.2017)

Royal 1 – A speech by The Duke of Cambridge at the United for Wildlife Transport Taskforce declaration signing [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.royal.uk/duke-cambridges-speech-united-wildlife-transport-taskforce-declaration-signing> (дата обращения: 02.03.2017)

Royal 2 – A speech by The Duke of Cambridge at the third International Conference on the Illegal Wildlife Trade | The Royal Family [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.royal.uk/duke-cambridges-speech> (дата обращения: 02.03.2017)

Why British Singers Lose Their Accents When Singing [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.todayifoundout.com/index.php/2013/08/why-british-singers-lose-their-accent-when-singing/> (дата обращения: 9.03.17)

BNC – British National Corpus [Электронный ресурс] URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 11.05.17)

NOW – News on the Web [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/now/> (дата обращения: 14.05.17)

GloWbE – Global Web-based English [Электронный ресурс]
URL: <http://corpus.byu.edu/glowbe/> (дата обращения: 15.05.17)

COCA – Corpus of Contemporary American English URL: [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 19.04.17)

*Yulia Vladimirovna Sergaeva, Vsevolod Pavlovich Sizov
(Saint Petersburg, Russia)*

AmE VS. BrE: CAUSES AND CONSEQUENCES OF AMERICANIZATION OF BRITISH ENGLISH

The article explores socio-cultural and linguistic aspects of Americanization of British English. The authors analyze the corpus-based data and other sources to classify and illustrate some lexical, grammatical and phonetic features of American English penetrating into speaking habits of the British people.

Keywords: American English, British English, Americanisms, Americanization, borrowing, variantology.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 81`42

О.Е. Филимонова (Санкт-Петербург, Россия)

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ В.И. ШАХОВСКОГО «ДИССОНАНС ЭКОЛОГИЧНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ КРУГЕ: ЧЕЛОВЕК, ЯЗЫК, ЭМОЦИИ»

Статья информирует читателя о новой монографии В.И. Шаховского, посвящённой актуальному вопросу экологии общения. Рассматриваются некоторые направления эмотивной лингвоэкологии, анализ категориальных эмоциональных ситуаций в различных жанрах и психолого-педагогические аспекты решения проблем неэкологичного общения.

Ключевые слова: эмотивный, лингвоэкология, коммуникация, эмоциональная ситуация, толерантность, СМИ, здоровье.

Новая монография доктора филологических наук, профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета Виктора Ивановича Шаховского, входящего в список Топ-100 самых цитируемых российских учёных, посвящена чрезвычайно актуальному в настоящее время вопросу экологичности общения. Слово «диссонанс», вынесенное в заглавие книги, очень точно отражает состояние современной коммуникации. Угрожающе загрязнённая информационная среда, насилие над языком могут привести к необратимым последствиям, разрушительным как для человека, так и для языка, на котором он говорит. Своевременность и актуальность появления фундаментального исследования проблем экологичности общения несомненна.

Эмотивная лингвоэкология – это новая отрасль языкознания, возникновению которой способствовала лингвистика эмоций, изучающая представление эмоций в языке и тексте. Возникнув первоначально на основе лингвистики эмоций, эмотивная лингвоэкология включает в себя, как следует из её названия, и экологию. Третьей составляющей этой науки является валеология – наука о сохранении здоровья человека. В первой части своей книги В.И. Шаховский описывает зарождение эмотивной лингвоэкологии на основе вышеупомянутой триады наук и представляет предмет, проблемы, терминологический аппарат

и методологию исследования этой новой научной дисциплины. Важнейшими задачами эмотивной лингвоэкологии автор считает изучение того, как эмоции влияют на здоровье языка и человека: прямо, косвенно, реверсивно или чисто ситуативно, а также изучение терапевтической функции языка. К числу предметов эмотивной лингвоэкологии автор относит и изучение параметров экологичности общения в зависимости от эмоций, которые мотивируют его.

Анализируя работы лингвистов, заложивших основы лингвоэкологии, В.И. Шаховский особо отмечает А.П. Сковородникова как первооткрывателя в терминотворчестве лингвоэкологии, считая заслуживающими внимания исследователей такие понятия как лингвонекроз, предел толерантности языка, коэффициент загрязнённости текста, зоны лингвоэкологической чрезвычайной ситуации и лингвистической опасности, лингвоэкологический мониторинг и другие [Шаховский, 2016, с. 37–38].

Исходя из тезиса о том, что коммуникативное поведение людей влияет на их психоэмоциональное и ментальное здоровье, а также на здоровье национального языка, В.И. Шаховский справедливо отмечает, что в связи с глобальной экспрессивизацией и эмоционализацией всех видов общения человека – межличностного, группового, институционального, социального, проявляющихся в фонации, просодии, интонации, в лексике, фразеологии, а также в невербалике и паралингвистике, – сила такого влияния значительно увеличивается [Шаховский, 2016, с. 74].

Ценность монографии В.И. Шаховского в немалой степени состоит в её междисциплинарности, в частности в её связи с социологией и педагогикой. Автор пишет о необходимости формирования специальных социальных фильтров, позволяющих контролировать поток неэкологичных вербалий и невербалий в публичном общении, о важности лингвоэкологического подхода к языковому обучению и формированию коммуникативной компетенции говорящих, отмечая, что экологичный язык – это залог развития экологичного интеллекта, экологичной коммуникации, а значит, формирования экологичного климата общения на всех его уровнях [Шаховский, 2016, с. 76].

Анализируя первый в истории лексикографии лингвоэкологический словарь [Сущенко, 2011], В.И. Шаховский акцентирует

ет внимание читателя на таких важных терминах, как **безопасность лингвоэкологическая, лингвистическая компетентность, детериоризация лингвоэкологической среды, синдром лингвоэкологического напряжения** и других. Обращаясь к общим вопросам теории эмотивной лингвоэкологии, автор особо отмечает **терапевтическую, или здоровьесохраняющую функцию языка**, связывая её также с этологической, экологической и эстетической функциями [Шаховский, 2016, с. 108, 109].

Практическим материалом исследования В.И. Шаховского служат преимущественно примеры коммуникации в СМИ современной России. Автор изучает тексты предвыборных дебатов российских политиков, рекламные тексты, письма в газеты, различные телевизионные жанры (например, ток-шоу), приводя многочисленные примеры, иллюстрирующие «синдром эмоционального выгорания коммуникантов», призывая к уменьшению негативной, неэкологичной информации (прежде всего в СМИ). Трудно не согласиться с автором, когда он пишет, что современное агрессивное общение людей непосредственно способствует негативной интерпретации мира, а языковые средства своей эмотивной семантикой моделируют негативную языковую картину мира [Шаховский, 2016, с. 88].

В.И. Шаховский впервые поднимает вопрос об экологическом интеллекте и разрабатывает основы для формирования такого интеллекта, полагая, что все мы «совершаем ненамеренно языковые преступления» [Шаховский, 2016, с. 142]. Фактором неэкологичного общения автор считает унижение языком. Критика автора совершенно справедливо, на мой взгляд, направлена на современных журналистов, которые моделируют в обществе психоэмоциональные настроения страха, подавленности, неуверенности в себе. Следует отметить, что и в западных странах граждане получают от СМИ в основном эмоциональные удары (strikes), а не положительные поглаживания (strokes).

Анализ экологичности/неэкологичности общения (с явным перекосом второго) проводится с опорой на понятие категориальной эмоциональной ситуации, первоначально введённое в научный оборот как категориальная эмотивная ситуация [Филимонова, 2001] и широко используемое современными исследователями языка эмоций с вариативными терминами эмоциональная/эмо-

тивная категориальная ситуация [Константинова, 2009; Мартыянова, 2015]. Как показывает проводимый В.И. Шаховским анализ эмоциональных ситуаций общения, смещение коммуникации в сторону неэкологичности особенно заметно в публичном общении политиков, отражённом в массмедиа. Автор проводит детальный разбор лингвостилистических средств, выявленных им в текстах предвыборных теледебатов известных политиков В.В. Жириновского и М.Д. Прохорова, а также анализирует эмоции участников дебатов, способствующие диффамации оппонента и самоглотификации.

Большой интерес представляет описание манипулятивного использования психосемантики «детской кнопки», которая «как тактическое средство механически, но интенционально время от времени нажимается в ходе всей предвыборной кампании» [Шаховский, 2016, с. 230]. Справедливости ради следует отметить, что «детская кнопка» используется политиками в разных странах, а не только в России.

Дискуссионной, но заслуживающей внимания, является информация о «лептонах», приведённая в пятой части книги в разделе «Тензиональность и пассионарность общения» при анализе конфликтной ситуации обиды. Как пишет В.И. Шаховский, экспериментально доказано, что усилиями воли «можно выделять из себя своего лептонного двойника, информационно-энергетические мысли и чувства (эйдосы) [Шаховский, 2016, с. 248].

В.И. Шаховский приходит к важным выводам об эмоционализации и экспрессивизации общей тональности русскоязычного общения и об ответственности СМИ за экологическую безопасность страны, её жителей и её языка. Книга В.И. Шаховского предлагает не рецепты, а мысли, ориентирующие на конструктивное общение людей друг с другом, а также власти с народом и народа с властью, и красной нитью через всю его книгу проходит мысль о том, что в экологичной коммуникации адресант должен превыше всего ставить коммуникативное благополучие адресата [Шаховский, 2016, с. 190].

Одним из существенных признаков неэкологичности общения является нетолерантность. Анализируя нетолерантность, в частности, на примере интервью известной актрисы Мэрил Стрип, и намечая интересные перспективы исследования категориальных

эмоциональных ситуаций, автор приводит далее данные о гендерных различиях в пороге самоконтроля (эмоциональной сдержанности) мужчин и женщин. Соглашаясь в целом с выводами представителей гендерной лингвистики, разделяемыми В.И. Шаховским, считаем, тем не менее, что утверждение, что коммуникативная активность женщин «осуществляется, в основном, за счёт эмоциональной составляющей» [Шаховский, 2016, с. 267] является само по себе нетолерантным.

В качестве главной речевой стратегии экологичного общения в условиях негативных категориальных эмоциональных ситуаций В.И. Шаховский рассматривает технику амортизации (в том числе, методику «айкидо») как отказ от ответной вербальной агрессии. Нетолерантность является конфликтообразующим фактором коммуникации, и В.И. Шаховский своевременно ставит вопрос о необходимости обучения коммуникативным механизмам толерантности и, соответственно, о создании специальных практических пособий по речевому преодолению эмоциональной нетерпимости «к Другому» и по повышению эмоционального интеллекта коммуникантов.

Большой интерес представляет раздел о речевом перебиве как разновидности нетолерантного общения. Очень важно, что в поле зрения В.И. Шаховского попадает и коммуникация в сфере бизнеса, до настоящего времени не входившая в орбиту лингвистики эмоций. Автор использует отрывки из художественных фильмов и современной прозы, в которых присутствуют разговоры представителей крупного бизнеса и их работников, отмечая, что в речи участников высокостатусного бизнеса грубые перебивы могут сопровождаться и другими аффективами, такими как оскорбление, ругань и мат. Изучая коммуникацию в сфере мелкого предпринимательства на примере подслушанного реального общения директора строительной фирмы г. Волгограда с подчинёнными, автор приходит к заключению, что коммуникация в сфере низкостатусного бизнеса маркирована эмотивной неэкологичностью: отсутствием эмоциональной толерантности, несоблюдением норм вежливости, пренебрежением стилевыми признаками делового общения и его этикой, что на практике реализуется в бесконечном потоке перебивов коммуникантами друг друга [Шаховский, 2016, с. 285–286].

Книга В.И. Шаховского читается с неослабевающим интересом, который по ходу чтения только возрастает. Автор анализирует неэкологичные эмоции в лживой коммуникации, а в противовостоянии лживой коммуникации и в защите экологии языка отводит важную роль лингвистике. В.И. Шаховский намечает перспективы лингвистических исследований, отмечая, что лингвистика не может упразднить ложь и лживую коммуникацию, но она может установить прототипичные лживые средства языка, может выявить, как именно истина с помощью языка превращается в ложь, как нормальные слова становятся лживыми, рефлектируя лживые понятия. Лингвистика может установить лживые валентности слова, она может и должна составить перечень всех слов, структурных интоном, просодом и кинем, уличающих языковую личность в лживости, чтобы противостоять манипулированию собой и зомбированию со стороны прежде всего СМИ и Интернета [Шаховский, 2016, с. 292]. Исследование лингвистических и психологических механизмов лжи, безусловно, является очень перспективным направлением эмотивной лингвоэкологии. В разделе «Над пропастью во лжи», имеющем экспрессивное название, созвучное названию известного романа Сэлинджера, В.И. Шаховский касается межкультурного аспекта лингвистики лжи, призывая лингвистов обратить внимание на изучение лживых речевых актов, в частности, на материале мировой художественной литературы, поскольку художественная коммуникация является слепком реальной коммуникации.

Справедливо полагая, что эмоционализация мира коммуникации способствует увеличению деструктивного общения, В.И. Шаховский говорит о необходимости специальных научных исследований и дидактических пособий, которые ограждали бы коммуникантов от неэкологичных практик, «чтобы, с одной стороны, уметь ориентироваться в новой лингвистической реальности, а, с другой стороны, уметь её своевременно корректировать и особенно противодействовать лингвоцинизму и лингвистическому юродству» [Шаховский, 2016, с. 335]. Автор убедительно показывает на большом фактическом материале, что обвал языковых норм происходит по разным уровням системы языка: в просодике, в орфографии, в словообразовании, в лексике и стилистике. Очень часто описание негативных событий и коммен-

тарии к ним в современных СМИ «разрушают экологию языка и культуры речи, а также экологию здоровья граждан и экологический имидж страны как внутри неё, так и за её пределами» [Шаховский, 2016, с. 345].

Заключительные разделы книги посвящены описанию некоторых аспектов позитивного общения, таким образом, представляя собой антитезу диссонансу экологичности. Сетую о том, что эмпатическая функция языка незаслуженно забыта, В.И. Шаховский пишет о возвышающей функции языка, о необходимости глорификации в позитивном общении. Все позитивные функции языка автор обозначает гиперонимом **экологическая функция языка** [Шаховский, 2016, с. 348].

Мониторинг текстов разных жанров и стилей сквозь призму эмотивного анализа позволил В.И. Шаховскому выявить существование экологических текстов. Большой интерес представляет, в частности, анализ 38 текстов рекламных «Писем из упаковки» Е.Дёмина, генерального директора компании SPLAT. Анализ состоял в выявлении ключевых слов этих текстов, среди которых не было выявлено ни одного неэкологичного. Изучая далее экологию романтического общения, автор приходит к убедительному выводу о том, что романтическая коммуникация может рассматриваться как наиболее многомерный модус экологичности [Шаховский, 2016, с. 378].

В заключение остановимся на некоторых дискуссионных положениях. В.И. Шаховский пишет о появлении в настоящее время большого количества новых номинаций в медицинском дискурсе и о том, что большинство таких номинаций-вербалий неизвестны обывателю и не используются в обыденной речи, «поэтому «встреча с ними» вызывает неприятные ощущения из-за их непонятности, а значит и неэкологичности» [Шаховский, 2016, с. 332]. Думается, что нельзя приравнивать непонятность к неэкологичности. Непонятное слово может стать стимулом к познанию, открытию. Неэкологичным может быть только чрезмерный объем использования сложных терминов в тексте. Отдельные рекомендации автора представляются несколько утопическими: «для решения проблемы сбалансированного эмоционального модуса экологичности общения в обществе носителям языка необходимо иметь представление об эмотивной семантике слова, его эмотивном потенциале и

функциональных вариантах» [Шаховский, 2016, с. 80]; «У всех коммуникантов конкретного социума должны быть единые правила коммуникации по аналогии с правилами дорожного движения. Каждый коммуникант должен владеть экологическим кодом общения» [Шаховский, 2016, с. 116].

Размышления о новой книге В.И. Шаховского наводят на мысль о двух очень важных характерных особенностях этой книги, отличающих её от большинства лингвистических трудов. Первая особенность – это широчайший охват сфер общения, обсуждаемых в монографии. Включение в одно исследование как устной, так и письменной речи, прозы, поэзии, текстов песен, кинофильмов, ток-шоу, политических дебатов, рекламы и других – редкое явление в отечественной лингвистике. Более чем внушительный срез современной коммуникации обеспечивает наряду с хорошо аргументированным анализом не подлежащую сомнению достоверность выводов автора монографии. Вторая особенность – это очень яркое проявление в обсуждаемом тексте категории автора – бесконечно преданного науке талантливого Учёного, патриота своей страны, который не только мечтает о том, чтобы в коммуникативном круге – человек, язык, эмоции – вместо диссонанса экологичности воцарилась гармония, но и намечает пути приближения к этой гармонии.

Список литературы

Мартемьянова Е.А. Репрезентация эмотивных ситуаций с множественным субъектом состояния в современном англоязычном тексте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2015.

Константинова Н.В. Лингвостилистические особенности прозы Дж.М. Кутзее. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Сковородников А.П. К становлению системы лингвоэкологической терминологии // Речевое общение: Специализированный вестник. Краснояр. Гос. ун-т. Вып.3 (11). Красноярск, 2000.

Сущенко Е.А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий. СПб., 2011.

Филимонова О.Е. Категория эмотивности в английском тексте (когнитивный и коммуникативный аспекты). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. СПб., 2001.

Шаховский В.И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. Волгоград, 2016.

Filimonova Olga Yevgenievna (Saint-Petersburg, Russia)

**THOUGHTS ABOUT V.I. SHAKHOVSKY'S NEW BOOK
"THE DISSONANCE OF ECOLOGICITY IN THE
COMMUNICATIVE CIRCLE: HUMAN BEING,
LANGUAGE, EMOTIONS"**

The article informs the reader about V.I. Shakhovsky's new monograph on the ecology of communication. It focuses on some trends in emotive lingvoecology, the analysis of emotional situations in various genres and the psychological and pedagogical aspects of solving the problems of ecology in communication.

Keywords: emotive, lingvoecology, communication, emotional situation, tolerance, mass media, health

НАШИ АВТОРЫ

АБРОСИМОВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА – аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

БЕЛОГЛАЗОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета

БЕКМУРЗАЕВА ФЕРУЗА ШУХРАТОВНА, аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

БОРИСЕНКО ЕВГЕНИЙ СЕРГЕЕВИЧ – аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ВИНОГРАДОВА ВАЛЕНТИНА СЕРГЕЕВНА – сотрудник Военной академии связи имени Маршала Советского Союза С. М. Буденного города Санкт-Петербурга.

ВОРОНЦОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА – доктор филологических наук, профессор, директор Института иностранных языков, заведующая кафедрой английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ВЫШЕНСКАЯ ЮЛИЯ ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ДАНИЛОВА ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

ДАНИЛОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЕВСТИГНЕЕВА ЛЮБОВЬ ВЛАДИСЛАВОВНА – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЕНИКЕЕВА САНИЯ МАРАТОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Запорожского национального университета (Украина).

ИВАНОВА (ШЕЛИНГЕР) ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КАБАКЧИ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета

КАРГАПОЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КИРЕЕНКОВА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КОПЧУК ЛЮБОВЬ БОРИСОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

МОВЧАН МАРИНА КОНСТАНТИНОВНА – аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – профессор кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института Северодвинского филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова

ПИГИНА НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПРИХОДЬКО АННА ИЛЬНИЧНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета (Украина)

РУБЦОВА ЮЛИЯ СЕРГЕЕВНА – аспирант кафедры романской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

РЯБУХА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СИЗОВ ВСЕВОЛОД ПАВЛОВИЧ – магистрант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СИЛИНА АННА ВЛАДИМИРОВНА – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СМОЛОНОГИНА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

ФИЛИМОНОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ФИЛИПШОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЧЕМОДУРОВА ЗИНАИДА МАРКОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ШИШКИНА ИННА ПАВЛОВНА – кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СОДЕРЖАНИЕ

220-ЛЕТИЮ РГПУ ИМЕНИ А.И. ГЕРЦЕНА ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЩИРОВА И.А., СЕРГАЕВА Ю.В., КОПЧУК Л.Б., ПИГИНА Н.В. Ученых славные дела	3
КАРГАПОЛОВА И.А. Лингвистические мифы как объект биосемиотического исследования. Памяти И.К. Архипова	13

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ПАРАДИГМАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

БЕКМУРЗАЕВА Ф.Ш. Диахронические аспекты изучения категории полимодальности	25
БОРИСЕНКО Е.С. Соотношение понятий «аллюзия» и «фразеологизм» в современном языкознании	33
ДАНИЛОВА В.А., ДАНИЛОВА Г.И. Фразеологизмы с ключевой лексемой «Mönch» в немецкой языковой картине мира	41
ЕНИКЕЕВА С.М. Формирование телескопизмов на основе имён собственных: анализ лексических инноваций современного английского языка.	54
КИРЕЕНКОВА Е.Е. Употребление эвфемизмов в терминологии специальной педагогики.	68
НИФАНОВА Т.С. Оценка свойств природных явлений и проявление к ним эмоций со стороны коллективного субъекта (на материале английского и французского языков)	74
РУБЦОВА Ю.С. Статус инфинитива во французском языке: история разработки проблемы.	81
СИЛИНА А.В. К вопросу о разграничении ключевых понятий лингвоаксиологии	89
ТОЛОЧИН И.В. Об одной особенности английских фразовых глаголов	95
ШИШКИНА И.П., СМОЛОНОГИНА Е.А. Немецкие личные имена как объект лексикографического описания	104

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ И ИССЛЕДОВАНИЮ ТЕКСТА

АБРОСИМОВА Н.Г. Специфика проявления эгоцентрической точки зрения речевого субъекта в текстах реальной коммуникации	117
ВИНОГРАДОВА В.С. Россия в немецком политическом дискурсе: семантико-прагматические стратегии.	124

ВОРОНЦОВА Т.И. О явлении кросс – референции в тексте баллады	134
ВЫШЕНСКАЯ Ю.П. Художественный стиль в рамках проблемы «свой – чужой» (на материале произведений английской средневековой словесности).	141
ЕВСТИГНЕЕВА Л.В. Типология сигналов адресованности в модернистском психологическом тексте.	148
МОВЧАН М.К. Нарративные стратегии создания образа исторической личности (на материале биографии Фридриха Второго «Friedrich II von Preussen: eine Biographie» И. Миттенцвай).	154
РЯБУХА О.В. Использование интекстов в художественном тексте.	160
ЧЕМОДУРОВА З.М. Игровая стратегия моделирования лабиринта сюжетного времени в невозможных фикциональных мирах постмодернизма	167
ФИЛИППОВА С.Г. Образность в концептосфере художественного текста.	177
ЩИРОВА И.А. О методологических основах современной науки и холистическом подходе к литературному тексту.	185
СЛОВО И ТЕКСТ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ	
КАВАКЧИ V.V., BELOGLAZOVA E.V. Teaching Russian-culture-oriented English: What For and How To	195
ИВАНОВА (ШЕЛИНГЕР) Т.Н. Антропоцентрическая парадигма в переводческом аспекте.	209
ПРИХОДЬКО А.И. Коммуникативное значение в межкультурной коммуникации	218
СЕРГАЕВА Ю.В., СИЗОВ В.П. AmE vs. BrE: причины и следствия американизации британского варианта английского языка.	227
РЕЦЕНЗИИ	
ФИЛИМОНОВА О.Е. Размышления о книге В.И. Шаховского «Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции»	241
НАШИ АВТОРЫ	250

ISBN 978-5-906931-35-1

STUDIA LINGUISTICA

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ

XXVI

Подписано в печать 14.06.2017. Формат издания 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,88.
Тираж 200 экз. Заказ 5687.

Отпечатано в ООО «Политехника-принт».
Санкт-Петербург, Измайловский пр, 18-д.

Для заметок
